

ЛЕВ

КВИН

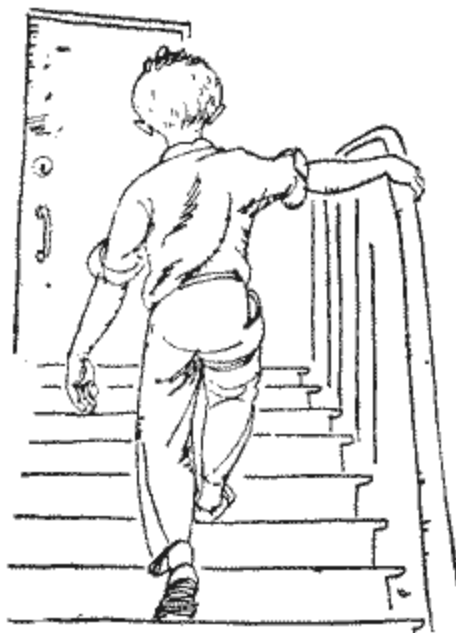
ЛЕВ

КВИН

**+35° Приключения двух друзей в
жаркой степи (Плюс тридцать
пять градусов)**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мы сидели в купе уже, наверное, целых полчаса. Мама, расстроенная, готовая каждую минуту заплакать, торопливо втолковывала мне напоследок, что такое хорошо и что такое плохо, с кем я должен и с кем не должен дружить. Папа смотрел в окно, изредка оборачиваясь и подмигивая сочувственно: терпи, брат, ничего не поделаешь! Катька, моя младшая сестренка, прыгала, как белка, с полки на полку и тоненько тянула свою очередную нескладуху — она их пекла, как блины, по дюжине в минуту:

Мы уезжаем к морю,
А Толька остается дома.
Мы будем купаться в море,
А Толька пусть ходит грязным...

В другое время я бы ей показал грязного Тольку. А сейчас... Что я мог сейчас сделать? Вот только проворчать негромко:

— Как дам...

— Что? — удивленно спросила мама.

— Я... я не тебе... Я про свое.

— Он про свое! Я с ним говорю, как со взрослым, сознательным человеком, а он сидит и думает про свое!.. Третий раз тебя спрашиваю: где ключ от квартиры?

— А, ключ! Тут. — Я хлопнул себя по левому карману брюк.

— А деньги?

— Тут. — Я хлопнул по правому карману и сразу же вспомнил: — Ой, я их дома оставил!

— Вот! — мама повернулась к пале. — Ты слышал, Женя?

— Ничего страшного.

— Он их потерял — неужели не понимаешь?

— Ничего не потерял, — сказал я. — В кухне лежат, на столе.

Папа полез за бумажником.

— На тебе еще пять рублей. На случай, если все-таки потерял.

Он подмигнул мне и чуть заметно улыбнулся. Я тоже улыбнулся осторожно, так, чтобы мама не заметила. Ну папка! Он еще дома хотел мне сразу дать пятнадцать, но мама не разрешила, сказала, что не надо, меня баловать, хватит и десяти. Пять рублей на дорогу — туда и обратно, пять рублей на всякую всячину.

— Ой, Женя, если с мальчиком что-нибудь случится...

Мама приложила платок к к мокрым глазам и выбежала в коридор плакать.

— Не расстраивайся, Толюха, — папа хлопнул меня по плечу. — Ты же знаешь, мама у нас немножко плакса.

Катки до этого не было слышно, притихла где-то там на верхней полке, а тут сразу подала голос:

— А я маме скажу!

— Что скажешь? — не понял папа.

— Что ты обзываешься.

— Она скажет, — предупредил я.

— Моя дочь? Не верю! Я же ее знаю.

— Ты целые дни на работе. А я вот точно знаю — как что, сразу ябедничать.

— А я маме все скажу, и она тебе задаст, — опять завела Катка на свой противный мотив.

Папа послушал немного, потом встал, открыл дверь купе.

— Лиза! Лиза, иди сюда. Тебе Катя что-то хочет сказать... Ну, Катя, говори маме! Говори, что молчишь?

Катька сморщила нос и вдруг как заревет. Есть все-таки у человека какие-то остатки совести.

— Зачем ты? — мама с упреком взглянула на папу и взяла Катьку на руки. — Не надо, Катюша, маленькая моя, хорошенькая моя. Обидели девочку.

— Не заступайся за нее, пусть ревет сколько влезет, — строго сказал папа. — Она сама виновата. Детей надо отучать от дурного.

Лучше бы он этого не говорил. Мама сразу вспомнила, что и меня надо отучать от дурного, и опять началось:

— В ванной кран не открывай — он протекает... Магнитофон не крути, опять испортишь, как тогда — уплатили пять рублей за ремонт... В буфет не лазить, слышишь? Там ничего вкусного нет... И смотри, на поезд не опоздай — папа уже телеграмму дал дяде Володе — он будет встречать...

Так продолжалось до тех пор, пока проводница не закричала в коридоре:

— Провожающих, прошу выйти из вагона.

На перроне, в самую последнюю минуту, когда я уже считал, что все обошлось, мама стала, плача, обнимать и целовать меня так, будто мы не прощались, а, наоборот, встретились после трехлетней разлуки. Все смотрели в нашу сторону и улыбались — и проводница с желтым флажком в руке, и носатый железнодорожный милиционер в фуражке с малиновым околышком. Даже четверо развеселых дяденек за ресторанным столиком, — и те пялились на нас через широкое вокзальное окно.

Мне сразу стало, жарко, лоб покрылся испариной: другие краснеют, когда волнуются или когда им стыдно, а я потею. Почему маме обязательно нужно целоваться при всех? Чем хуже в купе?

Вот папа — совсем другое дело! Папа подал мне руку, тряхнул:

— Действуй!

Это, я понимаю, по-мужски!

Катьку из вагона не пустили, и она редела в одиночку, прижавшись носом к окну в коридоре.

Наконец кончились мои муки. Поезд незаметно тронулся, провожающие сразу, заулыбались, замахали платочками обрадованно

— видно, не одного меня истомили вокзальные страдания. Я тоже махнул разок, потом сунул руки в брюки и стал смотреть вслед поезду, пока он не затерялся среди множества других составов и путей.

И сразу почему-то стало грустно. Ведь я не увижу их долго, долго. Месяц, даже больше. Ни маму, ни папу, ни Катьку.

Я вспомнил, как они вот только сейчас, минутой назад, стояла за окном вагона, несчастная такая, вся зареванная.

Стало еще грустней. Я даже забыл, что мне предстояло. А ведь, наверное, во всем нашем городе не нашлось бы такого мальчишки, который не позавидовал бы мне.

Потому что...

Тут кто-кто как даст мне по плечу! Я сразу шарахнулся в сторону.

— А-а, испугался, Толян!

Колька Птичкин, из нашего класса пацан. Улыбается, довольный.

— Тебя-то, Птичка? Ха-ха! Просто я задумался.

А Птичка нарядный такой, в новых джинсах — кругом молнии и медные полоски. И значок на груди, пять соединенных между собой колец — Токийская олимпиада. Это богатство — и джинсы, и значок — все ему брат на днях из-за границы привез — ребята уже успели мне доложить.

— Видел? — Птичка пятит грудь — чтобы я заметил значок и в восторг пришел.

— Этот? Токийский? — я небрежно тронул пальцем значок. — У Котьки — пацан такой у нас во дворе — целых три токийских и два римских. Он мне по одному отдает — хоть сейчас бери.

С Птички сразу вся спесь слетела.

— Ой, Толян, я тебе за римский десять испанских колоний дам. Даже двенадцать. — И лезет в джинсы за кляссером, там у него марки для обмена. — Пошли к вам, а?

— Нет, не могу. Мне за билетом надо.

— Куда едешь?

— Все равно не, знаешь. Село Малые Катки.

— Пионерлагерь?

— Археологическая экспедиция... Ну, будь, Птичка. У меня еще дел — вот так.

И пошел в билетный зал, оставив его с раскрытым ртом.

Я нисколько не хвастал, я правда завтра утром должен был ехать в Малые Катки. Дядя Володя, папин друг, археолог, еще зимой, предложил мне на летние каникулы ехать с ним в экспедицию. Папа был не против. Мама в принципе тоже. Но она, конечно же, не упустила случая и заявила, что я должен еще заработать право на эту поездку. А что такое «заработать право» — это все ребята знают. Целых пять месяцев я корпел над алгеброй, исправляя тройки первого полугодия, беспрекословно бегал за хлебом, не дразнил Катку — по крайней мере, при маме.

Я честно заработал право на поездку к археологам. И все равно в последний момент чуть не лопнуло. Ангина... Где она была зимой, когда математичка в обмен на четверку выжимала из меня последние соки? Где ангина была весной, когда физкультурник гонял нас, как зайцев, через еще не высохшие грязные овраги — эта каторга громко называлась кроссом по пересеченной местности. А тут, уже после школы, накануне отъезда, прицепилась ко мне и уложила в постель на целую неделю.

Экспедиция ждать не могла, у экспедиции свои научные цели. Дядя Володя уехал без меня, а мама стала мне красочно расписывать прелести жизни у Черного моря — они собирались туда с папой и Каткой. Я лежал целыми днями на спине и мрачно смотрел в потолок. Ничего мне не было так жаль, как четверки по алгебре. Сколько фильмов пропущено, сколько книг не дочитано из-за этой несчастной четверки. И все зря, зря!

Я же очень хорошо понимал, почему мама вдруг стала так нахваливать целебный приморский воздух и полоскания горла соленой морской водой.

Но тут вернулся из командировки папа. Он поговорил с мамой на кухне, прикрыв дверь, чтобы я не слышал, потом вышел и спросил весело:

— Репудин уже купил?

— Что это такое? — удивился я.

— Средство от комаров... Эх ты, горе-археолог!..

Я еще висел у него на шее, когда подошла мама, подала мне какой-то тюбик, наподобие зубной пасты, и сказала, печально вздохнув:

— Репудина в аптеках нет. Вот «Тайга»... Толик, смотри, береги себя. Главное, больше не простужаться — это может отрицательно

сказаться на сердце. И, главное, не сидеть долго на солнце.

— Главное, не пить сырой воды, — сказал папа.

— Главное, не входить разгоряченным в холодную воду — оказал я.

— Вам смешно, — опять вздохнула мама. — А я как подумаю, что он там будет купаться в речке, один, без надзора... Нет, Толик, ты мне должен дать слово...

У нее на глазах выступили слезы.

— Даю! — воскликнул я торопливо. — Купаться в речке не буду. Честное пионерское.

— Ну, хоть так, — мама измученно улыбнулась. — Хоть за речку я буду спокойна.

У меня в характере очень много недостатков. Однажды мама с папой сели их подсчитывать при мне и насчитали целых семнадцать штук. Некоторые я не признал и не признаю до сих пор. Вот, например, пенка с остывшего какао. Я ее терпеть не могу, меня передергивает от одного только ее вида. Но разве это недостаток характера? По-моему, нет, просто вкус.

Или вот я щенков часто тащу с улицы. Жалко их, несчастненьких, когда они скулят, просятся в дом. Мама это тоже присчитала к тем семнадцати моим недостаткам. Но я не согласен. Жалость к животным — не недостаток. Скорее, даже достоинство. Кстати, папа тоже колеблется насчет щенков. Он говорит, когда я их приношу, ему даже нравится. Но потом, когда они привыкают к квартире и начинают носиться по комнатам, лезть под ноги и грызть разные вещи, его берет злость и он ясно видит, что щенячьи увлечения — большой мой минус.

Ну, пусть не семнадцать, но двенадцать настоящих недостатков у меня все-таки есть. Достоинств куда меньше. Настоящих достоинств, я считаю, всего три.

Я регулярно занимаюсь физзарядкой — раз.

Я воспитываю в себе силу воли и часто стараюсь делать то, что мне неприятно, и не делать то, что приятно, — два. Например, когда надо выбирать: делать уроки или бежать на каток — я чаще всего сажусь за уроки.

И у меня твердое слово — три. Это у меня наследственное. Наш папа тоже такой. Честное слово из него клещами не вытянешь, но уж

если вытянул — можешь быть спокоен. Он выполнит! И я тоже.

Так что насчет купания в речке — все! Отрезано! Даже если будет тридцать пять градусов выше нуля и даже если там сто пятьдесят речек!

Интересно, а есть ли в Малых Катках озеро? Или, на худой конец, хоть какой-нибудь заваливающий прудик?

Об одном из своих двенадцати недостатков пришлось вспомнить, когда я вернулся с вокзала домой.

Настроение отличное, в кармане две рублевые бумажки и билет на утренний поезд — ровно в шесть часов. А другой карман пустой — на мелочь от сдачи я по дороге съел мороженое и выпил газировки.

Пустой? Нет, он не пустой. Там же ключ лежит от квартиры. Вот он... Но ключа я не нащупал. Как же так? Наверное, переложил в другой карман.

И в другом нет...

Спокойно, без паники. Главное — вспомнить... Ключ лежал на кухонном столе. Я подошел, протянул за ним руку. Но тут увидел пачку печенья — мама купила мне на ужин. И рука сама повернула к печенье. Распечатал пачку, съел одно. Несколько штук сунул в карман.

А как же ключ?

Остался на столе.

Опять рассеянность!.. Все время у меня неприятности из-за рассеянности. Возьму с собой в школу все тетради, оставлю дома авторучку. Захвачу авторучку, обязательно забуду какую-нибудь тетрадь. Возьму авторучку, все тетради, все учебники, все возьму — забуду, что сегодня первый день занимаемся не с утра, а во вторую смену. Приду в свой класс и смотрю ошалело на малознакомые лица. А, все вокруг гогочут.

Но ручку можно у Птички занять или еще у кого-нибудь. За тетрадкой можно сбегать на перемене — мы недалеко от школы живем. А вот как я сейчас домой попаду — вот что интересно?

С ключом и раньше у нас случались неприятности. Тогда мама звала слесаря домоуправления, огромного, волосатого деда Тишу с круглыми дырочками вместо ушей; раньше, еще давно, я совсем

маленький был, дед Тиша, пьяный, отморозил себе оба уха. Теперь он водки в рот не берет, даже по, праздникам, и все свободное время проводит в винном магазине, уговаривает народ бросить пить.

Мама зовет деда Тишу, он приходит, ковырнет отверткой в замке — и готово.

— Может, и сейчас его попросить?..

С дедом Тишей говорить надо по-особому: он плохо слышит. Нет, не кричать — криком ничего не добьешься, только плотку надорвешь. Надо встать против света, чтобы он увидел, как губы шевелятся.

Я старательно задвигал ртом, отчетливо выговаривая каждый слог:

— Откройте, пожалуйста, дверь восьмой квартиры.

— Не открою, — сказал дед Тиша. — Пусть мамка придет. Или папка.

— Да ведь они все уехали! — выкрикнул я в отчаянии.

Он посмотрел на меня проницательно, взял в кулак свою бороду.

— Малолетке не открою. Почему я знаю, может, ты от папки с мамкой по дороге сбежал. Откроешь тебе, а ты пьянствовать будешь с дружками в той квартире. Вон вчера из подвала таких же двух малолеток за шкурку выволок. Ну, разве чуток постарше. Надрызгались винишком. А ведь еще один с ними был, третий, удрал, стервец, через окошко.

Дед Тиша явно подозревал, что этот стервец стоит сейчас перед ним. Опять у меня на лбу выступил пот.

— Я непьющий!

Слышал он или не слышал — только повернулся ко мне спиной и стал обтачивать напильником какой-то стерженек, торчащий в тисках.

Стерженек жалобно и пронзительно визжал. Мне тоже хотелось завизжать.

Я пристроился у окна на лестничной площадке и стал думать, как мне быть. Решил: поеду так. Билет есть. А вещи... Мне ведь немного надо. Брюки и рубашка на мне. Загрязнятся — сам постираю, я тысячу раз видел, как мама стирает. Ну, одеяло, подушка. Дядя Володя что-нибудь раздобудет. Есть же у них в экспедиции какие-нибудь мешки, тряпки.

Жильцы проходили мимо, я здоровался. Некоторые интересовались:

— Ты что здесь сидишь?

— Жарко на улице...

Не хотелось рассказывать. Кто посочувствует, кто поругает. А толку что?

И напрасно я никому ничего не сказал. Потому что когда снизу, из своей мастерской в подвале, поднялся все-таки дед Тиша и, ворча что-то непонятное себе под нос, стал возиться с замком, открылась дверь квартиры напротив и вышла мама Котьки, того самого Котьки, про которого я наврал Птичке, что у него куча олимпийских медалей.

Котькина мама спросила...

— Что с замком?

Пришлось сказать. Она всплеснула руками:

— Что же ты молчал? Я же тебя на лестнице спрашивала.

Убежала в свою квартиру и вернулась с ключом на голубой ленточке — я ее сразу узнал: Катькина, из косичек.

— Вот. Твоя мама оставила, на всякий случай. Откроешь дверь — опять верни мне.

Мама, мамочка! Как хорошо ты знаешь все мои двенадцать недостатков! Ладно, пусть не двенадцать — пятнадцать, согласен. На все согласен, кроме пенки и щенков.

Дед Тиша посмотрел на ключ, потом на меня, повертел многозначительно пальцем возле головы и забухал вниз по лестнице своими сапожищами.

— Спасибо, дед Тиша! — заорал я ему вслед, да так громко, что во всех квартирах пораскрывались двери и высунулись испуганные хозяйки.

На этот раз он тоже услышал. Поднял голову и, кажется, улыбнулся. Кажется — потому что из-за бороды не понять: улыбается человек или нет.

Ключа на кухонном столе не оказалось — куда я мог его затолкать? Но он все равно не был мне нужен: уже вечер, и я решил из дома никуда не выходить. Отдал Котькиной маме ключ с голубой ленточкой и заодно договорился, чтобы завтра она меня разбудила: ей все равно рано вставать, в пять утра приходит со смены на железной дороге ее старший сын.

И вот я один в квартире. Хожу по пустым комнатам, ищу, чем заняться. Можно было бы укладывать вещи, да только они еще вчера

уложены мамой. Читать тоже не хочется. Если только магнитофон включить... А вдруг сломаю?

Интересно, почему я должен обязательно сломать? Папа включит — не сломает, а я включу — сломаю. Подумаешь, ручку повернуть. Другое дело, если начать внутри отверткой копать. А я просто включу и буду слушать музыку. Так хочется музыку послушать — сил никаких нет!

Включил магнитофон — и сразу меня к крану в ванной потянуло. Мама говорила, что он протекает. Может, починить? Вот будет им сюрприз: вернутся, а кран исправный. Кто починил? Я! Так хочется кран починить — сил никаких нет!

Разыскал в кладовке щипцы, плоскогубцы. Чтобы веселее было работать, подтащил магнитофон к самой ванной, поставил на пол, шнур длинный, как раз хватило. Музыка играет, я с краном вожусь. Покрутил сюда, покрутил туда — в порядке кран, больше не протекает.

Вернулся в комнату, улегся удобно на диване. Надо бы магнитофон из коридора на столик перенести. Да ладно! И так хорошо слышно! Вот, кончится лента — тогда перенесу.

Тра-ля-ля! Завтра в путь!

Тра-ля-ля! Тра-ля...

Проснулся я от сильных ударов в дверь. Было еще совсем темно. Неужели уже пять?

Побежал к двери.

— Спасибо, тетя Зоя! Я уже проснулся.

— Открывай скорей! Слышишь!

Не Котькина мама! Мужские голоса.

А вдруг жулики?

— Кто там?

— Открывай, тебе говорят! Весь нижний этаж затопило.

И только теперь я увидел, что стою босиком в воде. Откуда в коридоре вода?

Я открыл дверь.

Мимо меня промчались пять или шесть полуодетых людей. Возле ванной первый из них споткнулся о что-то и грохнулся на пол. Послышался треск.

Бедный магнитофон...

Мы все черпали воду ведрами, банками, кружками. Они меня даже не ругали. Только Иван Иванович из нижней квартиры — он работает в угрозыске — увидел на полу в ванной плоскогубцы, вздохнул жалостно:

— Эх, парень, парень!

— Но кран был совсем сухой — честное пионерское!

— А ночью пустили воду...

Часа, наверное, два шли спасательные работы. Потом нижние жильцы, хмурые и неразговорчивые, спустились к себе. Я потоптался виновато у двери, сказал им вслед «до свидания». Внес в комнату раздавленный магнитофон, поставил на стол. С него потекли на пол тоненькие струйки воды.

Как мама могла все предвидеть: и насчет магнитофона, и насчет крана? Ну, разве не удивительно?

Я, конечно, опоздал, хотя бежал со всех ног, насколько допускал чемодан. Выскочил на перрон, высунув язык и что? Вполне можно было не торопиться: мой поезд уже целых, пятнадцать минут, как ушел.

Подавленный, я сидел в переполненном зале ожидания между двумя древними старушонками в черных платках. Случались со мной и прежде всякие несчастья, но такого урожая, как сегодня, я еще никогда не собирал.

Следующий поезд в нужную мне сторону шел в полдень. Билет в кассе обменяли без долгих разговоров, пришлось только доплатить за плацкарту в купейный — все другие места были уже проданы.

Как подали состав, я первый подбежал к вагону. Проводница внимательно посмотрела на билет, на меня:

— Один едешь?

— Да... Нет, нет, билет оставьте, пожалуйста, у себя, а то я его потеряю.

Она улыбнулась, сунула билет в свою сумочку...

— Третье купе.

Там уже сидел пассажир и смотрел в окно. Сначала мне показалось — седой старичок. А потом вижу: парнишка. Такой же,

как я, ну, может быть, чуть старше, и с совершенно белыми волосами — я таких белых еще ни на одном пацане не видел.

— Тут мое место, — сказал я. — Мотай отсюда.

Он обернулся:

— Ну?

Лицо у него было веселое. Еще смеется!

— Девятое — вот тебе и ну!

— А ты садись на то — оно свободное. — И снова смотреть в окно.

— То одиннадцатое, а мое девятое.

Парнишка ничего не ответил, даже не повернулся.

— Расселся на чужом месте! — разозлился я и, так как он снова и ухом не повел, схватил его за руку и потащил. — Слезай, кому сказано!

Он как будто даже обрадовался:

— Ах, драться!

Выскочил из-за столика, и мы схватились.

Справиться с парнишкой оказалось не так-то легко, хотя на вид он был щуплый, — ловкий такой, верткий. Я ему подножку — и сам же очутился под ним.

— Лопатки! — крикнул он, прижимая меня к полу.

— Врешь, не было!

Я напряг все силы и вывернулся. Теперь я был наверху, а он внизу.

Пока мы пыхтели на полу, открылась дверь.

— Это еще что такое?

На пороге стоял мужчина, тоже с белыми волосами, как у моего противника. Мы оба поднялись.

— Он с нами едет, — бойко ответил парнишка. — Мы боролись.

— Боролись — другое дело. — Мужчина поставил на столик две бутылки лимонада. — Кто победил?

— Я!

— Я!

— Понятно!.. Боевая ничья... Сашок, сбегай к проводнику за стаканами. Это дело надо отметить.

Беловолосый Сашка приволок два стакана. Мужчина налил ему и мне. Спросил, куда еду. Я сказал.

— В Малые Катки? — Сашка рассмеялся. — Вот здорово! И мы туда.

— К кому там? — спросил мужчина.

Я сказал: к археологам. Покопался на Сашку: он смотрел на меня с уважением.

Поезд тронулся.

Мужчина забрался на верхнюю полку и сразу заснул.

Мы с Сашкой стали смотреть на проплывавшие мимо дома, заводы.

— Ракета! — Сашка показал на высокую заводскую трубу. — Уже сняли леса, уже космонавт в кабине... Внимание! До старта осталось десять секунд. — Он положил палец на выключатель настольной лампы и стал считать: — Девять, восемь, семь, шесть...

Заводская труба покачнулась — я видел совершенно отчетливо.

— Пять. Четыре. Три. Два... Пуск! — крикнул Сашка и нажал кнопку.

Раздался пронзительный, нарастающий вой, и труба исчезла. В глазах потемнело. Я испуганно шарахнулся от окна.

Мимо нас, громыхая на стыках, мчался встречный состав.

— Ух ты! — вырвалось у меня. — Знаешь, мне показалось, она в самом деле взлетела.

— А думаешь — нет? — у Сашки горели глаза. — Поедешь обратно, сам увидишь: нет больше трубы.

Я рассмеялся:

— Сказки маленьким рассказываешь?

— А ты сказкам не веришь?

— А ты веришь?

— Верю.

— Всему веришь? Ведьмы есть, черти?

— А ты что — ведьм никогда не видел?

Я подумал и решил, что ведьмы иногда еще встречаются. Вот, например, Ленка Стрелкова из третьей квартиры. Типичная ведьма! На прошлой неделе я ее стукнул — легонько, вполсилы, для смеха, — а она мне щеку расцарапала и сама же побежала к маме жаловаться. Я еще и остался виноватым.

— Ну хорошо. А, скажем, Али-баба и сорок разбойников? Подошел человек к скале, сказал какое-то слово — и скала открылась.

И этому веришь?

— Не какое-то слово, а «сезам».

— «Сезам» или «мадам», какая разница?

— Разница такая, что звуковое устройство замка в скале настроено на определенное слово. Будешь кричать «мадам», пока не лопнешь, а устройство все равно не работает.

— А «сезам» — скажешь, работает? — улыбнулся я.

— Если настроено на «сезам» — работает. — Он говорил совершенно серьезно. — Видел, на вокзале автоматические камеры хранения? Набрал нужные цифры, открывай дверцу и забирай свой чемодан. То же самое и со скалой в сказке. Только она открывается не набором цифр и букв, а набором звуков, понял?

Я не смог ему ничего возразить.

Отвернулся, посмотрел в окно: поезд стоял на каком-то полустанке.

— Хочешь, я сотворю чудо? — неожиданно спросил Сашка.

Смеется?.. Нет, серьезно.

— Вот сейчас я скажу: «Вперед!» — и поезд сразу пойдет.

— Давай! — Я уже заранее торжествовал: пусть оконфузится, пусть!

Он поднял руку и как крикнет:

— Вперед!

И тотчас же, повинувшись его команде, поезд торопливо рванул с места. Задребезжали стаканы на столике, под вагоном что-то стукнуло, заскрипело.

Я, наверное, только через минуту сообразил, как ему удалось совершить чудо.

— Ты услышал гудок тепловоза! — закричал я обрадованно.

Он покачал головой.

— А как же тогда ты узнал?

— Очень просто. Я волшебник. — И опять серьезно, без тени улыбки: — Хочешь, я превращу тебя в аиста?

— Думаешь, я испугаюсь? Давай!

Сашка встал:

— Закрой глаза.

Он положил мне на голову руки и стал негромко бормотать: «Мутабор, мутабор». Я смеялся. Но вдруг вспомнил, что это слово —

мутабор — произносил калиф из сказки «Калиф-аист» перед тем, как стать птицей. А Сашка все бормотал надо мной:

— Твои руки становятся крыльями. Твои ноги утоньшаются и краснеют. Твой нос вытягивается в клюв.

Потом я услышал:

— Открой глаза.

Я открыл глаза и первым долгом взглянул на себя. И, хотя я не верил ни одному его слову, вздохнул с облегчением, когда увидел, что руки мои остались руками, а ноги — самыми моими обыкновенными ногами. Даже ссадины на коленях и те остались.

— Ха-ха-ха! Ну что? Не получилось?

— На этот раз нет, — сказал он таким тоном, будто у него обычно получалось. — Вагон цельнометаллический. Стены экранируют. Здесь даже приемники не работают.

Ну и заливает! Ну и заливает!

— А-а, знаю, почему у тебя не вышло! — вспомнил я, как было в сказке. — Сначала надо дать выпить волшебный порошок.

— Ты выпил, — сказал он спокойно.

— Как?

— Я тебе насыпал в лимонад.

— А где порошок? Покажи, покажи! — перешел я в наступление.

Он встал, залез в карман плаща, висевшего на вешалке, и вытащил оттуда небольшую круглую коробочку из-под леденцов.

— Вот.

Там и в самом деле был какой-то белый порошок. Я сразу почувствовал неприятный вкус во рту и сплотнул слюну. А что, если он, правда, подсыпал мне в лимонад какую-нибудь гадость?

Сашка смотрел на меня по-прежнему серьезно, но в глазах, его я видел ликование.

Я не хотел признавать себя побежденным.

— Ты, конечно, кого-нибудь уже превращал в аиста?

— Ваську, — ни секунды не мешкая, ответил он. — Братишка мой, целых три часа был аистом.

— И летал? — Я неестественно хихикал.

— Так тебе сразу и летать! Еще научиться надо. Вот крыльями хлопал здорово.

— Он маленький? — догадался я.

— Такой, как я. Близнец.

— Увижу его — спрошу, — пообещал я с угрозой.

— Это пожалуйста. Сколько угодно!

Мужчина на верхней полке заворочался, спустил вниз ноги.

— Ох, изжога, проклятая, замучила. Сашок, достань-ка мою соду.

И лимонаду налей в стакан.

Сашка подал мужчине коробочку. Тот насыпал себе в рот немного волшебного порошка, запил плотком лимонада и снова улегся на полку лицом к стене.

Все колдовские чары развеялись. Я давился от смеха.

Сашка сидел, невозмутимый, спокойный, и смотрел на меня чуть удивленно...

...Мы с Сашкой знатно проболтали всю дорогу. Мужчина спал себе на полке, изредка ворочаясь и постанывая. Он Сашкин дядя, звать его Николай Сидорович Яскажук, и работает он электрослесарем ремонтных мастерских в Малых Катках. Летом Сашка живет у него, ну, и Сашкин брат-близнец, понятно, тоже. Они неразлучны. Где Сашка, там и Васька.

Ну и Сашка! У меня прямо голова вспухла от его рассказов. Я тоже люблю научную фантастику, прочитал повестей фантастических целый ворох. Но он куда больше, даже не сравнить. Иначе откуда бы знал столько всяких историй про космос, про будущее и прошлое, про другие планеты?

— А на Юпитере горизонт не так, как у нас. Высоко, чуть не над головой...

— У людей-планеров голова кошачья, а между руками и ногами кожа. Натянут ее и летают, куда хотят. И не надо никакого мотора, никакого горючего...

— А помнишь, как на Марсе: шаг — два метра, не меньше...

Нет, я не помню. А он помнит! И рассказывает захлеб, да еще с такими подробностями, будто всю жизнь летал на космических кораблях и сражался где-то там, в космосе, с невиданными чудовищами.

Шесть часов пролетели незаметно. И когда проводница зашла в купе и объявила: «Следующая — Воскресенка», мы прямо удивились. Так быстро доехали!

От Воскресенки до Малых Катков еще шестьдесят километров по шоссе. На привокзальной площади стояло несколько машин. Я кинулся к одному газика — не то, не мой. К другому — тоже нет. Может, эта новенькая голубая «Волга»? Вот было бы здорово!

Шофер, пожилой дяденька, повернул ко мне голову, улыбается приветливо. Думаю: «Точно! Она!»

Открыл дверцу, в кабину сунулся.

— Вы меня ждете, да?

— Если ты начальник «Сельхозтехники».

И смеется.

Тут Николай Сидорович, Сашкин дядя, крикнул со ступенек вокзала:

— Ну как, Толик? Есть?

— Никак не найду.

У Николая Сидоровича почти не осталось денег, и я успел наобещать, что повезу его с Сашкой на своей машине. Зря, конечно, обедал. Не станет же дядя Володя ждать меня здесь с утра до вечера — можно было сообразить.

— Ничего, Толик, не унывай, сейчас найдем что-нибудь подходящее.

И захромал через всю площадь к грузовичке, стоявшей в тени большого дерева. Мы с Сашкой — за ним.

Водитель дремал, папироска за ухом. Скуластый, небритый, челочка кося. На кого он похож? А, знаю, на того шофера, который прошлым летом нас с мамой до города подбросил, когда мы возвращались из леса с грибами. Сам остановил машину, сам предложил: «Садись, гражданочка, я человек добрый, что ноги зря калечить себе и дитю»... Потом маме пришлось отдать этому доброму

человеку все деньги, сколько у нее с собой было. А он разводил руками и тянул обидно: «Э, гражданочка, имей, совесть!»

Николай Сидорович тронул водителя с челочкой за плечо.

— Друг, ожидаешь кого?

Тот проснулся, потер глаза, сунул в рот папироску.

— Есть огонек? — Прикурил, посмотрел весело на Николая Сидоровича: — Попутчиков с поезда. Возил груз на станцию, обратно порожняком неохота.

Я толкнул Сашку локтем и прошептал:

— Калымщик.

— Откуда ты знаешь?

— Вот увидишь!

— Считай, есть трое, — продолжал Николай Сидорович переговоры, с шофером. — До Малых Катков.

Шофер взглянул на его ногу:

— На фронте? — И, не дожидаясь ответа, скомандовал: — Давай в кабину! А ребятня наверх.

Мы с Сашкой мигом вскарабкались в кузов, устроились на куче пустых мешков. Шофер обошел машину, попинал скаты, мурлыча себе под нос: «И тебе, и мне хорошо...».

— Если понадобится, — он подмигнул, — не орите. Стукните кулаком по крыше — стану у первых же кустиков.

Когда он улыбался, становилась видна щербинка в передних зубах — тоже как у того «доброего человека».

Мы переглянулись.

— Нам не понадобится, — сказал я сердито.

— Не маленькие, — добавил Сашка.

Поехали. Шофер машину не гнал, вел аккуратно, притормаживая перед ямками. Если на дороге попадался кто-нибудь, он останавливал, спрашивал, куда нужно. Но все были местные, шли недалеко, притом в сторону от дороги.

Только двоих удалось ему завербовать: стареньких бабушку и дедушку. Они ждали автобуса в Большие Катки.

— Не будет автобуса! — крикнул он им. — Диффер полетел, засел автобус в Кузнецовке. Садитесь, доброшу.

— Врет ведь, врет! — зашептал я.

Шофер поднес к машине узлы, корзинки, помог старикам забраться в кузов, все напевая свое: «И тебе, и мне...»

— Уступите папаше и мамаше мягкие места, — согнал он нас с мешков.

— Мощный калымщик! — шипел я. — Знаешь, сколько он с них сдерет?

Дальше мы ехали, цепляясь за шаткие борта. Дорога стала очень тряской, машину бросало из стороны в сторону на глубокой наезженной колее.

В Малые Катки приехали уже вечером. Шофер затормозил возле колодца.

— Ой, тетушка, — побежал он к женщине, вытаскивавшей ведро из колодца, — дай напиток, а то так жрать охота, что, даже переночевать негде.

И стал жадно пить, припав к краю ведра.

Николай Сидорович принял у меня чемодан, помог слезть. Шофер тем временем напоил водой дедушку и бабушку — они так и остались в кузове, не захотели пересаживаться в кабину.

— Ну, прощай! Выручил ты нас. — Николай Сидорович подал шоферу свою, последнюю рублевку.

Тот отступил на шаг.

— Э, нет, хозяин! Так не пойдет!

Сейчас начнет: «Где у тебя совесть?»... Я торопливо зашарил по карманам.

— У меня еще есть...

— Оставь себе на конфеты.

Шофер лихо прыгнул в кабину, завел мотор и тронул.

— Спасибо! — крикнул с опозданием Николай Сидорович. — Спасибо, товарищ!

Шофер, может, и не слышал. Но только высунулся из кабины, подмигнул озорно, улыбнулся, показав нам свои щербатые зубы, и помахал рукой. А еще полминуты спустя притормозил у столовой, посадил в кузов двух ребяташек.

Нам всем было неловко. Особенно мне. «Как же так? — думал я, плетясь позади со своим чемоданом. — И челочка, и щербинка... Как же так?»

Сашка навернулся ко мне.

— Мощный калымщик. — Он прыснул. — Такой мощный! Сто лошадиных сил.

Я молча отвел взгляд. За канавой, недалеко от дороги, сидела кривоногая тяжелая ворона и презрительно косила на меня черный глаз.

Николай Сидорович, спросил:

— Куда тебе дальше?

— Папа сказал, они на центральной усадьбе совхоза копают.

— Сегодня уже вряд ли копают. Рабочий день давно кончился... Эй, Максимка, — окликнул он паренька, проезжавшего мимо на велосипеде. — Археологи где живут?

— Это которые старые могилы роют?.. У тополей, в палатках.

— О, от нас совсем близко.

Мы побрели дальше по пыльной дороге. Металлическая ручка чемодана резала пальцы, впечатывая в них глубокие красные полосы.

— Скоро?

— Вон мостик, за ним дома. А там горка — и тополи ^[1].

Ох, как еще далеко!.. Сашка взял у меня чемодан, понес немного. Потом мы нашли палку, продели в ручку чемодана и понесли вдвоем, пока ручка не крякнула и не оторвалась с одного конца. Нести стало еще труднее. Николай Сидорович не мог нам помочь — он тащил на плече тяжелый ящик с какими-то инструментами.

Почему археологи забрались так далеко? Вон сколько нам до места раскопок отсюда топать.

— Там у них до речки рукой подать, — пояснил Сашка и сразу перешел к делу: — Поплаваем, а?

— Мне нельзя, недавно ангиной болел. — Я помолчал немного и спросил, не выдержал все-таки: — Вот если в озере или в пруду. Там вода потеплее.

— Какое озеро? Никакого здесь озера. Одна только речка.

Я вздохнул. Чемодан показался еще тяжелее.

Наконец Николай Сидорович сбросил с плеч ящик.

— Фу... Теперь нам вправо, а тебе по этой хитрой тропинке. Уже совсем близко. Проводишь его, Сашок?..

Впереди появилась реденькая тополиная рощица, а в ней два ряда палаток.

— Вот. — Сашка остановился. — Теперь сам дотопаешь. Ну, пока!

— Завтра придешь?

— Нет, наверное, махну с дядей в Большие Катки на районную сельхозвыставку... Вот послезавтра — другое дело!

Мы попрощались. Я подхватил чемодан за оторванную с одной стороны ручку и, бодро напевая «На пыльных тропинках далеких планет», размашисто зашагал к палаткам.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Напрасно я старался. В лагере никого не было. Археологи еще не вернулись с раскопок или, может быть, ушли купаться.

Я поставил чемодан на землю, присел на него. И тут появился первый обитатель лагеря, маленькая рыжая собачонка. Она выскочила откуда-то из-за палаток, увидела меня и быстро-быстро завиляла коротким, похожим на сосиску хвостом. Почувствовала, наверное, что я человек собаколюбивый.

Собачонка легла на брюхо и, тихо поскуливая, поползла ко мне, оставляя на песке широкую дорожку. Но только я протянул руку, чтобы ее погладить, она как взвьется, как лязгнет зубами — чуть за палец не ухватила. Отскочила в сторону и залилась на самой высокой ноте. Не лает даже, как порядочная собака, а визжит, словно поросенок.

Я нагнулся за камнем, чтобы поучить ее хорошим манерам. Но услышал голос:

— Так его, Бип! За штаны, за штаны хватай!

Я обернулся. Позади меня стоял голый человек. На нем были одни плавки и еще очки.

Ничтожная собачонка почувствовала поддержку и закружила вокруг меня, отыскивая незащищенное место.

— Вы ее не науськивайте! — крикнул я, выставя ей навстречу ботинок.

— А ты здесь не шлейся. Посторонним вход строго воспрещен. Особая зона — знаешь, что такое?

— Я не посторонний... Но-но!

Собачонка все-таки попробовала прыгнуть и получила ботинком. Весь ее воинственный пыл мигом испарился. Не прекращая визга, она умчалась за палатки со скоростью звука.

— А кто ты? — Голый звонко шлепнул себя ладонью по лбу

— Приехал вот. — Я показал на чемодан.

— Турист-индивидуалист? — Он опять шлепнул себя, на этот раз по волосатой груди, и поморщился. — Разве это комары? Это же настоящие леопарды!

— У меня «Тайга» — хотите?

— Намажь ее на хлеб вместо масла. Вот если бы репудин.

— Репудин мама не достала. Его ни в одной аптеке города нет, — пояснил я.

— А-а, теперь я знаю, кто ты! — воскликнул голый. — Ты у нас сегодня весь план раскопок сорвал.

— Ничего вы не знаете! Я только что приехал.

— Ну, правильно. Владимир Антонович ездил за тобой на станцию, а ребята без него не решились вскрыть пятно.

— Какое пятно?

— Не знаешь? — он накачал головой. — А Владимир Антонович говорил: едет крупный специалист по пятнам.

— Где он сам? — спросил я.

— На почту вызвали, к телефону.

— А вы кто у него?

— Я? — голый снисходительно улыбнулся, и я понял, что дал маху. — Он у меня кто — вот правильная постановка вопроса.

— Ну, он у вас кто?

— Мой зам — и без всяких «ну». Просто зам. Понятно? Шутит или серьезно? Папа говорил — дядя Володя возглавляет археологическую экспедицию.

Неожиданно раздался веселый смех. Полог одной из палаток откинулся, и наружу вылезла девушка, вся в веснушках. Две смешные косички торчали по сторонам ее головы, как рожки.

— Слушай больше! — сказала она мне, все еще смеясь. — Он же самый известный трепач на всем четвертом курсе.

— Студент? — обрадовался я. — Простой студент?

Голый поморщился:

— Простых студентов не бывает. Студенты все люди сложные...

— Особенно троечники, — ехидно вставила девушка.

Голый человек поднял на лоб очки, посмотрел на меня прищурившись.

— А мы, кажется, коллеги. Он тоже знает, что такое тройки, — я вижу по его носу. Ведь знаешь, верно?

Девушка взяла меня за плечи.

— Ладно, хватит трепаться... Есть хочешь?

И только тут я почувствовал, как страшно проголодался. Ведь я сегодня даже не обедал.

Девушка повела меня в «Общественную столовую «Рот пошире!» — такая табличка висела на дереве, под которым стоял шаткий, сколоченный из ящиков, длинный стол.

Скамьями служили прибитые к кольям длинные жердины — на них было очень неудобно сидеть.

Зато гороховая каша, которой я получил целую миску, показалась мне необыкновенно вкусной. Она пахла дымом и почему-то хвоей.

Они оба сидели напротив и смотрели мне прямо в рот; девушка с явной радостью, голый — с удивлением.

— Ну, Козлик, — сказал он, — один — ноль в твою пользу. Но остальные все равно есть не будут — вот увидишь!

— Съедят, как миленькие... Тебе еще?

Я кивнул. Мне хотелось сделать ей приятное.

— Только немного.

Голый хлопнул себя по плечу. Нарочно. Никакого там комара не было — я видел.

Добавка, пошла куда труднее. Теперь мне казалось, что каша здорово пригорела. Но я все-таки справился с ней. Потом спросил:

— Откопали уже что-нибудь?

— Гробницу Гая Юлия Цезаря, — тотчас же ответил голый.

— Цезаря здесь никогда не хоронили! — Думают, я не заметил, как они переглянулись.

— А где? — голый сделал вид, что ужасно поразился.

— В древнем Риме — где еще? Он там был царем.

— Не царем, а императором, — поправила девушка.

— Какая разница? — я торжествовал. — Даже само слово «царь» сделалось из слова «Цезарь».

— О, да ты отрок образованный! Пойдем к хранилищу, покажу кое-что.

Голый повел меня к одной из палаток. Возле нее стоял большой сундук. Я его сразу узнал. Он валялся у нас в сарайчике, и мама хранила в нем всякую ерунду: сношенные ботинки, мои сломанные игрушки. Потом дядя Володя увидел его, когда помогал папе колоть дрова, и выпросил. И теперь этот облезлый сундук возведен в высокий чин хранилища.

— Вот, смотри! — голый снял замок и откинул крышку.

В сундуке стояли три старых, потрескавшихся глиняных горшка. Один большой, кривобокий, два поменьше, с ровными боками. Между горшками лежали, аккуратно сложенные, черепки, таких же глиняных горшков.

И решил, что голый меня снова разыгрывает, и сказал насмешливо:

— Да, богато!

— Ты, малявка! — он рассердился, кажется, по-настоящему. — Ну-ка, встать! Руки по швам!.. Этим горшкам шесть тысяч лет, понимаешь! Шесть тысяч! Вся Европа еще жрала сырое мясо, а из этих горшков уже ели вареное. Древний Египет еще только раздумывал, стоит или не стоит начинать свою историю, а здесь уже жили мыслители и художники. Ты посмотри, какие богатейшие орнаменты. Видишь?

Я присмотрелся, но не увидел на горшках ничего, кроме выдавленных черточек и кружков. Подумаешь, богатство! А вот у голого за очками восторженно блестели глаза.

— За четыре тысячи лет до твоего Гая Юлия Цезаря! За шесть тысяч лет до Вячеслава Самоварова!

Я чуть было снова не попался и не спросил, кто такой Вячеслав Самоваров. Но меня опередила девушка. Она скомандовала:

— Слава, за водой!

Ах, он Слава? Тогда все ясно!

— Да погоди же, Козлик... Дай объяснить человеку.

— Нет, ты пойдешь сейчас за водой. За весь день принес всего два ведра. Ребята вот-вот вернутся с раскопок, а бак совершенно пустой.

— Гм... Пошли, отрок, поговорим по дороге.

— Не ходи! — остановила меня, девушка.

— Но почему, Козлик?

— Потому, что ты лодырь! Тебе бы только взвалить на чьи-нибудь плечи.

— Ах, так!..

Через минуту, громыхая ведрами, Слава неся по тропинке в сторону домов. За ним, опустив свой сосисочный хвост и опасно косясь в мою сторону, трусила подлая собачонка.

— Почему он вас так зовет? — спросил я девушку.

— Козлик? — она рассмеялась. — У меня фамилия такая — Козлова. А имя — Вера.

— А что? Очень хорошее имя.

— Ну, зови Верой, если тебе так больше нравится. Но только на «ТЫ».

— Так вы же... ты... старше...

— Подумаешь, на какие-нибудь шесть-семь лет. Это только сейчас заметно. А лет через сто — никакой разницы. Ну скажи: сто три или сто десять — не все ли равно?

Забавно!.. Я попытался представить ее и себя через сто лет — и не смог. Наверное, такие вот старички, как сегодня в машине. Иди разбери, кто старше, кто младше. А может, к тому времени выдумывают уже таблетки от старости и вообще никаких стариков не будет.

Слава принес два полных ведра, вылил в бак.

— Хватит... Куда ты?

Он не ответил, ушел снова, сопровождаемый собачонкой — она не отставала от него ни на шаг.

— Теперь будет таскать, пока весь бак не наполнит, — смеялась Вера. — Заядлый!

С Верой просто. Не надо быть все время настороже и гадать: разыгрывают тебя или нет. Пока Слава таскал воду, она рассказала мне, как экспедиция ехала сюда на двух грузовиках, как устраивались на новом месте.

Вот где я по-настоящему пожалел о своей ангине! У них столько было всяких приключений. И колесо у машины по дороге спустило, и автоинспектор их останавливал. А потом, уже здесь, на месте, только начали ставить палатки — и дождь. Ночевали в одной большой палатке все двадцать человек. А еще печь складывали — кирпич тащили ночью со стройки. А еще стенгазету выпустили со смешным таким названием: «Неандертальские новости»...

Как не вовремя я заболел! Теперь уже, конечно, не так интересно. Теперь у них все устроено: и столовая есть, и даже душ — старая бочка из-под бензина с продырявленным дном.

Слава наносил уже почти полный бак воды и отправился за последними двумя ведрами, когда вдруг я услышал далекое пение. По полю в нашу сторону двигалось много людей.

— Наши идут с раскопок. Чай надо ставить. — Вера побежала к печке и стала раздувать огонь.

Я прислушался. Мотив, кажется, знакомый.

— Что они поют?

— «Едут, едут по Берлину наши казаки»... Значит, нашли что-то, несут.

— А если бы не нашли?

— Тогда бы пели «Снова замерло все до рассвета». Это наши условные сигналы...

Первыми вбежали в лагерь деревенские мальчишки разных калибров: от писклявых малышей до нескладных здоровенных ребят с бритыми наголо головами — позднее я узнал, что здесь, в клубе, крутили недавно фильм «Шайка бритоголовых». Мальчишки все тащили что-нибудь, кто рейку, кто лопату, кто лом.

Потом появились сами археологи, парни и девушки. Позади всех, тоже окруженные ребятней, как акулы стаей лоцманов, торжественно вышагивали двое в соломенных шляпах. На вытянутых руках они несли, осторожно, как драгоценность какую-нибудь, по глиняному горшку.

Опять горшки! Неужели горшки — это все, что они здесь находят? А где же воинские доспехи? Где копья и кинжалы? Где золотые украшения?

Я уже не говорю о каких-нибудь необычных находках. Остов космического корабля, прилетевшего на нашу землю с другой планеты, когда еще здесь людей не было. Или гигантский скелет бронтозавра метров двадцать длиной.

Поздно вечером, — все уже поужинали, — вернулся с почты дядя Володя. Его, оказывается, вызывали из музея, а он думал, что звонит мой папа, хочет сообщить, почему я не приехал.

Я спросил, у него:

— Золото разве мы не будем искать?

— Да ведь мы, Толюха, не золотоискатели, мы археологи, золото не ищем. Попадется — возьмем, в земле не оставим. Нет — тоже не беда. А горшки разве тебе не понравились?

Я честно признался, что нет. Если бы они хоть покрасивее были. Он произнес «м-да!» и спросил совсем некстати:

— Марки почтовые собираешь?

— У меня уже три тысячи.

— Вот дадут тебе старенькую, серенькую марочку, скажем, Англию какого-нибудь восемьсот пятьдесят третьего года...

— Ого!

— ...и Англию новенькую, яркую, красочную, пальчики оближешь. И скажут: выбирай! Какую возьмешь?

— Что вы, дядя Володя! — я рассмеялся. — Конечно, старую. Она же редкость. А новых — их сколько хочешь!

— Вот и у археологов так. Мы не клады ищем, не золото, не алмазы, мы ищем свидетелей древней жизни. Чем древнее, тем важнее, тем интереснее для нас. И эти неказистые горшки я не сменяю ни на какое золото более поздних времен. Понял теперь?

И все-таки он меня не убедил!

— А что, в древних могилах золото разве не попадается?

— Случается. Серьги, украшения всякие...

Вот я их и найду! Начну копать — и найду. Тогда посмотрим, что дядя Володя скажет: интереснее золото, чем какие-то глиняные горшки, или не интереснее!

Давно уже стемнело. Мы сидели вокруг костра. Пацаны притащили из деревни аккордеон, археологи пели под него разные песни. Про любовь, про всякие там страдания мне не понравились. Зато одна древняя песня — очень. Смешная такая:

Ты мою изодранную шкуру
Зашивала каменной иглой...

И дальше — как они вдвоем сжевали целый хобот мамонта. Вот аппетиты были, в древнее время! А Вера со Славой удивлялись, когда я миску каши с добавкой умял!

Вера сидела рядом со мной и тоже пела. Славу я не видел, — он был где-то сзади, — но зато очень хорошо слышал, как он хлопал себя ладонью: с темнотой комаров стало еще больше.

Спать дядя Володя взял меня в свою палатку. Я залез в спальный мешок, он задернул молнию до самого моего носа — и готово.

— Дядя Володя, — спросил я, — почему Слава все время ходит голый?

— А как по-твоему?

— Загорает?

— Ночью? — хмыкнул дядя Володя.

— Закаляется?

— И это тоже.

— А еще что?

— Еще фасонит — знаешь такое слово? Тут у него одна симпатия есть, вот он и старается. — Дядя Володя возился, устраиваясь в своем спальном мешке; у него был хуже моего, не на молнии, а на пуговицах. — А вообще, он парень ничего, только детства много.

— А это разве плохо? — спросил я. — Папа говорит, что у меня тоже детства полным-полно.

— Папы и мамы всегда преувеличивают. По-моему, ты весьма солидный мужчина.

— Вы шутите, дядя Володя, я знаю.

Как узнали, что здесь, в Малых Катках, было древнее поселение?

Однажды жена совхозного механика полезла в погреб. За кислой капустой или огурцами — точно не знаю. Взяла, что нужно, и уже хотела уйти, как вдруг фонарик высветил в стене погреба что-то белое. Она подошла, копнула: человеческий череп!

Выскочила наверх, полумертвая от страха, и такой крик подняла — все соседи сбежались. Мужчины сразу в погреб. Поскребли стену лопатой, а оттуда кости и какие-то вещи вывалились. Кто-то говорит:

— Дело нечистое. Айда за участковым!

Пришел милиционер, посмотрел:

— Эти кости, старые, мы за них не отвечаем.

Стал механик искать, кто же все-таки за старые кости отвечает. В рабочком сходил, в сельсовет. Нет ответственного за кости, никому они не нужны. Механик позвонил в город, в музей. Срочно прислали археолога — дядю Володю. А к тому времени у совхозной конторы стали рыть траншею для водопровода и нашли еще один скелет, а рядом — наконечники стрел. И другие находки были. Тогда дядя Володя решил, что так оставить нельзя, место очень уж скелетами богатое, надо приезжать с экспедицией...

Утром, когда я пришел вместе со всеми на место, то даже не поверил своим глазам. Что такое? Неужели вот они и есть археологические раскопки?

Однажды я видел в кинохронике, как работают археологи где-то на юге, в пустыне. Тракторы, вездеходы, даже вертолет у них свой был. Кругом все разрыто. В больших ямах торчат остатки каменных стен, вокруг них возятся рабочие. А главный археолог в темных очках и шортах стоит на вершине холма, как полководец, наблюдает, все ли делается, как нужно.

А здесь?

Две жалкие канавки, даже полторы, потому что одна еще не закончена. Кое-где в канавах ямки вырыты, неглубокие, двух метров не будет — в них нашли горшки. И ни тракторов, ни вездеходов, абсолютно никакой техники, если не считать ломов и лопат. И то, лопат в обрез, ни одной лишней, даже мне не хватило.

И дядя Володя на главного археолога нисколечко не похож. Шляпу напялил на себя какую-то рваную, копает наравне с другими, как будто он простой студент. Хоть бы очки противосолнечные надел, они же у него есть.

Кругом народ ходит — в совхозной конторе начало рабочего дня. Остановливаются, смотрят, посмеиваются. Но к самим траншеям им не попасть: вокруг места раскопок на кольях натянуты веревки. Мальчишки, конечно, с веревками не очень считаются, ныряют под них — и к ямам, где работают студенты. Но долго не задерживаются. Глянут — и сразу обратно за веревку. Потому что у нас есть своя добровольная охрана: двое здоровых деревенских ребят. И начальник охраны тоже есть. Ростом поменьше тех двоих, но такой глазастый — все замечает. Он утром приходит раньше всех, натягивает веревки на кольца. Дядя Володя с ним за руку здоровается, как со взрослым, я сам видел.

К нам заявляются не только любопытные. Многие приходят по делу. Приносят дяде Володе на консультацию всякие железки, кости, даже тряпочки.

— Вот, нашли вчера на огороде.

Дядя Володя осматривает внимательно:

— Сдайте в утильсырье.

И предупреждает:

Только сами ничего не копайте. Заметите что — мне скажите. Я приду и посмотрю.

У них здесь, в деревне, настоящая эпидемия — дядя Володя мне еще утром говорил. Все копают, все ищут, особенно мальчишки. А что ищут — сами не знают.

Пришла старушка одна. Сгорбленная вся, но веселая.

— Ах, детки, детки, почему я в ваше время не родилась? Вот бы я вам накопала костей! Как слышу по радио песню геологов, не могу, сердце вперед просится. А вот ноги не пускают, ноги старые... Вы в воскресенье работать будете или отдыхать?

— Поработаем, бабуся.

— Вот я к вам в воскресенье приду и накопаю. В будни, мне нельзя, в будни Феньке на работу, а мне с дитями. А в воскресенье Фенька дома. Приду к вам в воскресенье. И дядю своего приведу. Он хоть и не молодой уже, девятый десяток пошел, а еще бодрый. Поможем вам.

— Спасибо, бабуся, приходите, ждем.

— Эх, не в то время я родилась, не в то. Малой была, стали мы с мальчишками Чертов курган капать, вон тот, отсюда видать, кустарник на нем. Отец узнал — ремнем отодрал; не тревожь, мол, покойничков. А ведь кто знает, что в том кургане было? Еще дед, помню, сказывал, давным-давно там уздечку золотую выкопал один человек, богатый-пребогатый стал!

Дядя Володя рассмеялся:

— Ну, это сказки, бабуся!

— Нет, милый, не сказки — чистая правда. Только далеко она от нас, эта правда, вот и сказкой нам представляется.

Старушка ушла, а я все не мог забыть ее слова о сказках. Они странно перекликались со вчерашним разговором с Сашкой в поезде.

Я спросил дядю Володю:

— Разве в том кургане не могли быть золотые вещи? Он усмехнулся:

— Могли. Но уже и так все в деревне копают. А узнают еще про бабкино золото — представляешь, что будет?.. Вот кончим здесь, останется время — вскроем два-три кургана. Только я не очень надеюсь на ценные находки.

— Почему?

— В большинстве курганов уже до нас побывали. Не археологи — могильные вору, авантюристы всякие. Еще в восемнадцатом веке, в

начале девятнадцатого. Сибирским могильным золотом всю торговали на российских ярмарках...

Тут его перебил Слава — он рыл яму неподалеку от нас, вместе со студенткой Ритой, — маленькая, молчаливая, тихая, никогда не смеется.

— Владимир Антонович! Еще один!

Я побежал к ним. Интересно, как они рождаются, эти древние горшки?

Из земли выступал еле заметный круг. Дядя Володя нагнулся, посмотрел:

— Чуть расчистите — и накройте бумагой.

Если горшок сразу из сырой земли попадет на солнце, он рассыплется. Это я уже знал.

И вот Слава с Ритой принялись за горшок. Легли рядом с ним на землю и давай ковыряться. Ножичком, щеточкой. Осторожно, дышать бояться. Потом сфотографировали горшок, замеры яму, план нарисовали, записали размеры.

Столько возни с простым горшком!

Наконец вытащили. Дядя Володя присел у ямы на корточки, наморщил лоб:

— И опять никаких костей! Что за могилы такие! Сожжение, что ли?

— Остались бы следы, — сказал Слава.

— А вы внимательно смотрели?

— Владимир Антонович! — Слава укоризненно покачал головой. — Слава богу, не первый уже год. Каждую песчинку перебрали. Верно, Рита?

Рита кивнула.

— Загадка! — дядя Володя тер подбородок. — Горшок есть, а его хозяина нет. Третий случай. И все на одном пяточке. Вот, вот и вот, — показал он. — Почти рядом.

Слава предложил:

— Надо объявить конкурс. За первое место — двойная порция щей, за второе — пачка «Казбека» из ваших запасов. Согласны, Владимир Антонович?

— Заметано!

— Братва! Перекур! — крикнул Слава. — И шевелите мозговыми извилинами.

Перестали капать. И тут же поступила первая идея:

— Летаргический сон. Горшок уже положили в могилу, а покойник взял да проснулся.

— Не пойдет! — сказал дядя Володя. — Тогда бы и горшок вытащили. По тем временам — слишком большая ценность.

Встал Слава, оперся о лопату:

— Сделано специально, чтобы создать трудности для будущих археологов. Претендую на второе место. Не гордый.

— Оригинально, но бездоказательно.

— Особый, еще неизвестный науке обряд, — тут же сделал Слава еще одну заявку.

— А по-моему, покойник просто исчез.

— О! Кто сказал? — спросил дядя Володя.

— Я, — подняла руку Вера.

— В этом что-то есть, Козлова. Остается только додумать, в каких случаях покойники исчезают.

Все стали думать; и я тоже. Но ничего путного никто так и не придумал. Снова взялись за работу.

Время приближалось к полудню, стало очень жарко. Нашли еще один горшок, еще. Мне было все равно, а они радовались.

— Ты счастливый! — шлепнул меня по спине Слава — мало ему своей спины. — Приезжай почаще.

— А я не собираюсь уезжать.

Перекуры становились все длиннее. Студенты устало валились в тень у забора, тянули из кружки ледяную колодезную воду, за которой бегали ребята из охраны.

Из-за угла совхозной конторы, тарахтя, выскочил мотоцикл. Подъехал к траншее, стал. За рулем сидел немолодой краснолицый мужчина, с аккуратно подстриженными усиками под вздернутым носом.

— Здравствуйте, товарищ начальник. — Он широко улыбался.

Дядя Володя шагнул из тени навстречу.

— Здравствуйте... Погодите, погодите... Савелий... Савелий...

— Кузьмич! — подсказал мужчина довольно. — Помните, значит.

— Как же! Я наших помощников никогда не забываю. Какими судьбами?

— Да ведь я здесь живу, в Малых Катках.

— Позвольте, но тогда... Это было на Стремянке. Километров тридцать отсюда.

— Тридцать пять ровно. От совхоза меня туда посылали.

— Вот что...

Они подошли к траншее, дядя Володя объяснил, как ведутся раскопки.

Савелий Кузьмич спросил:

— Значит, только здесь рыть будете, так — нет?

— Еще не знаю. Посмотрим, как со временем...

Потом дядя Володя, попрощавшись, вернулся к нам, а Савелий Кузьмич стал возиться с мотоциклом; что-то он никак не заводился.

Слава сказал:

— Вас тут, оказывается, знают.

— Да вот, четыре года назад с ним познакомились. Он нарывал бульдозером насыпь у речушки и наткнулся на богатое захоронение.

Мужик сообразительный, не стал дальше рыть, сообщил в совхозную контору, оттуда нам. Много что там нашли: и утварь, и оружие. Кое-какие украшения из золота. По-видимому, вождь племени, начала нашей эры. Тогда вождей часто хоронили в устьях рек. Рыли канал, отводили воды...

Он начал подробно рассказывать. Мне стало неинтересно, я побежал к мотоциклу: он все еще капризничал.

Савелий Кузьмич вытащил из кармана какой-то обломок, ковырнул им замок инструментального ящика, достал новую свечу. Покопался на меня, улыбнулся:

— Подсобить хочешь? На, держи, пока я старую сниму.

Свеча была теплая-теплая; мотоцикл стоял на солнце.

— Ты ему сынок, так — нет?

— Что вы!

— Племяш?

— Нет, просто он друг. Не мой, — сразу же спохватился я. — Моего папы.

— Вон они какие дела...

Он быстро сменил свечу, нажал стартер. Мотор завелся с пол-оборота.

— Вот негодяй, свечечки новой захотел! Старая его уже не устраивает, жадину такого... Садись, сынок, прокачу.

Ему не пришлось долго упрашивать.

Савелий Кузьмич провез меня через мост, к клубу, и обратно. Прощаясь, спросил:

— Мед, небось, уважаешь, так — нет?

— Ничего, — сказал я из вежливости, хотя точно знал, уважаю мед или не уважаю.

— Забегай в гости — угощу. У нас с жинкой своих ребят нет — чужим всегда рады. Вон, видишь, дом с красной крышей?

— Рядом с Николаем Сидоровичем?

Он удивился:

— Знаешь Яскажука? Скажи пожалуйста, до чего известный человек! Ну, приходи, сынок.

Мотоцикл укатил, таща за собой хвост пыли.

После обеда по распорядку дня полагалось два часа отдыха. Все пошли на речку. Я тоже. И горько пожалел. Потому что никаких сил

не хватало сидеть на берегу и смотреть, как они ныряют, плещутся, плавают. Вода так и манила к себе, так и манила. Но я ведь дал маме слово...

Нет, нельзя мне ходить с ними на речку! Не пойду больше, никогда! Пообедаю — залезу сразу в палатку и заткну уши, чтобы не слышать, как они зовут друг друга купаться. А потом, когда они все уйдут, можно встать под старую ржавую бочку и открыть заслонку у дырявого дна — там хоть теплая и противная, а все-таки водичка...

— Что ждешь? — дядя Володя зачерпнул ладонью воду и плеснул в меня. — Залезай скорей в речку!

— Не хочется!

— Плавать не умеешь?

— Что вы, Владимир Антонович, — вступился за меня Слава. — Чемпион — разве не видите? — И добавил: — Второе место... после топора.

Все засмеялись.

Я просто не знаю, как бы я выдержал. Скорее всего, не выдержал бы и прыгнул в речку прямо с обрыва, вниз головой. И поплыл бы! Сначала брассом, потом кролем, потом стилем баттерфляй. Вот бы они все рты поразевали!

Но я не прыгнул. Потому что вдруг увидел Сашку. Он стоял недалеко, на дороге, и смотрел, как студенты дурачатся в воде

— Сашка! — крикнул я. — Сашка!

Он вроде и не слышал. Тогда я встал и побежал к нему, босиком, по горячему-горячему песку.

— Здорово!

— Здорово, — Сашка смотрел на меня недоуменно, словно увидел впервые.

— Что, своих не узнаешь? — сказал я весело.

А он спрашивает:

— Откуда ты меня знаешь?

Я подумал: опять за свои фокусы принялся. Скажет, что вчерашняя поездка в поезде мне только приснилась или еще что-нибудь. Но тут я вспомнил: брат-близнец!

— А, знаю! Ты Васька, да?

— Предположим, — отвечает он и хмурится. — А ты кто?

— Толька. Мы с Сашкой вчера вместе ехали — он тебе не говорил?

— Говорил. Ну, здравствуй, Толя.

Подает руку, смотрит на меня пристально, словно изучает, что я за человек. И я на него смотрю во все глаза. Надо же, как на Сашку похож! Ну, может, чуть повыше ростом. Ну, может, посерьезнее. Одет еще по-другому. А так — не отличишь. Такие же белые волосы, такое же румяное лицо.

— Сашка где?

— Уехал утром с дядей в Большие Катки.

— Не вернулся еще?

— Не знаю. Я в клуб ходил.

— В киношку?

— Какое здесь днем кино! В шахматы дулся с завклубом. Здорово играет! Один раз даже у Ботвинника выиграл, на сеансе одновременной игры.

— А ты?

— Так себе, — сказал он скромненько. И глаза опустил.

— Я редко у него выигрываю... Айда к нам, может, Сашка уже вернулся.

Я сбегал за своими кедами, и мы пошли берегом речки. Какая здесь уйма гусей и уток! Вспугнутые нами, утки, неловко переваливаясь, ковыляли к реке, а гуси, вытянув шеи, как пики, и шипя, устремлялись к нам, вот-вот бросятся, но круто сворачивали в сторону за несколько шагов.

Гуси напомнили мне про другую птицу.

— Слушай, — сказал я смеясь, — Сашка трепался вчера, что превратил тебя в аиста.

— Почему — трепался?

Я разинул рот.

— Как?! Ты хочешь сказать...

— Это правда.

Я остановился:

— Вы сговорились!

— Можешь не верить. — Он пожал плечами. — Никто не заставляет. Ты спросил — я ответил.

И заговорил совсем о другом. О каком-то миниатюрном радиоприемнике, который он монтирует. Видно, интересы у братьев.

близнецов совсем разные. Один больше на сказки налегает, другой — на технику.

Но я не мог просто взять да и забыть об аисте.

— Как же так: человека превратить в птицу? Тебе просто показалось.

Васька неожиданно согласился:

— Вполне возможно. Он внушил — и мне показалось. Гипноз или как это называется. Я видел крылья вместо своих рук, даже махал ими, взлететь хотел. А на самом деле у меня были руки как руки.

— Если только так...

И все равно — здорово! Ну, Сашка! А я думал — он нафантазировал от начала до конца.

— Обожди здесь. — Васька остановился возле зеленого штaketника; за ним стеной высился густой кустарник, даже дома не было видно. — Я сейчас.

Калитка открылась и закрылась сама, Васька даже пальцем не притронулся. Я несколько не удивился. Братья Яскажуки уже приучили меня к чудесам.

За соседним забором бушевал огромный пес. Его глухой басистый лай напоминал рык льва — я слышал однажды в зоопарке. Я подошел поближе и уставился на пса не мигая. Ничего не вышло. Лишь на глаза навернулись слезы. Пес лаял по-прежнему, даже, пожалуй, еще пуще. Не гожусь я в гипнотизеры!

— Собака друг человека, — сказал я с досадой. — А ты на меня лаешь. Тоже мне друг!

Скрипнула калитка. Вышел Сашка. Его-то я узнал сразу: вчерашняя куртка на молнии. И улыбается во весь рот. Васька, пока мы шли, ни разу не улыбнулся.

— А, ты... Мы с дядей только вернулись, двенадцатичасовым автобусом. Ну, как раскопки?

— Ничего особенного. Одни горшки глиняные. Хочешь — покажу?

— Погоди, я за Васькой сбегаяю. Он такими делами больше меня интересуется.

Опять я остался один у калитки.

Соседский пес перестал вдруг гавкать, заскулил образованно. Наверное, хозяин вышел из дома.

Так и есть! А, знакомый! Бульдозерист, Савелий Кузьмич. Точно! Он же говорил, что живет рядом с Яскажуком.

Он тоже увидел меня, улыбнулся:

— Давно с тобой не встречались, сынок!

— Я к ним, — торопливо сказал я. Еще подумает, что к нему в гости, за медом.

— К Сашке Яскажуку, так — нет?

— И к Сашке, и к Ваське.

Он удивился, поднял одну бровь.

— Васька? Кто такой?

— Сашкин брат.

Бровь поднялась еще выше.

— У Сашки брат? Ты что! Никогда у него ни братьев, ни сестер не было.

— А тот, близнец?

Савелий Кузьмич смотрел на меня, словно на чудо какое-нибудь. Потом как расхохочется.

— Ай-яй-яй! — Он вытер рукавом глаза. — Верь ему больше! Он тебе наговорит. Яскажуки — они все выдумщики, что старые, что малые.

— Савва! — позвали из дома.

— Иду!.. Жинка кличет. Заходи к нам, сынок, не стесняйся, мы люди простые...

Только Сашка из калитки — я в нее.

— Куда ты? — спрашивает.

— За Васькой.

— Постой, — забеспокоился он. — Васька все равно не пойдет.

— Почему?

Он долго не размышлял:

— Дядя наказал. А дядя такой: сказал «не пущу», расшибись — не пустит.

— Ничего, я его уговорю.

— погоди! — держит меня за рукав. — Сказано — нельзя!

Я возликовал.

— Ага, нельзя! Знаю, почему нельзя. Никакого Васьки нет на свете. Ты его сам выдумал. Артист! Только я не дурней тебя. Я сразу

понял, но решил: ладно, пусть поиграет, посмотрю, как у него получится.

— Догадался? Эх, жаль! — Сашка был искренне огорчен. — А я думал с Васькой, по крайней мере, дня три протянуть.

— Ну зачем тебе нужно? Зачем?

Сашка сник весь, сделался таким печальным, даже побледнел и похудел прямо у меня на глазах.

— Ах, Толик, ничего ты не знаешь! У меня, правда, был брат Васька, близнец. Мы с ним так любили друг друга.

— Куда ж ты его подевал? — спросил я насмешливо. Нет, больше я на его крючок не нацеплюсь!

— Пошли купаться, он поплыл на другую сторону, а я барахтался у берега. И вдруг вижу, всплывает маленькая подводная лодка. Ну, метра четыре в длину, не больше. Помнишь, как в фильме «Юнга со шхуны „Колумб“»? Точь-в-точь такая. Хватают Ваську, борьба — и все кончено. Я бегом в милицию. Оттуда целую машину водолазов послали, штук двадцать. Шарили, шарили, так ничего и не нашли. Пропал Васька. Наверное, пожертвовал собой и потопил лодку со шпионами в каком-нибудь глубоком месте.

Теперь уже Сашка был не просто бледный, даже зеленоватый какой-то. И глаза... Вот-вот заплачет.

У меня от жалости заныло сердце, хотя я твердо решил больше не верить ни одному его слову. Вероятно, он опять пустил в ход свой гипноз. Говорил же мне Васька...

Хотя что я! Никакого Васьки нет и не было. Это же все Сашкины выдумки...

Мы сходили с ним на раскопки, он даже выпросил у Славы лопату и поработал с полчаса. Потом, когда возвращались домой, уверял меня всю дорогу, что на том месте, где он копал, спрятан золотой клад, он точно знает, есть верные приметы, только до него надо еще дорыться.

Сашка был снова румяный, веселый и о Ваське даже не вспоминал.

А я не мог забыть. У меня было такое чувство, что вот, познакомился с хорошим парнем, а он взял и пропал навсегда. Правда, Сашка тоже парень неплохой, но Васька все-таки лучше. Не такой выдумщик, спокойный, рассудительный. Мне бы с ним только и дружить. А то я заводной, Сашка тоже. Наделаем мы с ним еще дел, чует мое сердце!

Даже когда мы спать улепись, я все еще о несуществующем Ваське думал, о его трагической гибели. Дядя Володя сидел у выхода, докуривал последнюю папиросу, пускал дым в щелочку.

— Дядя Володя, — спросил я, — если человек умер, а его не нашли, как тогда хоронить?

— Куда же он делся?

— Ну, скажем, утонул. А тело не нашли.

— Тело не нашли?

Он перестал курить и уставился в одну точку.

— Дядя Володя!

— Повтори, что ты сказал! — повернулся он ко мне.

Что с ним такое?

— Я сказал: дядя Володя.

— Нет, раньше.

— Человек утонул, а тело не нашли. Как тогда хоронить?

— Вот! — Он вдруг схватил меня и поцеловал. — Вот! Выскочил из палатки и как закричит:

— Подъем!.. Экспедиция, подъем!

Нет, что случилось? Я перепугался, выполз наружу вместе со спальным мешком. Из всех палаток высунулись удивленные лица.

— Толухе первая премия! — объявил дядя Володя. — Поздравьте его, товарищи, с научным открытием. Завтра ему два борща, слышите, дежурные? А захочет, так три... Знаете, почему в тех могилах одни горшки, и нет ни костей, ни сожжений? Потому что это символические могилы. Человек утонул, бурная река унесла его тело. Человек пошел на охоту и не вернулся, растерзали дикие звери. И вот родичи хоронят его условно. Могила есть, горшок есть, а костей нет... Толька, ты гений!

Я не стал опровергать.

— Чудак! — шипел рядом со мной Слава. — Плюнь на борщи! Проси лучше «Казбек».

— Зачем? Я некурящий.

— Сменяемся на компот...

Вот я и сделал свое первое научное открытие.

Никогда бы не подумал, что они делаются так просто.

Утром меня разбудил негромкий разговор возле нашей палатки.

— ...а если их встретить теперь? — спрашивал чей-то знакомый голос. — Топаешь по дороге, а они навстречу. Приветик, говорят, земляк, мы тоже из Малых Катков.

Отвечал дядя Володя: — Ты бы их не сразу отличил от любых других прохожих. Ну, лицо пошире, массивнее череп, низкие орбиты. Не очень заметно.

— Сделать бы машину времени, посмотреть, как они жили.

Как только я услышал про машину времени, сразу понял, чей это голос. Конечно же, Сашка!

Дядя Володя сказал:

— Давай, делай скорее! Буду твой первый пассажир. Мне к первобытным людям вот так нужно. Столько всякого для проверки скопилось...

Я выбрался из палатки. Еще было совсем рано, часов около шести. Все спали, даже Бип лежал, свернувшись в рыжий клубок на своем мешке возле палатки Славы. Только дежурные по кухне, зевая, разводили огонь в очаге.

Дядя Володя и Сашка сидели рядышком за шатким обеденным столом. На нем была расстелена длинная полоса бумаги — второй номер стенгазеты «Неандертальские новости». Сашка что-то рисовал цветными карандашами.

— А, поднялся, спящий красавец. — Дядя Володя подвинулся. — Садись! Смотри, какие тут у нас таланты открываются.

— Что так рано? — спросил я Сашку, усаживаясь и зябко ежась — прохладно, вся трава в росе.

— Дядя встает, и я с ним.

Он отошел на шаг и, прищуря глаз, критически оглядел свою работу.

Нарисовано здорово. Древние люди, таясь за стволами деревьев, с удивлением и страхом наблюдают за археологическими раскопками. И хотя холм, на котором идут работы, далеко и фигурки людей на нем совсем маленькие, я различаю дядю Володю в его старой выцветшей шляпе, полуголою Славу. А эти двое кто? Да мы же, мы с Сашкой!

— Ух, здорово! — вырвалась у меня. — Вот бы мне! А то по рисованию одни тройки.

— У меня тоже, — сказал Сашка.

Тут не только я, но и дядя Володя удивился:

— Как? Ты же здорово рисуешь!

— Павел Сергеевич говорит, мало хорошо рисовать, надо еще и тему правильно выбрать. Вот перед концом четверти он нам свободную задал. Я нарисовал встречу наших космонавтов с людьми из другого мира. У них там совсем не так, как у нас. Вся планета в воде. И города, и леса, и поля подводные. И люди тоже подводные, дышат жабрами, как рыбы. А так совсем на нас похожи — не отличишь, одеваются только иначе. И у меня на рисунке наш космонавт в водолажном костюме пожимает руку вот такому подводному человеку.

— Интересно! — сказал я.

— А Павел Сергеевич написал: «Неясная идея» — и трояк. Зато у Гутьки Иванова одни пятерки.

Дядя Володя спросил:

— А он что рисует?

— Чемоданы.

Сашка посмотрел на наши вытянутые лица, засмеялся и повторил:

— Да, чемоданы. Одни чемоданы. Так наловчился их рисовать — прямо загляденье. И замочки, и пупырышки на коже — все есть. Как свободная тема, он — раз! — и чемодан. И — раз! — пятерка. Чемодан — пятерка, чемодан — пятерка. У нас многие в классе стали чемоданы рисовать.

Дежурный заколотил молотком по рельсу, подвешенному к дереву:

— Подъем!.

К завтраку Сашка кончил рисовать стенгазету, и дядя Володя усадил его за стол вместе с нами. Он быстро освоился и, плотая горячую кашу, стал рассказывать про какие-то космические водоросли: и воздух в ракете они сделают пригодным к дыханию, и питаться ими можно будет в полете.

Я вертелся, словно сидел на гвозде. Нашел кому врать! Они же студенты, они все знают. Засмеют, и меня вместе с ним. Скажут: «Ну и дружок у тебя!»

Но никто не смеялся, все слушали. Лишь Миша, наш завхоз, вредно улыбался и хихикал.

Миша тоже студент, только совсем из другого института и никакого отношения к археологии не имеет. Но его мама, директор

музея, упросила дядю Володю взять Мишу в экспедицию завхозом; у него что-то там такое со здоровьем, и ему полезен сухой степной воздух. Посмотришь на него, не поверишь: здоровяк, мускулы, как деревяшки, и какой-то воздух особый ему нужен. Врачи, наверное, напутали. Со мной тоже однажды было. Сделали прививку против оспы, а через несколько дней погнали снова. Потом, когда уже опять привили, оказалось, они меня с другим Кубаревым спутали, из десятого класса. А он даже не Анатолий— Серега.

Миша хихикал, хихикал, а потом сказал Сашке:

— Достал бы нам этих водорослей по блату.

Слава сразу добавил:

— Хоть бы раз наелись досыта!

Все стали смеяться над Мишей, потому что он — прижимистый завхоз. С ним каждое утро дежурные ругаются, что мало продуктов дает, а он кричит: «Хотите, чтобы у меня недостача была!»

Позавтракали, стали собираться на раскопки. Уже подошли из деревни наши вечные спутники — нести инструмент. Поднялись из-за стола и мы с Сашкой.

Путь к раскопкам. не близкий. Шли не деревней, а напрямик, полем. Шествие растянулось, наверное, на целый километр. Впереди мальчишки с лопатами. Потом основная группа с дядей Володей во главе: он что-то рассказывает, все слушают. Там и Рита, и Слава, конечно — я заметил, он от нее ни на шаг. Потом Миша с рюкзаком на спине, с ним Вера и еще несколько девушек. Мы с Сашкой идем замыкающими, позади нас один только Бип. Все эти дни он ластится ко мне, искупая свой грех. Все равно напрасно! Терпеть не могу ехидных собак.

Наш путь пересекает довольно широкая канава, через нее переброшена доска. Когда идешь по ней, она чуть покачивается под ногами. Вниз лучше не смотреть, внизу мутно-зеленая жижа.

Мы с Сашкой подошли к канаве в тот момент, когда здесь шел веселый спор. Миша утверждал, что перейдет по доске с закрытыми глазами. Девушки не верили, смеялись.

— Ах, так!

Он подошел к доске, расставил руки, зажмурился крепко. И пошел. Медленно, маленькими шажками. По его напряженной спине было видно, как ему трудно. И страшно тоже.

Он перешел на ту сторону. Повернулся к нам, веселый, счастливый. Девушки зааплодировали.

— А ну, теперь вы! — крикнул нам с Сашкой Миша. — Что, слабо?

Я посмотрел вниз. И пропал! Не надо было смотреть! Тогда еще можно было попробовать. А теперь...

Девушки, улыбаясь, ждали, что мы ответим. Я растерянно топтался на месте. Было стыдно. Но что я мог сделать? Я точно знал, что свалюсь, как только сделаю первый шаг по доске с закрытыми глазами.

А Сашка сказал:

— Нет, не слабо!

— Пойдешь? — спросил Миша ехидно.

— Пойду.

Миша перебежал по доске на нашу сторону, вынул из кармана платок.

— Поворачивайся! — скомандовал он Саше.

— Зачем платок? Я смотреть не буду.

— Ага, ага, испугался!

— Завязывайте! — махнул рукой Сашка.

Миша завязал ему глаза.

— Подведите к доске, — попросил Сашка.

— Сейчас, обожди, вот только камни с дороги уберу, споткнешься еще.

Миша подскочил к доске и, сделав нам всем знак, чтобы мы молчали, поднатужился, приподнял ее и развернул от канавы в другую сторону. Теперь доска лежала на земле. Он подвел к ней Сашку.

— Не раздумал?

— Нет, — ответил Сашка каким-то сдавленным голосом.

— Ставь ногу. Вот сюда... Готово! Пошел!

Сашка стоял на доске, балансируя руками. Постоял — немного, потом сделал скользящий шаг вперед. Еще один. Закачался вдруг, теряя равновесие, но все же устоял.

Это было очень смешно. Мы корчились от едва сдерживаемого хохота. Сашка прилагал все силы, чтобы не свалиться с доски, которая лежала... на земле!

Еще два крошечных шага — и он уже на середине. Миша — стал рядом с ним, нагнулся и, растянув рот до ушей, заквакал, словно лягушка, и так похоже — не отличишь от настоящей.

Девушки смеялись, зажимая руками рты. А мне вдруг стало обидно за Сашку. Я представил себя на его месте. Я иду по доске, уверенный, что внизу грязь, что каждую секунду могу в нее вляпаться. Мне страшно, но я преодолеваю страх, двигаюсь потихоньку вперед. А, оказывается, все это комедия, все это только для того, чтобы посмеяться надо мной.

— Сашка! — крикнул я. — Доска лежит на земле.

Он пошатнулся и упал. Сдернул повязку, вскочил. Посмотрел на нас, на канаву, губы у него дрогнули и, ни слова не говоря, он повернулся и пошел обратно, к деревне.

Первой опомнилась Вера.

— Ой, товарищи! — она взялась руками за голову. — Ой! Как некрасиво! Мы же будущие педагоги!

— Если человек шуток не понимает... — хихикал Миша.

— Что ты стоишь! — крикнула мне Вера. — Беги за ним! Ну, беги же!..

Я догнал Сашку и зашагал рядом с ним. Ни он, ни я ничего не говорили. Так, молча, дошли до шоссе. На обочинах, с двух сторон, в пыли, лежали мальчишки. Один из них держал черную, как сапог, кошку. Ей совали под нос кусочек мяса, но не отдавали, а перебрасывали на другую сторону. Кошка, облизываясь, бежала за мясом через дорогу.

— Зачем они?

— Игра такая, — сказал Сашка. — Видят мотоцикл или машину, пускают черную кошку и спорят: остановится или нет. Я в прошлом году тоже играл.

— И останавливаются?

— Редко... А еще такая игра есть. Когда дождь и развозит дорогу, пацаны считают застрявшие машины и тоже спорят: где больше засядет — перед мостом или за мостом. Делать нечего, вот и придумали...

Позади остался клуб, магазин. И я понял, что мы идем не просто так, без цели. Сашка куда-то меня ведет.

— Куда мы?

— Увидишь, — прозвучало загадочно.

На окраине деревни, довольно далеко, в стороне от других стоял одинокий дом, обнесенный высокой оградой. Мы направились к нему.

— Осторожно, — предупредил Сашка. — Сейчас на нас кинется Волк.

— Лучше уж сразу тигр, — засмеялся я.

Но он не шутил. Это я понял в следующий же миг, когда вдруг из-за ограды метнулась стремительная тень и раздалось свирепое рычание.

Я шарахнулся в сторону. Есть такой сорт собак, которым доставляет удовольствие пугать прохожих. Часами прячутся где-нибудь в засаде, у забора, не шелохнутся. А зазеваается кто-нибудь, подойдет близко — прыгнут на всю длину цепи и так напугают, что будешь потом целый час отплеываться.

Вот Волк и был из этой хулиганской породы. Сделав свое некрасивое дело, он встал лапами на забор и смотрел мне вслед, ухмыляясь, вывалив из пасти длинный красный язык. Я, отводя сердце, молча погрозил ему кулаком.

За домом, примыкая одной своей стороной почти вплотную к забору, высился холмик, обсаженный кустарником.

— А, знаю! — вспомнил я. — Чертов курган.

Сашка взбежал на вершину:

— А почему он так называется — тоже знаешь? Я рассмеялся.

— Сейчас ты скажешь: потому, что здесь водятся черти.

— Не черти, а привидения, — поправил он спокойно.

— И ты их, конечно, видел?

— Нет. — Он с сожалением покачал головой. — Сюда надо ночью приходиться. После двенадцати.

Я огляделся. Пустырь, за ним небольшое, без ограды кладбище. Неприглядно здесь ночью!

— А кто видел?

Не верил я в Сашкины привидения! Такая же выдумка, как с Васькой.

Не ответив, он подошел к забору:

— Тетя Поля! Тетя Поля!

Тетя Поля не отозвалась. Зато Волк примчался мгновенно — он был не на цепи, бегал свободно по двору. Лай у него точно такой же,

как у пса Савелия Кузьмича: глухой, рыкающий. И масть похожая. Сразу видно: близкие родственники.

Появилась и тетя Поля. Худая, вся в черном, с плотно сомкнутым ртом совсем без губ.

— Здравсте, тетя Поля. Вам от мамы привет.

— А, Санька! — она не выказала особой радости. — Приехал уже? Рано что-то нынче.

— Тетя Поля, — перешел к делу Сашка, — вот он не верит, что на кургане привидения.

Ее маленькие глазки укололи меня.

— Что тут верить-не верить, когда вся деревня знает.

— Не может быть! — невольно вырвалось у меня. — Их же на свете нет.

— На свете, может, и нет, а здесь есть.

— Какие они?

— Кто их знает... Белые, как туман, все наскрозь видать. И мычат, тихо-тихо... Бр-р-р! — Она содрогнулась, словно вспомнила что-то очень неприятное. — Хватит! Нельзя о них говорить. Накличешь еще... Ну, мамка-то как?..

— Откуда ты ее знаешь? — спросил я, когда тетя Поля, сопровождаемая Волком, опять ушла в дом.

— Они с мамой в детстве подружками были. А потом она в бога стала верить, из школы ушла.

— Вот потому она и видит привидения. Намолится...

— А другие? — возразил Сашка. — Два года назад один дядька даже в обморок грохнулся, доктора вызывали... Опять не веришь? Савелия Кузьмича знаешь? Спроси у него.

У Сашки самые невероятные вещи сразу становились вполне возможными. Подумаешь, привидения — что здесь такого особенного?

Мы посидели немного на кургане.

— Слушай, Толька, — начал Сашка, и я уже знал, что он предложит. — Давай...

— Давай, — сказал я.

— Когда?

— Хоть сегодня! — Я хотел показать ему, да и себе тоже, что ничего не боюсь.

— Нет, так сразу нельзя. Дядя не пустит. Когда дома его не будет — вот тогда.

— А что мы на кургане делать будем?

— Не знаю. Посидим в кустах, посмотрим. Вдруг что увидим — вот будет здорово!..

Потом, уже на обратном пути в деревню, я признался:

— Знаешь, Сашка, я думал, ты обидишься на меня, что я крикнул. Ведь ты из-за меня упал. Если бы я не крикнул, ты бы прошел по доске — точно!

Сашка сказал:

— Если бы ты не крикнул, я бы никогда больше не стал с тобой дружить. Ты был бы все равно как предатель.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В тот день на раскопках ничего интересного не было. И на следующий тоже.

Траншея попалась какая-то неудачная. Верхний слой снимали долго — он был твердый и серый, как цемент. А потом, когда, наконец, сняли и стали зачищать лопатами дно и стенки, оказалось, что нет пятен, по которым археологи узнают древние могилы. Вернее, пятна были, но все какие-то маленькие и безнадежные. Начинают копать, а они расползаются под лопатой. И становится земля рябой, как шкура ягуара. А еще ниже начинается желтенький песочек.

Пусто!

Народу к нам стало ходить меньше, ребята из охраны тоже смылись потихоньку — дядя Володя сказал, что у них пропал интерес.

Бросили эту траншею, начали другую. Еще хуже! Земля лопатам почти не поддается, только ломами ее и берут. А сколько можно ломом! Перерывы чуть ли не каждые пятнадцать минут. Один лишь работает как работал — Боря. Когда ни глянешь, стоит в траншее, рыжий, худущий, в кожаных перчатках и широкополой войлочной шляпе, долговязый, как аист, и долбает, долбает...

Настроение у студентов упало. Даже по вечерам ходили кислые. А вот дядя Володя не унывал. Шутил, как всегда, подбадривал, рассказывал всякие забавные истории. Только ночью я иногда просыпался и видел у палатки на фоне звездного неба его силуэт. Он курил.

— Вы что, дядя Володя? — спрашивал я шепотом.

— Ничего, спи!.. Брошу, вот возьму и брошу, — прикуривал он одну папиросу от другой. — Последняя пачка!

Но я знал, что он не бросит. Все курящие так грозятся: последняя пачка...

Лучше всех устроился Миша: он набил на руках кровавые мозоли. Ничего особенного, два красных пятнышка под кожей на правой ладони — я сам видел. Копать больше не стал, забинтовал себе руки, ходит со страдальческим видом. Валялся бы себе где-нибудь у речки,

раз уж такой нежный, книжку читал. Так нет же! Выспитесь вдоволь — и на раскопки. Сидит в тени, брюзжит:

— А ну ее, вашу археологию! Не наука, а прямо каторга какая-то.

Слава ему сказал:

— Ну и езжай домой, к маме, кто тебя держит? Еще и деньги тебе на дорогу соберем.

А он:

— У меня жизненное правило такое: товарищей в беде не оставлять.

И смотрит на одну Риту, выставив напоказ свои маскировочные бинты.

Знаю я теперь, почему он не уезжает!

Вера прибежала от колодца, что возле совхозной конторы:

— С ума сойти! Знаете сколько градусов? Тридцать пять в тени!

— Тридцать пять? — Дядя Володя обмахнул шляпой красное лицо. — Очень хорошо!

— Что тут хорошего, Владимир Антонович?

— При тридцати пяти градусах у настоящих археологов сходит лишний жирок и начинается профессиональная закалка.

— А у ненастоящих? — спросила Вера.

— Те испаряются и исчезают.

Студенты дружнее налегли на ломы и лопаты; никому не захотелось испариться. Я тоже решил доказать, что тридцать пять градусов мне нипочем. Раз сбегал с ведром к колодцу — воду выхлестали моментально. Сбегал другой раз, третий — и впрягся. Можно было и не таскать, никто меня не просил. Но ведь самому неудобно. Они все машут лопатами, устают, а пить нечего.

Я теннису скинул, бегаю в одних трусах, как Слава. И сам не заметил, как из белого сделался жарко-красным, словно рак вареный. Дядя Володя подозвал меня, смазал всего каким-то кремом и заставлял снова надеть теннису.

— Да я же еще совсем...

— Хватит! Останешься без шкуры, а я потом отвечай перед твоими родителями своей шкурой.

А вот Слава из бронзового стал совсем коричневым. Я с завистью смотрел на его загар.

— Здорово ты!

— Меня солнце любит, — смеялся он. — Рита, подтверди! Рита, как всегда, молчала.

И вдруг на его левом плече я заметил неширокую белую линию, по бокам которой шли такие же белые точки.

— А здесь почему не загорело? — спросил я.

— Не загорело — и все!

Он быстро отошел от меня, словно боялся, что я начну расспрашивать. Пришлось опять обращаться к дяде Володе.

— Это след операции, — ответил он. — В прошлом году Слава ехал с Ритой в кузове, машина перевернулась. Риту он успел вытолкнуть, а сам плечом попал под борт. Ну и раздробило. Пролежал в больнице целое лето.

— Значит, он спас ей жизнь?

— О, ты, оказывается, любитель высоких фраз! — улыбнулся дядя Володя. — Да, спас, если тебе так нравится. Даже в газете писали: «Спас, жертвуя собой!»

Ух ты! Так почему же он стесняется? Если бы про меня написали такое, я бы прыгал до потолка от счастья. И шрам не прятал бы, а, наоборот, выставлял напоказ, как боевую награду. Дал бы газету: «Читай», показал бы шрам: «Смотри!»

Вечером дядя Володя взял меня с собой в клуб — его просили выступить перед жителями Малых Катков, рассказать о раскопках.

Зал был набит — ни одного свободного места, даже вдоль стен стояли. Слушали очень внимательно.

— У меня один вопрос образовался. — Сгорбленный бородатый старичок сам был похож на вопросительный знак. Вот вы сказали, рыбу они здесь ловили и рыбой питались, эти дальние наши родственнички. А у нас в речке самая большая рыба — во!

Старичок под смех всего зала показал полпальца.

— Сейчас у вас и речка — во! — дядя Володя тоже показал полпальца. — А тогда была большая полноводная река, шириной от усадьбы совхоза до песчаного карьера за деревней.

— О! — восторженно выдохнул зал.

— Да! Карьер — прежний правый берег реки. Вообще, здесь все выглядело иначе. Кругом были не степи, а леса, кишевшие зверем. Вот почему здесь и селились древние люди. Вода, рыба, дичь, земли плодородные — что еще им было надо? Правда, зима холодная, но они старались запастись припасами и жили в своих землянках, не высовывая носа наружу.

— Может, тогда климат был другой? — спросил кто-то.

— Особой разницы не было. Для климата три-четыре тысячи лет — сущие пустяки.

— А вот скажите, товарищ ученый, — опять поднялся с места бородатый вопросительный знак, — вы кости выкапываете, посуду ихнюю разную. А как если они от болезней липучих померли? Не пойдет ли зараза по Каткам? Вон у Марфы Липягиной намедни внучонка в больницу забрали — не оттого ли?

Зал шумнул и снова притих. Я тоже с интересом ждал. Что же ответит дядя Володя?

— Я знаю, почему вы спрашиваете. Тут, в деревне, кто-то мутит воду, распускает про нас разные нелепые слухи. Дескать, покой мертвецов нарушают, будет вся деревня в ответе. Или вот про болезни. Ерунда все это, вздорные выдумки невежественных людей...

Было еще много вопросов. Но теперь уже спрашивали о находках, что они дают для науки, интересовались, какие вещи находил дядя Володя в других местах.

А когда все закончилось и мы вышли из клуба, к дяде Володе подбежала толстая тетушка с корзинкой в руках.

— Уф! Боялась, опоздаю. Вот, возьмите, пожалуйста. — Она, тяжело дыша, протянула дяде Володе корзину. — Огурчики свежие. Пусть поедят ваши ребятки. Только что с грядки.

— Спасибо, спасибо! — дядя Володя долго тряс ей руку.

Всю дорогу домой он только и говорил, что об этих огурцах. Получалось, они не огурцы вовсе, а какой-то символ какого-то признания.

И все равно это были самые настоящие огурцы. Зеленые, крепкие, с симпатичными пупырышками. За завтраком каждому досталось полторы штуки. Студенты смачно хрустели ими, на все лады расхваливая щедрую тетушку и заодно сегодняшних дежурных по

кухне, хотя, по-моему, их совершенно не стоило хвалить, так как перловую кашу они здорово пересолили.

Встали из-за стола веселые, довольные — вот как могут исправить настроение обыкновенные огурцы!

— Сегодня найдем! — провозгласил Слава и потянул воздух носом. — Пять горшков! Нюхом чую... Нет, шесть, — поправился он. — Один поменьше, я его не сразу учуял.

— Ну и спрячь в карман свой нюх, никуда он у тебя не годится, — сказал дядя Володя. — Сегодня ничего не найдем. Точно! Сегодня объявляется выходной.

— Ура! — закричали все.

Стали спорить, что делать. Кто предлагает идти в лес по ягоды: уже созрела клубника. Кто — на речку, купаться, рыбачить.

Решили разделить на две группы. Я метался туда, сюда, никак не мог решить, с кем. А куда Слава? С ним всегда весело.

Слава сначала примкнул к рыбакам, копал червей, восторгался шумно:

— Ох, и червячишки! Сам бы ел!

Потом вдруг круто перестроился. Отдал червей другим, а сам присоединился к ягодникам. Теперь я уже знал, почему. Из-за Риты своей. И что он к ней так привязался! Как будто не он ее спас, а она его.

Я сбегал за Сашкой — может, уже освободился? Последние дни он помогал дяде по саду и у нас почти не показывался.

И сейчас я нашел его в саду; вместе с Николаем Сидоровичем он таскал воду в большую бочку, врытую в землю по самую шею.

— Пойдешь с нами ягоды собирать?

Ответил Николай Сидорович:

— Иди, иди, Сашок! Уже немного осталось, я сам справлюсь.

Мы как припустили!..

Ягод собрали немного — каждый по полкружки. Мы с Сашкой еще меньше, потому что собирали, главным образом, в рот. Забрались далеко, растеряли всех своих. Стали аукать. Отзываются совсем с другого конца.

Мы пошли на голоса. Вон они, стоят все возле небольшого кургана, рассуждают. Дядя Володя тычет палкой в желтый песок, поросший редкой травой.

— Разрыто сравнительно недавно, — говорит. — Скорее всего, прошлым летом.

— Может быть, просто землю здесь брали? — сказала Вера. — Строители или кто.

— Зачем? У них за деревней удобный карьер, а сюда-то и дороги никакой нет. И потом, кто бы додумался ездить за землей в лес, на могильник?

Сашка толкнул меня в бок, прошептал:

— Никто ничего не разрыл. Просто она ожила и сама выбралась наружу.

— Кто — она?

— Мумия. Чтобы мстить.

Он говорил тихо, а Слава все равно слышал.

— «Мечь мумии», — провозгласил он торжественно, как конференсье на концертах объявляет очередной номер. — Фантастическая повесть. Автор — Александр Яскажук.

Но Сашку не так-то просто смутить.

— Ты не смейся! Одна мумия отомстила, точно! Все, кто ее трогал, погибли — я читал.

С кем он заводится, с кем! Слава посмотрел на него, прищурив глаз, словно целился: сейчас пойдет сногшибательная выдача!.. Но неожиданно Сашкину сторону взял дядя Володя.

— А ведь он правду говорит, напрасно вы не верите. Был такой случай в двадцатых годах, с мумией фараона Тутанхамона. Не в мести, разумеется, дело...

И рассказал, как умерли несколько английских археологов, которые вытащили мумию из пирамиды. До сих пор точно неизвестно, отчего; скорее всего, от лучевой болезни — египетские жрецы клали в гробницы знатных людей какие-то радиоактивные вещества.

Миша состроил испуганное лицо:

— А вдруг и наши горшки радиоактивны?

— Тебе-то что бояться, не понимаю, — пожал плечами Слава. — Дубам радиация только на пользу.

— Ты... Ты... — распыхтелся Миша.

Всю обратную дорогу Слава держался вблизи дяди Володи, а мрачный Миша показывал ему кулаки.

Обед запоздал, но зато на первое была уха — наши рыбаки постарались, на второе тушеное консервированное мясо с картошкой, а на третье компот из ягод. И хотя уха почти не пахла рыбой, а в компоте одна ягодка гонялась за другой и никак не могла догнать, все равно обед нам очень понравился.

Легли отдыхать. Кто заснул, кто лежал под топодем с книгой. И тут обнаружилось, что пропал Боря. Пообедал и исчез, словно в воду канул. Стали расспрашивать всех. Кто-то видел, как он входил в большую палатку, где хранились продовольственные припасы и инструменты.

Миша разбушевался:

— Сказано, в палатку не лезть! Там у меня материальные ценности. Потом отвечай!

— погоди шуметь, завхоз, — остановил его дядя Володя. — Я, кажется, знаю, зачем он туда шел.

— А я, кажется, знаю, где он, — сказал Слава.

— И я, — сказала Вера.

Они зашли в палатку, взяли по лопате и двинулись по направлению к центральной усадьбе. За ними потянулись и все остальные.

— Ну, ненормальные! — ругался Миша. — Ну, психи! Сами же выходной день объявили и сами... Нет, я никуда не пойду! Вот не пойду — и всё!

И лег в тень, под дерево. А мы с Сашкой побежали догонять дядю Володю. Он уже был далеко впереди.

Пришли на место и, в самом деле, увидели Борю. Стоит в яме, в одних трусах, на голове войлочная шляпа, на руках кожаные перчатки, и копает себе, копает...

Утром дядя Володя с силой всадил лом в твердую серую землю так, что тот зазвенел, и сказал:

— Все! К черту! Иду к директору совхоза.

Надел сорочку, пиджак. Студенты тоже перестали копать, уставились па него.

— После того, что у вас здесь с ним произошло? — спросила недоверчиво Вера.

— Ничего, еще раз подерусь... Толюха, за мной! Ему не пришлось повторять. Я кинулся за ним со всех ног. Дядя Володя будет драться — интересно!

— Кто победил прошлый раз? — спросил я.

— Мы его нокаутировали в первом же раунде... В переносном смысле, конечно, — покосился он на меня.

— А из-за чего бой?

— Он требовал, чтобы мы прекратили раскопки. Ему, видишь ли, срочно понадобилась эта площадка под какое-то хранилище. Я говорю: через две недели — пожалуйста. Он: нет, сейчас! И полез в амбицию. «Кто здесь хозяин! Запрещаю!» А какое он имеет право запретить? У нас специальное разрешение. Кричал, кричал, и ушел ни с чем.

— А теперь вы зачем к нему?

— Помощи просить.

Побили — и к нему же за помощью?.. Наставил бы я банок кому-нибудь, ну, хотя бы тому же Птичкину, и сразу: «Дай списать алгебру». Дал бы он, как же!

— Что? Думаешь, не даст? — угадал мои сомнения дядя, Володя. — Ничего, нас ведь двое. Как поднажмем!

— Если только поднажать...

Наш нажим кончился у двери директорского кабинета. На пути встала секретарша, совсем девчонка, с косичками, наверное, еще даже школу не кончила.

— К директору нельзя. У него совещание.

— Обождем.

— Только началось:

— Все равно... Свежая? Можно, я возьму почитаю? Дядя Володя уткнулся в газету. Секретарша стучала двумя пальцами на пишущей машинке, неодобрительно поглядывая на нас. Если бы не дядя Володя, я бы показал ей язык.

Наконец дверь кабинета открылась. Вышел мужчина в синем френче.

— Совещание кончилось? — спросил дядя Володя.

Мужчина удивился:

— Какое совещание? Никакого там совещания. Один я.

Теперь удивились мы. Дядя Володя шагнул к секретарше.

— Ну? — сказал он грозно.

Секретарша сидела красная, губы у нее дрожали.

— Он... он не велел вас пускать. Что я могу сделать?

— Толюха, за мной!

Мы ворвались в кабинет. Директор сбычившись сидел за письменным столом и делал вид, что читает какую-то бумагу.

— Здравствуйте! — бросил дядя Володя.

— У меня нет времени, — буркнул директор, не поднимая головы.

— У меня тоже. — Дядя Володя сел. — Садись, Толюха.

Ух ты! Тут правда назревала хорошая драка. Я осторожно опустился на краешек стула, готовый вскочить в любой момент.

Директор так ни разу на нас и не посмотрел. Встал, сложил бумагу, бросил в ящик стола.

— Я уезжаю на поля.

И к двери.

— Мы будем ждать, — пообещал ему дядя Володя. — Будем сидеть здесь и ждать.

Мы остались в кабинете вдвоем.

— Дядя Володя, — начал я, — ну что толку....

Он крепко сжал мне локоть: молчи! Я понял, что директор сейчас вернется.

И директор вернулся. Оперся кулаками о стол, взглянул на нас зло:

— Знаете, как это называется'?

Дядя Володя молчал.

— Хулиганство, вот как!

Дядя Володя молчал. Директор потер бритый затылок.

— Небось, что-нибудь от меня понадобилось?

— Вы удивительно проницательный человек, — сказал дядя Володя непонятым голосом.

Директор даже обрадовался:

— Ничего не выйдет! Я вам говорил! Вы не посчитались с моим мнением, стали там копать, а теперь хотите, чтобы я вам помог.

— Наука не может считаться с мнением некомпетентных лиц.

— Ах, это я, по-вашему, некомпетентное лицо!.. Так вот, имейте в виду, что это некомпетентное лицо как-никак директор данного совхоза. Я вам говорил тогда по телефону: приезжайте в начале июня. Вы заупрямились, и вот...

— Интересно, как бы вы посмотрели, если бы вам предложили сеять зимой? — перебил дядя Володя. — Не мог же я снять студентов с сессии.

— Короче, что вам надо?

— Очень коротко: бульдозер.

— Может быть, лучше «ГУ-104»? — любезно предложил директор.

— Всего на несколько часов.

— Нету у меня бульдозера.

Я так и знал, что он откажет.

— Есть! — стоял на своем дядя Володя.

— Вы что, лучше меня знаете?

— Стоит в ремонтной мастерской.

— Ах, вы и туда успели?.. Тот неисправный.

— Нет, исправный. Уже все приварили.

Они не говорили, а кричали. В двери несколько раз появлялось испуганное лицо секретарши и тут же исчезало. Мне было чуточку не по себе. Вдруг она позовет милицию?

В самый критический момент, когда казалось, что они вот-вот схватятся, дядя Володя вдруг улыбнулся ни с того ни с сего:

— А вы знаете, что про нас с вами думает этот молодой человек? Что мы сейчас подеремся. Правда, Толюха?

Я мотнул головой.

— Ох, и дал бы я вам тогда трепки! — кряжистый директор, выпятив нижнюю губу, оглянул длинную, немного нескладную фигуру дяди Володи.

— Так как же бульдозер? — спросил дядя Володя.

Мне стало за него обидно. Если он сам про себя ничего сказать не хочет — я скажу. А то директор подумает— струсил.

— Самбо вы знаете? — вмешался я в разговор. — Возьмет вас на приемчик — пикнуть не успеете. Он был на фронте разведчиком.

Тут уж разулыбались оба. «Ну вот, — подумал я, — драки, кажется, не будет». И чуточку огорчился. Эх, посмотрел бы я, как дядя Володя бросает таких здоровенных через плечо!

— Какой фронт? — спросил директор.

— Второй Украинский.

— Будапешт? Вена?

— И то, и другое.

— О, земляк!..

И они пошли сыпать номерами воинских частей, названиями городов, фамилиями каких-то генералов и полковников. Удивительные люди, эти фронтовики! Героические случаи из них клещами не вытянешь. У папы четыре ордена, у дяди Володи целых шесть — и никогда о них ни единого слова. А вот цифры да фамилии — пожалуйста. Как будто это самое интересное из того, что было на фронте!

Первым кончил вспоминать дядя Володя.

— Так как же насчет бульдозера? — круто повернул он от войны к нашей сегодняшней жизни.

— Ох, и настырный же вы человек! Никогда не думал, что ученые с такими характерами бывают.

— Конечно, — усмехнулся дядя Володя, — вас больше устроил бы рассеянный чудака.

— Как же вам помочь? — директор, видно, не так давно побрил голову; он все время водил по ней рукой, словно поправляя прическу. — Бульдозер-то, верно, есть, да вот бульдозерист в отпуске. Честное слово! Как у вас в экспедиции с деньгами?

— Наскребем немножко.

— Хм, немножко... Знаете что, попробуйте сами договориться. Понимаете, отдыхает бульдозерист, я не могу приказать. Отличный работник, но тяжелый человек. Может, вам больше повезет. Я сейчас пошлю за ним свою машину...

И десяти минут не прошло, как открылась дверь кабинета.

— Здравия желаю, Федор Иванович! Зачем звали?

— Прошу любить и жаловать, — представил нам директор вошедшего. — Наш лучший бульдозерист...

Но мы и без того хорошо его знали.

— Здравствуйте, Савелий Кузьмич, — обрадовался дядя Володя. — Ну, с вами, я думаю, мы быстро столкнемся.

Он хитро щурился в сторону директора. Тот усмехался недоверчиво: посмотрим, мол, еще!

Дядя Володя разъяснил, что нужно сделать. Нарыть рядом с нашими двумя траншеями еще три. Неглубокие, снять только верхний твердый слой.

— Да это неважно! — сказал директор. — Если Савелий Кузьмич возьмется, он вам до самого центра земли доконает.

— Нет, надо только сверху. Иначе можно повредить находки, — пояснил дядя Володя.

Савелия Кузьмича не пришлось уговаривать. Он сразу согласился. Директор посмотрел на него удивленно:

— Что-то на тебя не похоже, Савелий Кузьмич! Бульдозерист солидно кашлянул в кулак;

— Добрым людям всегда помочь готов.

— А знаешь ты, что у этих добрых людей тощие кошельки?

— Я в чужие кошельки заглядывать привычки не имею, Федор Иванович. Одно дело — работа, за которую мне государством жалованье положено, так — нет? Другое — услуга товарищеская. За услугу я денег не беру. Ни гроша ломаного...

Мы вернулись на раскопки. Дядя Володя сделал скорбное лицо и, безнадежно махнув рукой, сказал, что ничего не вышло. Студенты поверили, запечалились, но потом Слава взглянул на меня и воскликнул радостно:

— Братцы! Не верьте! Покупка!

— Откуда ты взял? — спросила Вера.

— Да вы на этого юного заговорщика посмотрите, у него же вся тайна на лице! Сияет, как медный таз на солнце.

Я тотчас же скорчил унылую рожу, но уже было поздно. Студенты подступили ко мне:

— Говори, Толька! А то банок получишь!

— Можно, дядя Володя?

— Дуй, разве от них утаишь? Все ясновидцы, все разгадыватели мыслей, мудрецы, шпагоглотатели... Вот только копать некому...

Бульдозер пришел через какой-нибудь час. У нас уже было все подготовлено, все размечено. Савелий Кузьмич подъехал к краю будущей траншеи, развернулся, опустил тяжелый нож. Бульдозер взревел и пополз вперед, глухо бухая отвалом и соскабливая траву попеременно с пересохшей глиной. Раз проехал, собрал кучку земли, другой — кучка стала побольше. Потом вгрызся в небольшую яму и пошел, пошел разворачивать ее в обе стороны.

За короткое время Савелий Кузьмич вырыл две траншеи.

— Перерыв! — остановил его дядя Володя. — Мы отправляемся обедать.

— Ну и идите себе, я сам закончу.

— Оставить кого-нибудь в помощники?

— Да зачем мне помощник?.. Если только хлопчика вашего, чтобы скучно не было. Занятный хлопчик, так — нет? Хочешь ко мне в кабину, сынок?

Хочу ли я в кабину! Можно и не спрашивать!

Так я остался с Савелием Кузьмичом. В кабине было тряско, нож вгрызался в землю, бульдозер весь дрожал от натуги. А когда он взбирался на гору песка, становилось даже немножко страшно: не опрокинется?

Понемногу я привык, освоился, даже сам несколько раз брался за рычаги; Савелий Кузьмич разрешил.

Закончили мы с ним третью, последнюю, траншею, и он спросил:

— Вам надолго хватит? На неделю? Больше?

Я не знал, но сказал на всякий случай:

Может, и больше.

— Знаешь что, — предложил он, — пока они едят, давай еще нароем, сколько успеется. Хороший человек Владимир Антонович, для него и лишнее сделать не жалко, так — нет?

— А мне еще рычаги дадите?

— Почему не дать — можно!..

Когда вернулся дядя Володя, ряды траншей с большими кучами земли на одном конце тянулись чуть ли не до самой совхозной конторы. Дядя Володя присвистнул от удивления:

— Ничего наработали! Зачем столько?

— Ну, прибыль не убыток, — откашливался в кулак бульдозерист. — Так — нет?

— Вот моя траншея, дядя Володя, — доложил я с гордостью. — Я сам всю ее выкопал, Савелий Кузьмич только чуть-чуть помог.

— Так что если еще копать потребуется — прямо его и садите на бульдозер, — улыбался Савелий Кузьмич; стоя рядом со мной, он вытирал тряпкой замасленные руки — пришлось слазить в мотор. — А я приму работу.

— Спасибо вам большое, Савелий Кузьмич. Теперь дело за нашими героическими лопатчиками...

Обедать в лагерь я тащиться не стал. Деньги у меня были с собой, и я поел тут же, в совхозной столовой. И правильно сделал. Потому что, когда я возвращался обратно на раскопки, то услышал торжествующий крик:

— Владимир Антонович! Горшок! Горшок!

Кричал Слава, и так громко, что его, наверное, было слышно во всех Малых Катках.

И пошло! Дядя Володя не успевал бегать от одной ямы к другой. Даже я раскопал горшок. Маленький, кривобокий, но мне казалось, что он какой-то особенный, не такой, как у всех. И я то и дело носился к дяде Володе с открытиями:

— Посмотрите, здесь дырка какая-то высверлена...

— А вот здесь точки и черточки. Может, у них была своя первобытная азбука Морзе?..

Копали до самой темноты, жалко было бросать. Домой шли и пели:

— Едут, едут по Берлину наши казаки...

Я тоже пел и крепко прижимал к груди мой горшочек.

Завтра попрошу Мишу сфотографировать меня с ним. А после каникул буду показывать в классе. Интересно, поверят ли, что этому горшочку столько тысяч лет?

Не поверят — позову дядю Володю, пусть он скажет.

Ему то уж поверят!

На следующий день опять собралась уйма народу— в деревне узнали про наши новые находки. Прибежал и Сашка.

— Где вчера был? Знаешь, как я на бульдозере раскатывал? Мог бы и тебя посадить. Помощником.

Он горевал недолго. Мы вместе с ним натянули веревки, стали гонять ребяташек, чтобы не обсыпали края траншей и не мешали студентам работать,

Чуть позднее прикатил на своей «Волге» директор совхоза.

— Отгораживаетесь от масс, археологи. — Он полез под веревку. — Говорят, находки у вас.

— Опять, горшки, — сказал дядя Володя.

— Горшки я уже видел. Если что интересное будет — сообщите, ладно? Ну, ни пуху вам, ни пера.

— Так охотникам говорят.

— А археологам как?

— Дай вам бог богатую могилу, — рассмеялся дядя Володя.

— Тьфу! — сплюнул директор.

Мы с Сашкой сбегали к колодцу за водой, потом прилегли отдохнуть в тени. Сашка, лежа на спине, сосредоточенно грыз травинку.

— Послезавтра дядя в город едет, — сообщил он.

— Ну и что?

— Нам можно будет пойти.

— Куда?

Спросил и сразу вспомнил. На курган, конечно.

Я подумал о кладбище рядом с курганом. Хоть бы там не было кладбища!.. Я представил себе: ночь, темнотища, ветер шевелит кусты. А мы вдвоем с Сашкой. И привидение... Какое оно? Как скелет, наверное. И череп с пустыми глазницами.

Ерунда! Нет никаких привидений!

— Череп с пустыми глазницами, — спокойно сказал Сашка.

Вот когда я по-настоящему испугался. Он прочитал мои мысли!

— Откуда... Откуда ты знаешь? — пролепетал я.

— Вон, — он кивнул в сторону траншей.

Возле одной из ям стоял Боря и держал в руках череп. Вокруг него толпились студенты. Шел громкий спор.

— Айда!

Я вскочил, побежал, Сашка за мной.

Боря наткнулся на не совсем обычное погребение. У выкопанного им скелета не было ног. Все на месте, а ног нет. Куда же они подевались?

Все сошлись на том, что человек потерял их еще при жизни. Один Боря не соглашался. Не спорил, даже говорить ничего не стал, но по тому, как он молча взял лопату, надел перчатки и стал снова капать, было ясно видно, что он не согласен и надеется еще доказать что-то свое.

Слава весело подмигнул нам:

— Боря решил, что ногам надоело лежать, они встали и пошли прогуляться.

— Он правильно делает. — Дядя Володя смотрел на Борю с уважением. — Самое легкое объяснение не всегда самое верное. Наука любит сюрпризы.

Все стояли и, пошучивая, ждали, что у Бори получится. Он выкладывал одну лопату за другой, ворошил руками землю. Нет ног! Ничего нет!

Наконец надоело смотреть. Разошлись по своим ямам. Боря все копал.

— Перекур! — объявил Слава; он был старший по раскопкам.

— Отдохни, Борька! — кричали девушки. — Успеешь, не уйдут ноги от тебя никуда.

— Я не устал.

Подоспело время обеда. Боря оставил свою яму с явным сожалением. Шел к лагерю и все оглядывался назад.

— Вот чудак! — мне было смешно.

— Увидишь, он найдет, — говорил Сашка.

— Ноги?

— Не знаю, ноги или еще что. Но найдет обязательно...

Боря и отдохнуть после обеда не стал, вернулся на раскопки. Мы пришли через два часа — он свою яму во все стороны разворотил и копает вглубь.

Дядя Володя к нему подошел:

— В самом деле, Боря, не хватит ли?

— Владимир Антонович, ну как вы не видите? Здесь же пятно! Вниз идет.

— Верно! И большое! — Дядя Володя присел на корточки. — Может, берлога была какого-нибудь крупного зверя?

— Вот я и хочу выяснить... — И через несколько минут произнес хрипло: — Кости!

— Ну и Боря! Ну и Боря! — заладил дядя Володя в восторге.

Опять все сбежались к яме.

Да, это были кости ног. Но только совсем другого человека. Рядом с ним не нашли ни одного горшка. Зато в могиле лежало другое: оружие, украшения всякие...

И большой золотой браслет.

Я увидел его первым:

— Какая-то щепка желтая.

— Нет, не щепка.

Дядя Володя расчистил щеточкой землю. Мы увидели браслет. Массивный, большой — ну что за ручки были у этого модника! А на концах браслета — головки зверей, не то львы, не то собаки.

— Так называемые львиные грифоны, — пояснил дядя Володя. — Мифические чудовища, излюбленный сюжет художников Передней и Средней Азии начала нашей эры. И не браслет это, а гривна. Ее носили не на руке, а на шее.

Могилу расчистили, сфотографировали. Стали осторожно извлекать находки. Тут были и кинжал, и стрелы. Но все мы, конечно, толпились возле гривны.

— Такая же, как у нас в музее, — сказал Слава, разглядывая ее. — Видите, Владимир Антонович?

— Да, очень похожа, — подтвердил дядя Володя. — То же время, да и мастер, вероятно, один. Только та из бронзы. Она была вся зеленая, когда мы ее извлекли из земли.

— Странно! У одного пропали ноги. У другого оказалась гривна совсем иного, гораздо более позднего времени. Как все объяснить? Что за загадки? — недоумевал Слава.

Дядя Володя сказал:

— Теперь уже ясно, никаких загадок. Здесь, на древнем кладбище, даже не зная о его существовании, на две тысячи лет позднее похоронили какого-то знатного воина-кочевника. Скорее всего, он был убит где-нибудь поблизости, в бою, неудачном для его соплеменников. Хоронили спешно, ночью, и сами не заметили, как разрыли другую могилу, более старую. Вот так и лишился тот древний скелет своих ног... Молодец, Боря! Мы бы ничего не нашли, если бы не его настойчивость.

Я поискал Борю глазами: он уже разделявал пятно на другом конце траншеи.

Золотую гривну дядя Володя уложил в свою старенькую полевую сумку — она у него еще с фронта.

— А ну, сюда, молодежь, — подзвал он нас с Сашкой. — Вам обоим дается секретное поручение.

Я сразу догадался, что, дядя Володя шутит, а вот у Сашки засветились глаза — он уже, как всегда, успел сочинить в уме целое приключение.

— Пойдете к директору совхоза, скажете, я просил его заглянуть на раскопки. Только... — Он приложил палец к губам и понизил голос. — Понятно? Никому ни слова о золотой гривне.

— Это тайна, да? — спросил Сашка шепотом. — Кто-то охотится за ней?

— Еще как охотится! — дядя Володя отвечал тоже шепотом. — Среди нас бродит секретный агент, заброшенный прямо из космоса, и если только он проведает о гривне, я не знаю, что тогда будет.

— А я знаю, — сразу оживился Сашка. — Он сообщит Пра-Тонгу.

— Это кто такой? — заинтересовался дядя Володя.

Я не мог больше выдержать. На моих глазах завязывалась интересная игра.

— Я же вам говорил! — упрекнул я дядю Володю. — Вы просто забыли. Пра-Тонг — это прадедушка Тонга...

— Ага! Теперь припоминаю. А сам Тонг, кажется, капитан разведывательного космического корабля...

— ...из антимира! — восторженно закончил Сашка.

— Все ясно! Выполняйте приказ!

— Есть выполнять приказ! — крикнули мы оба и понеслись наперегонки в контору совхоза.

— Туда нельзя, — загородила дорогу к директору уже знакомая мне секретарша с косичками. — Там совещание.

— Сашка, вперед! — скомандовал я. — Она врет, знаю я ее совещания.

Мы пробились сквозь вражеский заслон и лихо ворвались в кабинет.

На этот раз у директора в самом деле шло совещание. В комнате была уйма народу.

— Что случилось? — строго спросил директор.

Все смотрели на нас. Мы растерянно топтались у двери.

— Ну!

— Дядя Володя велел, чтобы вы пришли, — пролепетал я.

Почему-то все развеселились, заулыбались. Наверное, им здорово надоело сидеть на своем совещании.

— Раз дядя Володя велел... — Директор тоже улыбнулся. — А что там, нашли что-нибудь?

Я кивнул.

— Опять горшки?

Я отрицательно потряс головой,

— Золото?

Только я хотел сказать «да», как вспомнил: нельзя!

— Что молчишь?

Мне на выручку пришел Сашка:

— Он не может оказать.

— Почему?

— Не может — и все! Вот если бы, например, вам доверили тайну...

Директор не рассердился. Надел очки, посмотрел на нас внимательно, словно проверял, врем мы или нет. Решил, вероятно, что нет, не врем, и похвалил даже:

— Сразу видно: умеют мужики держать язык на привязи... Что ж, товарищи, делаем перерыв и идем все вместе смотреть их тайну.

Так получилось, что мы привели на раскопки человек пятьдесят, не меньше, потому что по дороге к нам еще присоединились рабочие из ремонтных мастерских и продавцы сельмага. Не мы их позвали — директор.

Самый большой успех имела, конечно, золотая гривна.

Ее передавали из рук в руки, рассматривали, некоторые даже пробовали на зуб. Сашка, пользуясь тем, что дядя Володя был занят с директором, давал популярные разъяснения по поводу находок и нагородил целый ворох небылиц. По его рассказам выходило, что золотую гривну носил какой-то особый человек, не похожий ни на кого из живших в то время на земле. Он не говорил прямо, но очень прозрачно намекал, что это был пришелец из космоса. Сашку слушали внимательно, не перебивая, лишь один дяденька спросил, вежливо:

— Где вы обо всем этом прочитали?

Сашку на «вы»! Я прыснул и отвернулся моментально.

— Пока еще нигде не написано, — услышал я уверенный Сашкин ответ. — Но скоро напишут.

— Сочинено стояще, — одобрил дяденька.

Со всех сторон к месту раскопок стали стекаться люди. Пришли счетные работники совхоза во главе с бухгалтером. Шли матери, несли на руках оружие свертки. Шли старушки. Останавливали машины и бежали к нам, завидев скопление народа, шоферы.

Дяде Володе надоело то и дело вытаскивать гривну. Он отдал нам с Сашкой полевую сумку:

— Показывайте! Не теряйте только!

И полез в траншею к студентам. А мы, счастливые, стали показывать гривну всем желающим. Сашкина сказка обрастала все новыми и новыми подробностями, и я уже сам начинал верить, что гривну обронил звездный человек.

— Вот посмотрите на этого зверя, — предлагал Сашка интересующимся. — На кого он похож?

— Вроде, волк, — неуверенно отвечал проезжий шофер, явно боясь попасть впросак.

— А уши?

— Ушей, верно, нет.

— Ага! — торжествовал Сашка. — А где вы видели волка без ушей? И глаза у него совсем не волчьи. Видите, какие огромные? Потому что это не волк никакой, а крылатое чудовище совсем с другой планеты.

— С какой? — робко спрашивал шофер.

— Пока неизвестно. Надо еще произвести химический анализ. Но откуда-то из туманности Андромеды, — уверенно отвечал Сашка.

— Точно! — подтвердил шофер. — Книга есть такая: «Туманность Андромеды». Они там в такие места залетали — во сне не приснится.

Старушки тянули к гривне тощие шеи и боязливо крестились. А одна, уже знакомая нам, та, которая обещала прийти на помощь вместе со своим дядей, торжествовала:

— Ага! Что я говорила? Земля тут у нас хорошая, куда ни ткни — кругом золото. Вот приду как-нибудь, накопаю вам целое лукошко.

— Так вы же обещали в воскресенье, бабуся.

— В воскресенье мне нельзя, в воскресенье нам с Фенькой в Большие Катки за обновой ехать. Этот покупаем... как его?.. Ну, который на стекле кино показывает. Может, и про вас покажет, как вы эту золотую штуку нашли...

Примчал и Савелий Кузьмич на своем мотоцикле. Обстоятельно рассмотрел находку, подбросил ее на ладони:

— Знатная штучка! Грамм семьсот потянет, так — нет?

— В вашей траншее нашли, Савелий Кузьмич.

— Значит, гони мне половину, — шутил он.

Народ тянулся до самого вечера, некоторые приходили по два раза, приводили знакомых, друзей, и уже сами давали объяснения, расширяя и дополняя Сашкину космическую теорию.

Студенты стали собираться домой. Мы с Сашкой аккуратненько уложили гривну в сумку, и я сказал дяде Володе:

— Мы ее, понесем, да?

Он посмотрел сердито:

— Нет. — И взял у меня сумку.

Я оторопел: всегда такой добрый!

— Почему?

— Я вас просил не говорить о золотой гривне, а вы все-таки сболтнули. И теперь о ней знает весь мир и весь антимир вместе с Пра-Тонгом. Просто невозможно было сегодня работать.

— Не мы! — воскликнул я. — Честное пионерское, дядя Володя. Мы как рыба об лед!

— А кто тогда? Может, Бип? Я видел, как он шептался возле столовой с кривоногой дворнягой.

— Скорее уж Бип, — сказал Сашка. — Директор как ни выпрашивал: что нашли? Золото? Золото? Золото?

— А вы что ему?

— Мы? «Вы можете вырвать у нас язык, но заставить нас выдать доверенную тайну — никогда!»

— Тогда ясно! — усмехнулся дядя Володя и снял сумку. — Натё, несите. Только осторожнее. И не открывайте по дороге.

Мы менялись каждые сто метров — ровно сто сорок шагов, мы сосчитали. Со всех сторон нас атаковали ребяташки и канючили на разные голоса:

— Дяденьки, покажите! Дяденьки, покажите.

Мы понимали, что дяденьки — это они нарочно, чтобы польстить нам и заставить выгащить гривну. Но все равно было приятно.

Боря, Миша и еще некоторые студенты свернули к речке: решили выкупаться перед ужином.

— Давай сумку! — сказал мне дядя Володя.

— Ой, не надо! — я отбежал от него на несколько шагов.

— Не смей с сумкой на, речку, слышишь!

— А я и так не пойду.

— Не хочешь купаться? — удивился дядя Володя. — Иди-ка сюда! — Он пощупал мой лоб. — Холодный... Странно! Ни разу не выкупаться в такую жару.

— Водобоязнь, — сказал Сашка. — Как у нашего бывшего Джека. Потом оказалось — бешенство.

— Р-р-р! — зарычал я и прыгнул к Сашке.

Он бежать. Я за ним. И когда случайно обернулся, то увидел, что дядя Володя стоит на том же месте, смотрит нам вслед и морщит лоб.

А вдруг он думает, у меня в самом деле бешенство? Я пошел шагом...

Возле кошары, там, где мы обычно начинали петь нашу песню-сигнал, стоял Савелий Кузьмич. Какой-то необычный, торжественный, в синем костюме, в новых ботинках. На их носках плавилось заходящее солнце.

— Милости прошу ко мне в дом. — Он церемонно поклонился дяде Володе. — Откушаем по чарочке в честь вашей драгоценной находки.

— Спасибо, как-нибудь в другой раз, Савелий Кузьмич. Я ведь с ребятами, неудобно.

— Всех приглашаю, окажите честь, — снова поклонился Савелий Кузьмич. — Супруги моей Анисьи Семеновны дома нет, уже два дня как в отъезде, но дорогих гостей сам попотчую. Не какая-нибудь косорыловка, не подумайте. Московскую имею про запас.

— Ой, что вы, — тоненько засмеялась Вера. — Мы же не пьем.

— Что верно, то верно, пить не пьем, а потреблять потребляем, — солидно, пробасил Слава.

— Вот... А для непьющих квасок холодненький найдется, прямо со льда. Пьешь, а внутри все холодит, так — нет? — прищурился Савелий Кузьмич.

— Ой! — взмолилась Вера. — Что вы делаете? Нельзя же так!

Мы с Сашкой радостно подталкивали друг друга. Водка нам ни к чему, водка для нас все равно как касторка. А вот холодный квас после такого жаркого дня — дело!

Дом у Савелия Кузьмича просторный. Но и народу нашего набилось нарядно. Сложили все имущество на кухне, сами прошли в горницу. Савелий Кузьмич забежал со стаканами, с кувшинами.

— Один да один, — сетовал он, накрывая на стол. — Нема у нас с жинкой деток... Ну, по маленькой за большие успехи, так — нет?

Они все выпили водки, а мы с Сашкой и Верой чокнулись квасом. Холодный, крепкий, шипит, как газировка. Я пил и пил до тех пор, пока живот не сделался круглым и твердым, словно как футбольный мяч.

Савелий Кузьмич налил по второй, хотел и по третьей, но дядя Володя прикрыл свой стакан рукой — хватит! Тогда хозяин сказал: «Нет, так нет!» — и пригласил нас посмотреть сад. Мы высыпали на улицу — в доме, стало жарко.

Савелий Кузьмич стал закрывать дверь дома на замок.

— Зачем? — сказал дядя Володя. — Мы же ненадолго, сейчас вернемся.

— Там все ваше лежит... Вот я пса спущу, тогда уж никто зайти не посмеет, так — нет?

Сад как сад, не знаю, почему Савелий Кузьмич им так восторгается. Ну, деревья растут, ну, кусты разные. А он ведет нас и все объясняет, объясняет. Вот смородина, да не простая, а какая-то там сверхособенная. Вот ранет, и тоже не простой, а золотисто-красный. Другое дело — были бы яблоки спелые на деревьях, или хотя бы ягоды. Тогда бы мы сами разобралась, что особенное, а что не очень. А так попробуй, пойми, когда они совсем зеленые.

Я все ждал, когда же он, наконец, кончит про свой сад. Тогда можно будет спросить его про привидения на Чертовом кургане. Именно при Сашке. Пусть послушает, ему будет полезно.

Наконец выдался момент. Савелий Кузьмич снял гусеницу с дерева, молча растоптал на дорожке. Я выпалил торопливо, пока он вновь не заговорил про сад:

— А правда, вы привидения видели?

Студенты сразу залились. Савелий Кузьмич тоже улыбнулся, только совсем невесело:

— Ну, ребята, хотите — верьте, хотите — нет, но было такое, дело. Может, кто нарочно подстроил, не знаю... Возле Чертова кургана,

черт бы его побрал. На что уж я человек с научным понятием, ни в бога, ни в дьявола не верю, а вот — видел.

— После рюмочки и не такое привидится, — пошутил Слава, и все испортил.

— Ну, тогда говори ты, а я помолчу, — сердито повернулся к нему Савелий Кузьмич.

И больше не стал рассказывать, сколько я его ни упрашивал.

На обратном пути в дом Вера остановилась у забора. За ним росли огромные яркие цветы.

— Гладиолусы! — захлопала она в ладоши. — Какая прелесть!

Сашка сказал с видом знатока:

— Сорт «Наполеон».

— Яскажуков цветочки, их расчудесный сад, — усмехнулся Савелий Кузьмич. — Вон его дядьки.

— Он любитель? — спросил дядя Володя.

— А он до всего любитель — Яскажук. Какой-то... — Савелий Кузьмич оглянулся на Сашку, не договорил. — Не как все люди, понятно? Вот цветочки, к примеру. Яскажук их луковицы не откуда-нибудь — с фронта привез. Другие в вещмешках что с войны везли? Вот я, к примеру. Жратву — тогда худо с продуктами было, барахлишко — дома все босые и голые, так — нет? А он — цветочки! Смехотища.

— А что — даже трогательно! — воскликнула Вера. — Солдат с фронта привез цветы. Прямо в стихи просится.

— Стихи! — Савелий Кузьмич нагнулся, выдернул с грядки какую-то травку, наступил на нее ботинком. — Он продать их думал, да никто не купил. Просчет у него вышел, вот, какие стихи! А потом фотографией занялся, и тоже просчет. Оштрафовали за незаконный промысел. У нас в селе фотографа нет, вот он, и пользовался. Куда людям деться! Несли ему гроши, так — нет?

— Неправда!

Я посмотрел на Сашку. Он побледнел, стиснул кулаки.

— Неправда! Дядя денег не брал!

— Кто знает: брал — не брал? — Я видел, как Савелий Кузьмич незаметно для Сашки подмигнул дяде Володе. — Я так, к примеру, у него не снимался, с меня ничего не брал. А за других, пусть другие

скажут, что мне? Вообще, человек он невезучий. За одно хватается, за другое, за третье. И все без толку, так — нет?

— Нет, с толком! — возразил Сашка непримиримо. — Вы просто не знаете!

Савелий, Кузьмич спорить не стал. Подозвал пса, увел снова в сарай, чтобы на нас не кидался. Мы зашли в дом, студенты взяли лопаты, я — сумку.

— Моя очередь, — сказал Сашка сердито; он еще не остыл после столкновения с Савелием Кузьмичом.

— Забыл, что ли? Я только сто шагов нес, сорок осталось.

Слава предложил:

— Толька, покажи Савелию Кузьмичу нашу золотую красавицу.

Я рад стараться:

— Пожалуйста! — и расстегивать сумку.

— Да я уж вроде видел, так — нет?

— То на раскопках. А теперь здесь, дома, посмотрите.

— Ну-ну...

Я открыл сумку, пошарил в ней. Потом сел прямо на пол и вытряхнул, все содержимое. Посыпались со стуком цветные карандаши, линейка...

— Что там у тебя? — встревожился дядя Володя.

Я не мог ответить. Сдавило горло.

Случилось совершенно непонятное. Золотой гривны не было в сумке.

Она исчезла.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

До сих пор, несмотря на свою рассеянность, я еще ничего не терял. Или, вернее, терял, но потери находились. И не всегда к моей радости. Потому что даже такие вещи, по которым я уж наверняка не стал бы лить слезы, с каким-то непонятным упорством возвращались ко мне вновь и вновь. Пропадут, например, огромные рыжие рукавицы, присланные в подарок бабушкой. Я вздохну свободно. Но не надолго. Уже на следующий день дворничиха или еще кто-нибудь тащит их со двора прямо в нашу квартиру. Нашлись, будь они неладны!

Или вот мой пенал, который занимал полпортфеля. Я его сделал сам, когда еще ходил во второй класс, и, к несчастью, он очень понравился маме. Над ним смеялась вся школа, его называли «пенальти», а я его ненавидел, как самого лютого врага. Но после каждой попытки избавиться от него за мной прибегали из школьного уголка находок:

— Иди, забирай свой пенальти, растяпушка...

Даже тетради для контрольных работ, которые по известным каждому школьнику причинам иногда приходилось прятать и о которых я, спрятав, тут же забывал, мама, к горю моему, обнаруживала то за тяжелыми томами энциклопедии в папином книжном шкафу, то в кладовке между всякими ненужными вещами.

И теперь, когда пропала золотая гривна, я все надеялся, что кто-нибудь, ну, хоть Слава, расхохочется и скажет:

— Вот, лежит же на земле, а он не видит, растяпушка!

Или Сашка признается:

— Возьми, я тут колданул чуть-чуть, и она сама в мой карман перелетела.

Он ведь такие штуки любит!

Дядя Володя тоже не терял надежду:

— Не взял ли кто-нибудь из тех ребят, кто купаться пошел? Ну, я покажу им, где раки зимуют!

Мы пошли в лагерь, вернее, не пошли, а бегом побежали.

А оттуда нам навстречу целая процессия. В ведра бьют, в кастрюли, грохот и шум на всю деревню. Намотали на головы

полотенца, в простыни закутались. Вообще смешно, если бы не золотая гривна.

— Ну, — говорит дядя Володя, — хватит шутки шутить. Выкладывайте гривну, кто взял. Считаю до трех. Раз, два, три!

А они не понимают, переглядываются недоуменно.

Ясно! Не брали!..

До самой полуночи, шарили мы с карманными фонариками по полю и по дороге, которой шли к Савелию Кузьмичу. Он тоже нам помогал, принес из дому две «летучие мыши».

Так ни с чем и вернулись в лагерь. Легли, даже есть не стали. Дядя Володя не давал мне уснуть, все курил и допытывался:

— Вспомни, кто брал в руки? Может, тебе не вернули?

— нет, мы с Сашкой уложили гривну в сумку. Перед тем, как с раскопок идти.

— Точно помнишь?

— Точно!

— А все-таки подумай еще.

Я думал, думал... Так сильно, думал, что даже не заметил, как уснул.

Проснулся, а уже утро. Дядя Володя щеки намылил, бреется.

— Пойдем опять искать?

Он говорит:

— Уже искали, пока ты спал. Как только солнышко встало. Ничего не нашли.

— Может, собаку милицейскую вызвать?

— Собаки в золоте не разбираются... А вот милиционер скоро придет. Вставай, сгоняй за Сашкой. Он тоже понадобится.

Я мигом сбегал к Яскажукам и вернулся вместе с Сашкой. Спрашиваю у студентов:

— Где дядя Володя?

Они руками машут: тише! И подсказывают на хозяйственную палатку. Значит, пришел уже милиционер. Сидит в палатке, разговаривает с дядей Володей. Потом туда, в палатку, начали одного за другим вызывать студентов.

Наконец, и наша с Сашкой очередь пришла. Встали у порога, поздоровались. Милиционер сидит у окошечка, планшет на коленях, пишет на нем; на погонах две звездочки. Значит, лейтенант.

— Ну, кто из вас видел гривну последний?

— Я, — сказал Сашка.

— Я, — сказал я.

Лейтенант сдвинул карандашом фуражку на затылок.

— Неясно. Кто же все-таки?

— Мы оба, — пояснил я. — Один держал сумку, другой гривну заталкивал — она плохо лезла из-за львиных грифонов.

— Из-за чего? — не понял он.

— Чудовища такие на концах. Из древних сказок.

— А-а... Ну, ты останься, — ткнул он карандашом Сашке в живот. — А ты пока отдыхай. Потом позову.

Но отдыхать я не мог, волновался очень. Шутка сказать: первый допрос в жизни. Все ходил вокруг палатки: вдруг услышу, о чем лейтенант Сашку спрашивает. Но ничего толком так и не услышал — они тихо говорили.

Сашка выскочил, мне головой кивает: заходи!

— Ну, как? — шепнул ему.

— Интересно! Имя, отчество спросил, год рождения. И еще написал: холост, — смеется Сашка. — Не веришь? Я сам видел.

Я стал лихорадочно вспоминать: а как же мое отчество? Папу Женей звать. Значит, я Евгеньевич. Анатолий Евгеньевич... Странно звучит. Вроде и не я совсем.

Но лейтенант почему-то спросил совсем о другом:

— Что можешь показать по данному делу?

— Ничего не могу показать, — испугался я. Он что, думает, я гривну спрятал? — Ничего у меня нет.

Он посмотрел на, меня, усмехнулся:

— Боишься? Не бойся! Не посажу.

— А я не боюсь. Несовершеннолетних не садят.

— Ну, это еще надо посмотреть... Рассказывай, как вы с ним, гривну несли.

Он слушал и что-то записывал. Потом ткнул карандашом в полевую сумку дяди Володи. Она лежала, как пес, у его ног.

— Возьми и покажи, как держал.

Я показал.

— А вот так не делали? — Он покрутил сумку в руке. — Или еще как-нибудь в этом роде?

— Нет.

— А твой друг говорит: да.

Я сразу вспотел.

— Может, я забыл. Или не видел, как он крутил.

— Забыл, не видел, — повторил лейтенант недовольно. — А вещь пропала. Знаешь, сколько она стоит? Век не рассчитаться... Пойдем.

Вышли из палатки. Он подозвал Сашку, снял со своей руки часы, уложил аккуратно в сумку.

— Круги! — И подал Сашке сумку.

— Я знаю, — сказал Сашка. — Это называется следственный эксперимент.

— Больно много знаешь, — проворчал лейтенант недовольно. — Давай, крути!

Сашка завертел сумку за ремень. От палаток к ним потянулись студенты.

Лейтенант сделал им знак отойти:

— Не мешайте следствию, граждане... Хватит! — остановил он Сашку.

Отобрал у него сумку и молча передал ее мне. Я стал крутить еще быстрее, чем Сашка. Сумка рисовала в воздухе большой стремительный круг.

— Обрадовался! Все им игрушки... Дай сюда!

Лейтенант открыл сумку. Часы лежали на месте. Он почмокал разочарованно губами, снова надел часы на руку.

— Не могла гривна вывалиться, товарищ лейтенант, — сказал Сашка. — Вот посмотрите, здесь сверху еще две пуговицы. Я их застегнул.

— Да, он застегнул, — подтвердил я.

— А тебя спрашивают? Кто тебя спрашивает? — милиционер морщился, словно грыз лимон. — Ой, народ! Ну дайте же спокойно подумать человеку!

Лейтенант скреб карандашом лоб, думал. Надумал что-то, подозвал дядю Володю. Мы с Сашкой наострили уши. Сейчас он скажет, кто украл гривну.

— Если мальчишки не врут, что не открывали сумку по дороге, то потерять золото они никак не могли.

— Я им верю, — сказал дядя, Володя. — Они не врут.

— Тогда остаются две возможности. Либо золота не было в сумке, когда они ее застегнули. Либо золото украли в доме.

— Кто же мог? Сам хозяин не отходил от меня ни на шаг, могу дать голову на отсечение. Чужой тоже никто не зашел — пес поднял бы лай, мы бы обязательно слышали. Студенты... Я им всем верю. Они и в прошлом году со мной ездили.

— Что ж, так и доложим начальнику районного отделения. Пусть сам решает со следствием.

— Как вы думаете, найдут гривну?

— Что вам сказать, товарищ ученый? — лейтенант сдвинул фуражку еще дальше; козырек теперь смотрел вверх. — Процент раскрываемости преступлений у нас большой.

— Но все-таки и нераскрытые есть?

— Милиция не часовая мастерская, — гарантии не даем. — Лейтенант почему-то злился. — Хотите с гарантией — найдите другую гривну. Самая лучшая гарантия.

Он козырнул и пошел, придерживая рукой болтавшийся планшет. Возле дороги его ждал крытый газик.

— Тоже, мне Шерлок Холмс! — Миша стоял рядом с дядей Володи, презрительно усмехаясь. — Я вам говорил, Владимир Антонович, сами мы лучше справимся. Поручите мне, а?

— А ты гарантию дашь? — влез Сашка.

И все испортил! Миша погнал нас:

— А ну, пацаны, марш отсюда! Взяли привычку вмешиваться во взрослые, разговоры.

Я посмотрел на дядю Володю. Он молчал.

Миша шагнул к нам:

— Ну!

Мы отбежали. Связываться с ним...

Студенты шатались по лагерю как сонные, все переживали пропажу. Дядя Володя собрал их и сказал строго:

— Хватят хандрить! Потерянное золото можно найти, потерянное время — никогда. Инцидент исчерпан. Идем на раскопки и продолжаем работать.

— Скоро обед будет, — заволновались дежурные.

— Хорошо, сразу после обеда.

Когда мы уже сидели за столом, неожиданно появилась директорская зеленая «Волга». Директор походил по лагерю, сунулся в одну палатку, в другую.

— Вот как вы, значит, устроились. Недурно, недурно. Кругом природа...

Я все ждал, когда он спросит о гривне. Но он о ней почему-то не заговаривал. Пригласили его пообедать. Не отказался. Съел, морщась, пустой перловый суп, поковырял ложкой в пюре из вчерашней вечерней картошки.

— Третьего сегодня нет, — виновато сказала дежурная повараха. — Сухофрукты вышли.

— Да, небогато живете, археологи.

— Болеем, товарищ директор! — Слава сокрушенно покачал головой.

— А что такое?

— Острый приступ безденежья.

Все рассмеялись. Дядя Володя пояснил сконфуженно:

— Вы же знаете, бухгалтерия. Нам дали с собой только аванс, когда еще денег пришлют — неизвестно. А продукты покупаем у частников, дороговато. Приходится экономить.

Директор поднялся из-за стола, поблагодарил за хлеб-соль, потом, уже направляясь к машине, остановился, вроде вспомнил:

— Я в совхозный магазин команду дам, пусть отпускают вам кое-что по нашим ценам. Молока пол-литра на брата, мяса, масла, яичек немного... За молоком сегодня можете приходить, его часов в пять привозят.

Сел и уехал.

Студенты сразу повеселели. И, как всегда, когда они веселеют, заспорили. На этот раз о директоре, что он за человек. Большинству он понравился: сердечный. Миша в пику всем утверждал: красивый жест и больше ничего.

Слава не упустил случая сцепиться с ним:

— Что-то от тебя я не видел таких красивых жестов! Даже бульонные кубики зажал — думаешь, не знаем?

— Они для больных, — оправдывался Миша.

— А для симулянтов? — поддевал Слава.

— У меня освобождение, понятно?..

Студенты ушли на раскопки, Сашка побежал домой. Я прилег поспать — вчера поздно лег и рано проснулся.

Меня разбудил Миша:

— Хватит дрыхнуть, со мной пойдешь.

— Куда?

— За молоком — слышал ведь? Понесешь ведро. Выбирай: туда или обратно?

— Туда!

— Умница! Сообразил. Двинули...

В магазине он стал любезничать с продавщицей. Я стоял рядом и нарочно гремел ведром. Но все равно он пролюбезничал, наверное, целых полчаса.

Пошли обратно. Миша морщился:

— Режет, проклятая!

— А ты смени руку, — посоветовал я.

— Нет, только этой.

— Почему?

— Не понимаешь? Для тренировки. Волю тренирую. Вот режет, а я несу. Сильнее режет, а я все равно несу. Подвиг начинается с мелочей. Кажется, ерунда — дотащить ведро до лагеря не меняя руки. А вот не сможешь!

— Думаешь, ты один способен на подвиг?

— Не знаю, не знаю, такие вещи проверяются не на словах.

Ох, как мне захотелось доказать ему, что и я готов к подвигу.

— А останавливаться можно?

— Пожалуйста, сколько угодно! Но руки не менять!

— Давай я!

Он не сразу отдал ведро. Еще поломался немного. Но все-таки отдал, а сам пошел рядом. Я тащил. Трудно было, и больно, но я тащил. Передохну минуту — и снова тащу.

— Ну как? спрашиваю его. — Могу?

— Пока идет дело. Но ведь до лагеря вон еще сколько. Потом он вдруг вспомнил:

— Ой, мне же еще на почту, а в шесть закрывают. Ты ведь сам справишься, да?

Он умчался, а я потащил ведро с молоком дальше. Уже полдороги, наверное, и все одной рукой.

Остановлюсь, передохну, помашу рукой, чтобы не затекала, — и дальше. Но тут...

На пути попалась кочка, я ее не заметил. Споткнулся и упал, опрокинул ведро. Молоко потекло белым ручьем в канаву, напугав многочисленную цыплячью семью, притаившуюся в густой траве. Цыплята сначала побежали с писком от молока, но скоро одумались и давай его пить, задирая кверху головы и поглядывая на меня с благодарностью.

А вот студенты на меня с благодарностью не посмотрят. Столько судили-рядили, что делать с молоком: варить ли кофе, пустить ли на пшеничную кашу, выпить ли так.

И вот я одним махом, решил все их споры.

Ручья не стало. Сухая земля жадно впитала молоко. Цыплята ходили вокруг меня и попискивали: понравилось, еще просят. Я поднял пустое ведро, допил с досады остаток и, поплелся.

Не в лагерь. К Сашке. Заявиться в лагерь с пустым ведром я не мог.

Сашка сидел за кухонным столом, писал что-то.

Я поставил ведро в угол, заглянул через Сашкино плечо:

— Каракули какие!

— Не каракули, а особый способ письма. Бустрофедон называется. А по-гречески значит: на манер бычьих поворотов. Доходишь до конца строчки и новую начинаешь тут же, в обратную сторону. Вот, посмотри.

Я едва разобрал:

**Ты не думай, что я бездельничаю
оидтомоп элоу эдра в
воду ношу из колодца, подметаю дома
ртэт нли тнлэв но ддтож**

— Так ведь труднее.

— Надо привыкнуть. А читать с зеркальцем.

— Кто тебя научил?

— Дядя Коля. Он много всякого такого знает...

Он стал, писать дальше, а я сидел на скамье напротив и смотрел с завистью. Можно было бы и мне так попробовать, бустрофедоном, но писать некому. Мама говорила, приедут на место, пришлют мне письмо. Неужели еще не приехали?

Купаются там в море, лежат на песочке, загорают — что им? Они даже не знают, как я здесь живу. Может, забыли совсем. Даже Катька больше не сочиняет про меня свои нескладухи.

Недавно, весной, папа вернулся из командировки в Москву, привез нам подарки. Катька сочинила такую нескладуху:

Меня папа очень любит,
Привез мне в подарок ботинки
А Тольку он любит не очень,
Ему только полуботинки.

Я разъярился, носился за Катькой по всему двору... А теперь бы я нисколько не обиделся, даже послушал бы охотно. Катька пищит, тоненько-тоненько, и приплясывает в такт. Забавно!

Им хорошо. Они втроем, а я здесь один. Им весело, ничего они, ну, совсем ничего не знают... И что гривна золотая потерялась, и что молоко я пролил. И что плохо мне теперь — как к студентам идти?

Должно быть, я вздохнул громко — Сашка поднял голову.

— Ты что?

Я взял и с горя все ему выложил. И про молоко, и про Мишину подначку. Он удивился:

— А Миша ведь здесь был. Вот только перед тобой.

Теперь удивился я:

— У тебя?

— У дядя Коли. Пошептались и ушли вместе, куда-то. Дядя Коля в город собирается, вечерним поездом. Может, Миша купить что просил — он же у вас хозяйственник. Мыло, гвозди — не знаю... А с молоком не горюй. Что-нибудь сделаем.

Он слазил в подвал, достал запотевшую крынку, вылил молоко в мое ведро:

— Так! Два литра есть. Восемь осталось;

Из-под печки вытащил большой бидон.

— Сиди, жди!

И бежать.

— Куда? — крикнул я в окно.

Он, не оборачиваясь, махнул рукой:

— По соседям...

Когда мы с Сашкой приволокли молоко в лагерь, там уже были объявлены розыски. Миша накинулся на меня чуть ли не с кулаками:

— Ты что с нашим молоком по деревне носишься? Сказано было — в лагерь!

— А ты почему врал, что на почту? — пошел я в контратаку.

И Миша, на удивление, стусевался. Покосился на Сашку, проворчал что-то невнятное и утащил ведро с молоком к поварам. Я сам не ожидал такой легкой победы.

После ужина дядя Володя собрался на шоссе, голосовать. Ему нужно было в районный центр, на междугородний телефон.

— Не жди, ложись спать, — сказал он мне. — Я, вероятно, заночую там в гостинице...

— Я в кино схожу с Сашкой. Можно? Сегодня «Три мушкетера».

— Давай...

Мы проводили его до шоссе, обождали, пока он сел в проходившую мимо машину, и бегом к клубу.

Лента старая, то и, дело рвалась. В зале зажигали свет. Д'Артаньян не говорил, а отрывисто каркал, не ходил, а передвигался рывками. Вот он у двери. Вот уже на середине комнаты. Вот еще раз дернулся — и уже за окном. Мы веселились — едва не свалились со скамьи. А взрослые возмущались. Ногами топали, механику кричали: «Сапожник!» И чего, спрашивается, кричать, — так еще смешнее.

Из клуба мы выскочили мокрые, как будто купались в одежде...

— Это еще что! — говорил Сашка. — Если бы он пустил фильм наоборот — вот была бы потеха. Лежит убитый. Подходит к нему д'Артаньян, тычет его шпагой, и убитый встает. В руки ему с земли летит шпага, он начинает драться с д'Артаньяном на дуэли. Подерутся и разойдутся задом в разные стороны... Или вот: человек садится за стол есть. И начинает выкладывать кушанья изо рта на тарелку. Оборжешься!

— Ты видел?

— Не обязательно видеть... И так можно себе представить. Понимаешь, все наоборот! Бросаешь камень — он летит тебе в руки. Пишешь контрольную — снимаешь пером с бумаги строчку за строчкой... Эх, был бы у меня знакомый киномеханик, мы бы с ним покрутили.

Сашка остановился, прислушался. Вся деревня уже спала, было тихо-тихо. Только откуда-то издалека доносились едва слышные звуки баяна. Наверное, у нас в лагере еще шли танцы.

Сашка повернулся ко мне:

— Пойдем, а?

— Сейчас?

— А что? Мой дядя уехал, твой тоже. Самый раз идти. Когда еще так случится?

— Ну, давай, — согласился я без особой радости.

Мы зашагали к кургану. С неба за нами следила луна. Я не поднимал головы, чтобы не видеть ее глазниц. Они напоминали что-то страшное, о чем сейчас не хотелось думать.

Неподалеку от кургана Сашка предложил:

— Посидим немножко.

Ага!.. Я вздохнул облегченно — как-то веселее, когда страшно не одному.

— Может, махнем лучше обратно?

— Да нет же! Просто посидим до полуночи, — а потом пойдем. Привидения раньше не появляются. Даже стихи есть:

В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает барабанщик...

Я невольно скосил глаза в сторону кладбища. Но ничего не увидел. Между нами и кладбищем стоял Чертов курган. В лунном свете он, казался выше и круче.

Сашка улегся спиной на траву, я рядом. Небо, все в блестящих дырочках, стало совсем близким. Сколько до него? Метров двести, не больше. Ночью небо опускается низко-низко, а утром снова поднимается вверх.

— Хочешь стать космонавтом?

Я не сомневался: конечно, хочет! И спросил только для того, чтобы не думать о привидениях.

— Нет.

Это было так неожиданно, что я даже приподнялся на локтях. Шутит?

— Не хочешь? Космонавтом не хочешь?

— То есть, и космонавтом тоже, если понадобится. Даже не знаю, как тебе объяснить... Я хочу, чтобы люди вызывали меня, ну... я не знаю... как скорую помощь вызывают.

— Доктором?

— Да нет же!.. Доктором тоже, но не только... Ну, понимаешь, чтобы все, кому что-нибудь нужно, шли ко мне, и я бы помогал. У кого болеет сын — вылечил бы. Кому нужно электроплитку починить — починил бы. Кто с маршрута космического сбился — вывел бы опять на орбиту. У кого настроение плохое — я пришел бы и такую рожу соорудил, чтобы он ржал целый час...

Я попробовал себе представить такую рожу, даже сам сделал несколько гримас... Чудной он, все-таки, Сашка!

— А как тебя вызывать будут?

— Не знаю. По телефону. У скорой помощи ноль-три, а у меня ноль-семь.

— Ноль-семь — междугородная.

— Ну, ноль-десять, ноль-двадцать, неважно, какой-нибудь номер дадут. И вот звонят: «Приходи, Сашка, мы с бустрофедоном никак не разберемся». Я спрашиваю: «Кто это?» — «Только Кубарев». — «Адрес? Номер дома? Буду через двадцать минут. Ждите».

— А если я спрошу, чего ты не знаешь?

— Вот мне и надо все узнать.

Недалеко глухо залаяла собака. Наверное, Волк. Кто-то громко ругнулся, потом сразу, без перехода, запел: «Жил да был черный кот за угл-о-ом...» Пьяный!

— Выдумываешь ты все, Сашка! Нет такой профессии, чтобы всем помогать.

— Значит, будет, если нет. Космонавт — такой профессии тоже не было... Ну, полезли! Наверное, уже полночь.

У меня екнуло сердце. Один я не пошел бы на курган ни за что, на свете. Но со мной был Сашка, который хотел, чтобы люди вызывали его, как скорую помощь. С ним я пошел.

Опять Волк напугал меня у забора, как в прошлый раз. Но теперь я был даже рад. Пока он лаял, пока где-то вблизи раздавались живые звуки, было не так страшно.

У подножья кургана я схватил Сашку за рукав и прошептал хрипло:

— Хватит! Тут постоим.

— Нет. — Он говорил тоже, шепотом. — Здесь мы ничего не увидим.

И вот мы уже на вершине. Едва слышно шелестят листья на кустах. И больше ни звука. Хоть бы прополз запоздалый трактор. Хоть бы Волк снова залаял. Хоть бы пьяный запел, про черного кота.

Тишина...

И вдруг я увидел *их*. Не на кургане, внизу, ближе к дому тети Поли. Сначала мне показалось, это клочья тумана. Я стал смотреть мимо, на кладбище. И тут увидел, даже скорее почувствовал, что *они* шевельнулись. Перевел на *них* глаза, а *они* приобрели четкие человеческие очертания и плавно двинулись в нашу сторону.

Я заорал благим матом, скатился кубарем с кургана и бежал, бежал, пока не споткнулся и не рухнул в траву.

Кто-то хлопнул меня по спине. Я вздрогнул, хотя точно знал, что это Сашка.

— Ты что? Почему побежал?

— Я видел! Я их видел!

— Да не было там ничего.

— Нет, было! Было! Такие белые, прозрачные.

— Никаких привидений нет. — Сашка говорил так убежденно, словно никогда раньше не доказывал мне другого. — Совсем нет! Нигде!

— Нет, я видел!

Ни я, ни Сашка не услышали, как нас окликнули с дороги. Просто мы неожиданно увидели перед собой лейтенанта, того самого, который допрашивал нас утром. Он был в сапогах, в галифе, но без фуражки и кителя, в белой сорочке с закатанными рукавами.

Не знаю, как Сашка, а я обрадовался ему.

— Здравствуйте!

— Что разорались?.. Ого! Лагерники! Вас зачем сюда принесло?

— Так... Просто... Гуляли... — стали мучиться мы с Сашкой.

— Тоже мне гуляки! Людям спать не даете! Марш отсюда!.. Стойте! — остановил он нас, когда мы, обрадовавшись, что так дешево отделались, собрались дать деру. — Что вы тут кричали? Что видели?

— Привидения, — выпалил я.

— Ничего не видели, — сказал Сашка.

— Здорово сговорились, я смотрю, — усмехнулся лейтенант. — Кто в лес, кто по дрова.

Я сказал:

— Потому что я видел, а он нет.

— Покажи, где.

С ним было совсем не страшно, хотя он без пистолета, да и вообще, если верить рассказам про привидения, они и милиции не очень-то боятся.

— Вы разве здесь живете? — Опросил Сашка.

— Заночевал у знакомых, — нехотя буркнул он и полез на курган.

И я снова увидел *их*.

— Вот! Вот! Смотрите!

— Не ори — вижу, — ответил он спокойно.

Спустился вниз и двинулся прямо на *них*. Дошел, остановился, крикнул:

— Усольцева! Гражданка Усольцева!

— Знаешь что это? — весело сказал Сашка. — Белье на веревке болтается — вот что.

И тоже сбежал к лейтенанту, стоявшему у самого забора.

Тетя, Поля выскочила, уняла пса.

— Снимите белье! — приказал лейтенант.

— Надо, же высушить.

— И сушите себе в глубине двора, сколько влезет. Мало у вас места, что ли, надо обязательно здесь? Люди пугаются, слухи разные, распускают. Сколько вам раз и участковым и лично мною говорено!

— Да какие люди? Ребятишки разве по ночам озорничают, так им и поделом... Сниму, милый, сниму, не ругайся. Вот сейчас сбегаю за тазом и сниму.

Она ушла.

— Чтобы больше не шастать по ночам, — сказал лейтенант строго. — Взяли моду! — И неожиданно спросил — В лес по ягоды

часто ходите?

Мы переплянулись.

— Один раз ходили всем лагерем.

— А из деревенских ребят кто самый заядлый ягодник?

— Вон Митька Сулягин, например, — сказал Сашка.

— Рыжий?

— Ага.

— Еще?

— Больше не знаю.

— Ладно. — Лейтенант посмотрел на часы, скомандовал: — Марш по домам!

И сам же первый выполнил свою команду.

А мы еще остались. Посмотрели, как тетя Поля сняла с веревки привидения, поговорили. Она рассказала, что курган этот однажды уже копали. Давно, лет пятьдесят назад, она тогда еще совсем маленькой была. Какая-то болезнь появилась в селе, не то холера, не то черная оспа. И умерших решили похоронить дальше от домов, чтобы уберечься от заразы.

Здесь они и лежат, в кургане.

В лагере ни единого огонька. Тихо. Спят, меня не хватились. Я хотел прошмыгнуть к своей палатке, но вовремя заметил неподвижные силуэты. Остановился возле тополиного ствола, стал всматриваться.

Двое. Сидят у стола, друг напротив друга, и молчат. Вот один шевельнулся, в свете луны блеснуло плечо. Слава! А с ним Рита. Что им не спится?

Молчат. Сколько можно молчать? Шли бы лучше спать, если говорить не о чем. А то сами не спят и мне не дают. В палатку одна дорога — мимо них. Слава обязательно остановит и спросит, откуда так поздно. Попробуй, объясни, что ходил на курган смотреть привидения. Завтра весь лагерь умрет от смеха.

Скрипнула скамейка. Сейчас Слава встанет, скажет: «Я пошел дрыхнуть. Спокойной ночи, приятного сна, желаю вам видеть осла да козла!»

Но он сказал другое:

— Что ты все молчишь?

Рита ответила не сразу.

— Так. Смотрю. Звезды.

Слава хмыкнул:

— Очень тебя интересуют звезды!

— Почему нет?

— Сделать из них модное ожерелье?

Рита промолчала.

— А из луны брошь, — продолжал Слава. — Знаешь, как красиво! Вот сюда приколешь — все наши девки лопнут от зависти. Луна-то всего одна, где им взять?

Я тихо смеялся. Здорово он ее! Она ведь и вправду модница. Вечером, после работы, как нарядится! Что ни день, то новое платье. А если старое — то с кофточкой или с платочком новым.

Рита поднялась и пошла. Слава бросился за ней:

— Куда ты? Постой!..

Не догнал. Она нырнула в палатку.

— Рита! Рита! Я же в шутку. — Славин шепот был мне отлично слышен. — Это не я, это мой длинный язык. Ну, хочешь, я его выдеру? Извини, Рита! Рита!

Она не отзывалась.

Я думал, теперь он обязательно пойдет спать. Что еще делать? Нет! Вернулся к столу, сел ко мне спиной, закурил.

Ну, это, кажется, надолго. Я снял кеды и, ступая на цыпочках, попробовал незаметно проскочить. Не удалось. Наступил на что-то, послышался негромкий треск. Слава моментально обернулся:

— Рита?

— Нет, не Рита. — Я вышел из-за дерева.

— А, ты...

Я сел рядом.

— Ты ее любишь?

— Отстань! — Слава, сосал свою папиросу.

— Нет, правда? Любишь?

— Катись отсюда колесом! Ну! — И замахнулся.

Я вскочил, отбежал на несколько шагов.

— Пожалуйста, можешь не говорить. Я и так знаю, что любишь.

И направился к своей палатке, раскачивая за шнурок кеды.

Не успел забраться в спальный мешок, как услышал шум автомобильного мотора. А еще минуту спустя появился дядя Володя.

— Спишь? — голос у него веселый.

Я сделал вид, что только проснулся:

— А? Что такое?

— Не пугайся... Привет тебе. От мамы, от папы. От Катьки тоже. Я с ними по телефону разговаривал. Здорово по тебе соскучились. Особенно Катька. Говорит, драться не с кем.

— Ну да! — Мне стало неловко: дядя Володя еще и в самом деле подумает, что Катька со мной дерется на равных. — Она знаете какая слабосильная? Мой портфель с книгами поднять не может, волочит по полу.

— Вот наберется сил у моря — тогда держись! — Дядя Володя вытащил пачку папирос, вышиб щелчком одну. — Все! Последняя!

Я рассмеялся.

— Не веришь? Смотри!

Он размахнулся и швырнул пачку в сторону канавы. Я слышал, как она, падая, прошуршала в кустах.

Мы улеглись. Я закрыл глаза. Но спать почему-то не хотелось. Поднялся ветерок, над нами зашумел тополь.

Неожиданно я услышал совершенно ясное и отчетливое:

— Пора спать...

Голос Риты.

Я удивился, развернулся вместе со спальным мешком. Расстегнул застежку у полога, посмотрел. Так и есть! Опять они. Сидят за столом, будто и не вставали. Слава молчит. Ну, правильно, он, же обещал выдрать себе язык.

— Что за слезка? — сказал дядя Володя сердито. — Перестань, нехорошо.

— Слава ее любит? — я опустил полог.

— Не знаю. Его спроси.

— Я уже спросил.

— И что?

— Он сказал: катись колесом!

Дядя Володя усмехнулся:

— Значит, любит.

— Чудак он все-таки! Что в ней? Молчит — и все, никогда не смеется. Лучше б уж Козлика полюбил. Такая веселая. И помоложе Риты года чуть ли не на два.

— Знаешь, дело такое, без выбора.

Я согласно кивнул: знаю. В книгах так часто бывает, и в кино тоже. Он ее любит, а она его нет. Она любит совсем другого, а этот другой ее не любит. Вот так все трое и мучаются. Ходят, страдают, и никто им не может помочь.

Теперь-то я знаю. А вот раньше, когда еще маленький был, не знал. Я полюбил одну девочку. За косички таскал в шутку, леденцы давал ей сосать. А она, понасосавшись моих леденцов; призналась, что нисколько меня не любит. Потому что я рыжий, а все рыжие плохие. Я взял и отлупил ее. Во-первых, я совсем не рыжий, а каштановый. Во-вторых, она должна была раньше сказать, до леденцов, а не хитрить. И разлюбил ее сразу, без всяких переживаний. Увижу — кулак ей показываю. Она даже меня бояться стала. Как встретит на улице, сразу бежать на другую сторону или во двор. Смешно!

Мне тогда казалось, что любовь — очень просто. Захотел — полюбил, захотел — разлюбил. Я ведь тогда не знал, что от любви, бывает, чахнут и даже умирают раньше времени, никакие лекарства не помогают.

У дяди Володи тоже была несчастная любовь. Он любил тетю Люду, сестру, моей мамы. А она взяла и вышла замуж совсем за другого. Мне об этом никто не рассказывал, даже, наоборот, скрывали, но я сам догадался. Вообще, взрослые очень наивные люди. Они думают, что мы не понимаем ничего. Не договорят, переглянутся: «Ясно?» и думают — перехитрили. А на самом деле им ясно, и нам тоже ясно. Даже Катюхе. Прихожу домой с катка, спрашиваю у нее: «Где мама с папой?» — «Ушли в кино». — «Откуда ты знаешь?» — «Мама сказала папе: пойдём к Константиновым. Она всегда так говорит, если в кино, не хочет меня неврировать»...

Я спросил:

— Дядя Володя, почему вы не женитесь?

Он откашлялся, словно хотел произнести большую речь. Но сказал только:

— Гм... Гм...

Вероятно, он не знал, с чего начать. Я обождал немного и решил ему помочь:

— Потому что вы больше никого не любили?

Он спросил:

— Больше? Что значит — больше?

— После тети Люды, — пояснил я.

Дядя Володя ничего не ответил, завозился и полез из палатки. Я тоже вылез вслед за ним:

— Дядя Володя! Вы не обиделись?

— Нет.

Он ползал на коленках по канаве, возил руками по земле. Я пошарил в кустах и подал ему пачку папирос.

— Вот. Вы ее сюда бросили.

— Спасибо. — Он торопливо закурил. — Ты теперь, наверное, меня презираешь?

— За что?

— За слабование.

— Что вы, дядя Володя, я же понимаю. Вы не от слабования. Вы от переживаний. Я затронул вашу душевную рану.

— Ишь ты! Начитался!

Я опустился рядом с ним на траву и прислонился к его плечу.

— Ох, Толюха! — Сидя на корточках, он пускал дым в небо. — Ну, что вы такой за народец! Ну, что вы такой за народ!

Я ответил:

— Обыкновенные люди. — Подумал и добавил: — Может, только чуть поменьше ростом.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Утром я, конечно, проспал. Слегка побрызгал водой лицо и побежал к столу, чтобы успеть хотя бы со второй очередью позавтракать. Первая уже ушла с дядей Володей на раскопки.

Не я один проспал. Нам уже чай налили, когда из палатки, щуря глаза, выполз Слава. Потянул носом воздух:

— Чем кормитесь?.. Ох, и голодный я! Целую ночь не ел!

И сел. Между Мишей и Ритой.

Миша хлебнул из кружки горячего чаю и сказал:

— Сон чудной мне сегодня приснился. Будто всю ночь двое прошептались, спать не давали. К чему бы, интересно?

Я стал громко смеяться. Он думает — сон!

Рита отодвинула от себя чай, встала и пошла к своей палатке. Слава вскочил — и за ней, погрозив мне на ходу кулаком. За что? Ведь я ничего не сказал, ни единого слова, только смеялся.

Миша стукнул меня по плечу:

— Так их, Толян! Подумаешь, Ромео и Джульетта двадцатого века! Развели тут трагедию в пяти актах, с прологом и эпилогом.

И только теперь я догадался, что про сон он нарочно, чтобы Славу подразнить. А я ему помог своим дурацки смехом.

Я рассердился очень. Сказал:

— Ты сам в нее влюблен, я знаю. Тебе завидно, вот ты и дразнишься.

Сразу сделалось тихо-тихо, словно за столом никого нет. Все перестали есть и пить, все смотрели на Мишу. А он покраснел, даже шея стала красная, процедил сквозь зубы:

— Этот номер тебе даром не пройдет.

Встал и тоже ушел, не допив чай.

Вера сказала негромко:

— Нельзя же так, Толя!

Но тут за меня вступился Борис:

— Нет, можно! Можно и даже нужно. Надо вещи называть своими именами. И давать надо по рукам за хамство. А то на наших глазах

пошляки всякие насмежаются над высокими чувствами, а мы молчим. Молодец, Толя!

Они стали спорить, педагогично это или не педагогично, когда называешь вещи своими именами. А я напряженно думал, как мне от Миши спастись. И от Славы тоже. Ведь и он кулак мне не зря показывал.

Наконец решил, что мудрее всего будет не попадаться им на глаза. Хотя бы временно. Пусть поостынут. И на раскопки ходить пока не следует. Лучше к Сашке...

Я нашел его в саду, под кустом черной смородины. Лежит на животе, руками голову подпер. Перед ним самодельный блокнот из разрезанных тетрадных листов.

Увидел меня, спросил сразу:

— Который час?

— Девять скоро. А что?

— Значит, в моем распоряжении еще час. Надо спешить.

— Куда?

— Через час ты меня больше не услышишь.

Вот с кем не поскучаешь! Всегда весело с ним.

— Улетишь на метле в космос? Или нет! Превратишься в невидимку и будешь бегать голым по деревне.

Сашка шутки не принял, холодно посмотрел на меня:

— Тогда бы я сказал: ты меня больше не увидишь. А я говорю: не услышишь.

— А, знаю! Ты меня заколдуешь, и я ничего не буду слышать.

— Нет. Просто перестану говорить с людьми.

Я вытаращил глаза.

— Почему?

— Научный эксперимент. Хочу выяснить, сколько времени человек может молчать.

И рассказал мне, как родился научный эксперимент. Вчера вечером тетя Маруся, чем-то расстроенная, накричала на него:

— Трещишь, трещишь без умолку. И часа не можешь помолчать.

Сашка тогда решил: что час! И объявил тете Марусе, что с завтрашнего утра вообще умолкает.

— Так и не разговариваешь? — спросил я.

— С ней — уже нет. А с тобой еще час — и тоже все.

— А как ты будешь объясняться? Кушать просить, деньги на кино. Ну, мало ли что еще человеку нужно.

— Вот. — Он показал на самодельный блокнот. — Видишь, я уже с ней разговаривал.

Я прочитал: «Доброе утро». «Дядя Коля когда приедет?» «Нет, говорить не буду». «Завтрак скоро?» «Опять яичница?» «Спасибо».

Дальше шла страница с цифрами, от единицы до десяти, потом страница с алфавитом, старательно выписанным, потом страница с отдельными словами: «Вперед». «Назад». «Налево». «Направо». «Быстро». «Медленно»...

— А это для чего?

— Тут у меня наиболее распространенные слова. Не надо будет их то и дело писать, просто покажу и все. Таким образом облегчатся мои сношения с внешним миром.

Сношения с внешним миром... Какие слова! У меня от зависти остро засосало под ложечкой. Так захотелось сноситься с внешним миром при помощи такого вот блокнотика.

— Знаешь что, Сашка! Я тоже.

— Нет, — сказал он строго.

Я опешил.

— Почему?

— Ты будешь писать, я буду писать — так очень долго переговариваться. Вот я закончу молчать, тогда пожалуйста. Уже будет накоплен некоторый опыт.

— Ладно, — согласился я без особой радости. — Только чтобы мне успеть к школе закончить. А то как уроки отвечать? Ведь если писать, сколько лишних ошибок понаделаешь.

— Тут уж я не знаю. Как выдержишь. Может, ты всего-то час промолчишь.

Я немножечко обиделся:

— Тебя-то во всяком случае перемолчу, вот увидишь! По улице, поднимая пыль, с криками неслись мальчишки. Что-то случилось. Сашка подбежал к забору.

— Что там, Митька?

— На шоссе бык москвича забодал.

Я сразу представил себе, что случилось. Приехал человек в Малые Катки прямо из Москвы. В гости, к родным. Одну только ночь

переспал, утром вышел погулять по деревне. Идет, а навстречу огромный бык. Пригнул голову, летит прямо на бедного москвича...

Прибежали мы — оказалось все не так. Бык забодал не человека, а машину. «Москвич-407». Красного цвета, с большим тюком сверху, на багажнике. Лежит на боку, в канаве, словно устал и прилег немного отдохнуть. Ничего не сломано, никто не пострадал. Только вот щиток радиатора немного помят.

Водитель «Москвича» и его жена, оба уже пожилые, стоят на дороге и ругают друг друга:

— Тореадор несчастный! Ведь говорила тебе, говорила: встань в сторону, пока стадо пройдет.

— Куда в сторону! В канаву, да?

— Хоть бы посигналил! Руки бы у тебя отсохли?

— Сигналить запрещено. Знак видела у въезда в деревню? Ничего не понимаешь, так помолчи.

Сашка сказал:

— Быкам сигналить нельзя. Они еще больше яреют.

— Вот видишь! — обрадовался мужчина.

А женщина накинулась на Сашку:

— Чего вмешиваешься, когда старшие разговаривают?

— Вы не разговариваете, а ругаетесь.

Водитель с женой опять стали спорить, что делать дальше. Она требовала, чтобы он бежал в деревню и достал бы из-под земли трактор, а он доказывал, что все трактора в поле, что надо выйти на шоссе, остановить большую грузовую машину и попросить шофера помочь.

Сашка толкнул меня локтем в бок.

— Айда к клубу!

Мы с ним и еще с несколькими мальчишками приволокли со двора клуба пять здоровенных жердин. Просунули их под машину. Водитель кружил вокруг нас, командовал бестолково:

— Сюда! Сюда! Нет, не сюда! Нет, не туда!..

А жена его, хваталась за жерди:

— Колеса сломаете! Стекла сломаете! Все сломаете! Мы облепили жерди со всех сторон, нажали. «Москвич» медленно, нехотя стал на колеса. Водитель сразу забрался в кабину, завел мотор, вывел машину из канавы на дорогу. Обежал рысцой вокруг «Москвича», увидел, что

ничего особенного с ним не случилось, только кузов в нескольких местах поцарапан, и совсем ошалел от радости:

— Ох, спасибо, ребята, ох, молодцы, ребята!

— Вы царапины сейчас не замазывайте, — поучал его Сашка. — На дороге пыль, она к краске пристанет, и останутся грязные пятна. Лучше на месте, в гараже.

Водитель смотрел на него с уважением, как на большого специалиста, и послушно кивал головой.

Потом, когда они уехали, Сашка спросил у меня:

— Как ты думаешь, уже есть десять?

Я сказал, что, да, конечно, даже уже больше.

— А что?

Он прикрыл ладонью рот: все, молчу. Научный эксперимент начался.

Мы сбегали к нему во двор, взяли блокнот, карандаш.

— Куда пойдем? — спросил я.

Он написал: «На раскопки».

— Ладно, двинули.

Я сначала посмотрел, есть ли там дядя Володя; его шляпу издали видеть. При нем они меня тронуть не посмеют.

Хорошо, что мы пошли. Возле траншей толпилось много народу. Видно, опять нашли что-то интересное.

— Бежим! — крикнул я и понесся вперед, забыв про своих врагов.

Слава выскочил откуда-то сзади — вероятно, ходил пить к колодцу. Когда я его заметил, было уже поздно, он отрезал меня от Сашки. Оставалось одно: вперед, под крыло дяди Володи.

Но Слава бежал быстрее. Он настиг меня раньше, чем я успел добежать до траншеи.

— Постой! — крикнул он.

Я отпрянул в сторону.

— Только попробуй! — жалко выпищалось у меня.

Он поднял руку, очки зло и остро сверкнули на солнце. Сейчас стукнет!

— Ну... Ну-у! — повторил Слава, и я понял, что он не драться хочет, а просто протягивает мне руку. — Давай лапу. Ты настоящий мужчина, мне все рассказали.

Подбежал Сашка, и мы все трое зашагали к траншее.

Вот тут Сашка, ручаюсь, горько пожалел, что начал молчать в такой неподходящий момент. Археологи нашли столько всего интересного. Одних железных наконечников стрел штук тридцать. И еще золотые серьги. И палаш. И кинжал. И бляшек серебряных много-много. Они раньше были прикреплены к ремню. Но ремень сгнил, а бляшки все остались.

Я засыпал дядю Володю вопросами: за себя и за Сашку. Видно было по глазам, как ему хочется спросить. Но не писать же при всех в блокноте. Смеяться будут!

— Вы говорили, что они бедно жили, ваши горшечники. А у них ого сколько всего!

— Это не у них, не у горшечников, — ответил дядя Володя. — Это гораздо более поздняя могила. Видишь? — В стороне лежало несколько полуистлевших кусков дерева. — Они ограждали могилу бревнами или горбылями, как в курганах бывает. Может быть даже, здесь был невысокий курган, а потом, с течением времени, он сравнялся с землей.

Сашка тронул меня за руку и показал глазами на расстеленную плащ-палатку, где лежало несколько одинаковых странных предметов. Продолговатые, зеленые...

— А там что такое, дядя Володя?

— Наконечники свистящих стрел. — Он поднял с плащ-палатки один. — Видите, ребята, как сделано? Расширяясь, наконечник образует внизу полый шарик. В стенках у него отверстия. Когда стрела летит, воздух проникает в отверстия и, раздается, свист.

— Зачем им были такие?

— Чтобы в бою указывать воинам важную цель. Или напугать врагов, их лошадей, вызвать замешательство, панику. Свистящие стрелы гунны изобрели, а они были хорошими воинами, знали, что делают.

— Можно, я гляну?

Только теперь, держа наконечник стрелы в руке, я вспомнил, что уже видел что-то похожее. Но где? В музее? Или в школе на уроке истории? Зоя Александровна иногда приносила к нам в класс разные старинные предметы.

Нет, совсем недавно...

— А! — воскликнул я. — У Савелия Кузьмича есть такой. Он им багажник мотоцикла отпирает.

Дядя Володя сказал:

— Ты, наверное, с напильником спутал.

— Да нет же! Точно такой. Трехгранный, зеленый, с таким же шариком внизу. Только чуть покороче. Без острия.

— Интересно! Надо будет взглянуть...

Студенты подносили к плащ-палатке все новые и новые вещи, «сущности», как они называли. Могила оказалась богатой. Даже перстни нашли с разными камнями: красными, зелеными, синими. Красные камни были вделаны и в рукоять кинжала.

— Оружие — и какие-то стекляшки! — Я склонился над новыми находками. — Даже смешно! И перстни. Как стилиаги.

— О, они были большие модники, — сказал дядя Володя. — Но камни носили не только для украшения.

— Я знаю! Камни шли вместо денег.

— Не в этом дело. Просто они приписывали камням разных цветов чудодейственные свойства. Красный цвет считался цветом доблести, силы, мужества, помогал в бою. Вот почему в древности красный камень часто прикрепляли к оружию.

— А зеленый?

— Зеленый был символом мира, юности, весны, надежды. А синий цвет считался отражением божественных сил — он ведь напоминает небо...

Стали собираться на обед. Дядя Володя сложил находки покрупнее в чемодан, а перстни и серьги опять в свою полевую сумку. Мы с Сашкой переглянулись и сразу поняли друг друга.

Нет, и думать нечего!

— А вы что? С пустыми руками хотите? Ну, лодыри, ну, лодыри! Так дело не пойдет. Несите!

Дядя Володя протянул нам сумку. И мы опять менялись через каждые сто сорок шагов.

На полпути, передавая сумку, Сашка сделал знак, чтобы я подождал. Вытащил блокнот, написал: «Он у тебя мировой дядька».

— Ага, — подтвердил я с гордостью.

«Я бы нам не дал», — написал Сашка.

— Я тоже. Вдруг мы опять потеряем?

Сашка сразу изменился в лице и настроил торопливо в блокноте: «Мы не теряли». Поставил в конце три восклицательных знака и посмотрел на меня сердито.

— Знаю. Но другие ведь могут подумать.

И уже до самого лагеря золотая гривна больше не выходила у меня из головы. Нет, интересно все-таки, куда она исчезла?

Сашка шел рядом и хмурился. Я точно знал, что он тоже думает о гривне.

— Пойдешь купаться — мыться-полоскаться? — спросил дядя Володя.

Он сегодня веселый: бухгалтерия наконец-то перевела деньги, и завхоз получил от него приказ закупить продукты и улучшить питание.

Обед уже кончился, и студенты разбрелись кто куда, больше, конечно, на речку. Лишь несколько человек лежали под деревьями с книгами в руках.

— Не пойду, — я отвернулся.

— Такая жарница! — не отступался дядя Володя. — Как в Африке! Знаешь, сколько градусов?

— Все равно. Не хочется.

— Ну, потом захочется.

— Не захочется.

— А водичка прозрачная, водичка прохладная.

Я посмотрел на дядю Володю. Улыбается. Уверен, что сумеет меня соблазнить.

— Все равно ничего не получится, дядя Володя!

— Может, поспорим?

— Спорим! — оживился я. — Давайте «американку».

— Как это?

— Если я выиграю, то потребую у вас что только захочу. И вы обязательно должны выполнить.

— Например, чтобы я на брюхе прополз, через весь лагерь?

— И так можно.

— Или чтобы прокукарекал раз пять или десять при всем честном народе?

— Тоже! — Я сразу представил, как он будет кукарекать, и хлопнул себя по коленкам от восторга. — Что, слабо, дядя Володя?

— Нет, не слабо!

Он протянул мне руку, и я сразу схватил ее, пока он не передумал.

— Нет, погоди!.. Слава! Вера! — позвал дядя Володя. — Идите сюда! Будете свидетелями. Заключается грандиознейшее пари всех веков и народов. Если наш молодой человек сегодня не влезет в речку...

— Силой не считается! — торопливо перебил я, разгадав его коварный замысел.

— Идет!.. Так вот, если он не влезет добровольно в речку, я должен ползать и кукарекать.

— Не обязательно. Может что-нибудь и другое. Воля победителя. Что захочу, то и сделаете.

— А если он влезет? — спросил Слава.

Дядя Володя скорчил свирепую гримасу.

— Тогда парадом команду я. И пусть смилостивятся над ним боги!

Но меня не, пугали его угрозы. Я ведь точно знал, что купаться не буду. Ни за что! Что бы там дядя Володя ни придумывал.

Слава разнял наши руки, и я сразу же стал соображать, что потребовать вечером у дяди Володи. Выиграть «американку» — редкое счастье, и воспользоваться им надо по-умному. Но что у него попросить? Вот если бы, скажем, дядя Володя был капитаном корабля, я бы потребовал назвать моим именем какой-нибудь необитаемый остров. Пришли бы мы осенью в класс, пораскрывали новые учебники географии, а там остров Анатолия Кубарева в Тихом океане. Или, на худой конец, где-нибудь возле Антарктики.

А что! Остров Кубарева — звучит!

Но дядя Володя не капитан, а археолог. Что он может назвать моим именем? Разве какой-нибудь курган... Но их по именам не называют. Только Чертов, Ведьмин... Хотя нет! Вот Мамаев курган! Так почему же нельзя Кубаревов курган? Конечно, не остров, но все какая-то собственная точка на карте!

— Кубарев Анатолий! Кто здесь у вас Кубарев? Я вскочил.

— А что?

Почтальонша на велосипеде. Снимает сумку, достает тетрадь.

— Телеграмма. Документ есть? Паспорт или что?

— Нет.

— Как же ты без документа живешь? Вот докажи теперь, что ты — это ты.

— Как доказать? — Я растерянно оглядываюсь по сторонам.

— Он Кубарев, он! — подтверждают студенты.

— Ладно, поверю еще раз людям! Распишись здесь. — Почтальонша наманикюренным ногтем отчеркивает, где мне нужно расписаться, подает карандаш. — Так. Получай!

И вот телеграмма у меня в руках. Торопливо срываю бумажку, которой она заклеена, разворачиваю.

«Малые Катки. Лагерь археологической экспедиции. Кубареву Анатолию. Можешь купаться присмотром дяди Володи. Не заплывай далеко берега. Целуем. Мама. Папа. Катюша».

— Ура! — закричал я. — Ура!

И сдергивая с себя сорочку, помчался к речке. Скорее в воду! В воду!

Вот уж я покупался! Вот уж отвел душу! Все они только головами качали, когда я прыгнул прямо с берега, когда поплыл вниз по течению, то ныряя, то снова выныривая. Никто не смог меня догнать, хотя пытались многие. Один лишь Слава еще держался позади какое-то время, а потом и он отстал.

Обратно я прибежал берегом — против течения плыть трудно, никаких сил не хватает.

— Ну как? Лучше топора?

— Здорово! — восхищенно сказал Слава. — Не отличишь от рыбы. Особенно, когда под водой.

Жаль только, здесь не было Сашки — он пошел домой обедать.

Я плавал, барахтался, возился в воде, пока не посинел весь и зубы у меня не стали выбивать барабанную дробь. Вылез из воды и бросился рядом с дядей Володей на горячий песочек.

— От-т-тдохну — и еще п-п-поплаваю, — сказал я.

Дядя Володя сдвинул на затылок свою драную шляпу, прищурил весело глаз:

— Плавай сколько влезет! Теперь можно. Пари все равно проиграл.

И тут только я вспомнил о нашей «американке».

— Ой, дядя Володя, вы знали о телеграмме! — догадался я. — Ну да, вы же говорили с ними по телефону. Даже, наверное, сами попросили, чтобы они дали телеграмму. А потом стали со мной спорить. Так нечестно, так не считается!

— Э, нет! Ничего не выйдет! Свидетели, ко мне! Слава и Вера, конечно, рады стараться. Ведь дядя Володя их начальник.

— Ты проиграл, Толик!

— Долг чести. Надо платить. Или стреляйся.

— Как — стреляться? — оторопел я.

Слава поднес палец к виску:

— Пиф-паф! Не можешь платить — стреляйся. Все аристократы так делали. Голубая кровь обязывает!

— У меня не голубая.

— Почему же ты такой синий?

Издевается еще!

— Ладно, — согласился я. — Только если ползать на брюхе и кукарекать, то здесь, а не в лагере или на раскопках.

— Не обязательно. Может и что-нибудь другое. Воля победителя, — ответил дядя Володя моими же словами.

— А вы злопамятный, дядя Володя.

Он торжествовал. Поднялся и, злорадно улыбаясь, стал описывать вокруг меня круги. Сначала широкие, потом все уже, все уже. Наконец перешагнул через меня длинными худыми ногами, протянул руку и произнес каким-то бармалейским голосом:

— Слушай мой приговор, о, обреченный! В телеграмме сказано, что ты можешь купаться только под присмотром дяди Володи. Так вот, трепещи, несчастный, плачь, рви на себе одежду, посыпай голову пеплом. Потому что не видать тебе моего присмотра, как своих ушей, о брошенный судьбой и родителями! Будешь ходить на речку сам, и с речки тоже сам, без всякого присмотра. Дикси^[2]!

Он скрестил руки и сурово сжал губы.

— Дядя Володя! — взвизгнул я и повис у него на шее...

Тут же, на берегу речки, стали играть в волейбол. Все играли: и студенты, и пацаны деревенские — наши лоцманы. Студенты били сильно, мяч то и дело вылетал из круга. Если он падал в кусты, за ним отправлялся хозяин — рыжий Митяй. Если в речку, то в воду бросался я.

Дядя Володя тоже играл. Ему говорили, чтобы он снял с руки часы, но он только отмахивался:

— Они у меня пыле-водо-мяченепроницаемые.

И напрасно отмахивался. Потому что сильный мяч все-таки попал прямо в часы и выбил стекло. Мы долго искали его в горячем песке. А когда, наконец, нашли, оно оказалось безнадежно сломанным.

Дядя Володя огорчился:

— Без часов мне никак.

Слава собрал вокруг себя пацанов:

— Кто в вашей деревне умеет чинить часы?

— Я покажу!.. Нет, я! — загалдели разом все наши лоцманы, и чуть не передрались.

— Эй, эй, цыпленки-петушишки! — разнял их Слава. — По какому вопросу драка? Пойдете все вместе. Веселее будет.

Я тоже пошел с ними и дядей Володей. Лоцманы привели нас к знакомому дому:

— Вот часовщик.

— Так здесь же Яскажук живете — удивился я.

— Он! Он и есть часовщик! — наперебой загалдели лоцманы.

В доме вкусно пахло горячей канифолью. Николай Сидорович припаивал к остову радиоприемника какие-то проводки. На столе в беспорядке лежали пальчиковые радиолампы, трансформатор, мотки красивой разноцветной проволоки. Она считалась в нашей школе большой ценностью: ребята научились плести из нее узорные перстни и даже кошельки.

— Мы к вам за помощью, — сказал, поздоровавшись, дядя Володя. — Не оторвали от дела?

— Да какое там дело! — Николай Сидорович поставил стулья, приглашая сесть. — Так, балуюсь в свободное время. Приемник конструирую. «Яскажук-один», — рассмеялся он.

— Когда же вы из города, Николай Сидорович? — Пусть видит дядя Володя, что я не чужой человек в этом доме. — Утренним поездом?

— Самолетом пришлось, — сказал Николай Сидорович. — В Большие Катки, оттуда на машине... Я смотрю, у вас с часиками беда, товарищ археолог.

— Да, — дядя Володя снял с руки часы. — Стекло пополам. Не сможете помочь?

— Не знаю, погляжу. Я ведь не часовщик, так, любитель. — Он склонился над часами с лупой. — В окошечке сегодняшнее число, надо полагать? Интересно, первый раз такие часики вижу.

— Новый выпуск.

Николай Сидорович осторожно сдвинул ладонью радиодетали, принес из соседней комнаты ящик с инструментами.

— Знаешь, что Сашка придумал? — спросил он меня, раскладывая на столе какие-то щипчики, ножички, отвертки.

— Знаю, — кивнул я. — Говорить перестал.

— Ходит как немой. Вобьет себе что в башку, ничем не выколотишь. Упрямый!

Николай Сидорович улыбался, и можно было подумать, что ему по душе Сашкино упрямство.

— Где он сейчас? — спросил я.

— В саду.

Я нашел Сашку все под тем же его любимым смородиновым кустом.

— А мы купались, — сразу сообщил я самую важную новость. — Ух, и здорово! Ты что не пришел? Поплавали бы наперегонки.

Сашка вытащил блокнот и написал: «С теткой ссорился».

— Чего так?

«Обедать не давала. Хотела заставить говорить».

— Шел бы к нам. У нас всегда первое остается. А второе я тебе бы от своего отделил.

«Потом все равно накормила. Она долго не злится».

— А дядя приехал — ругался?

«Хуже».

— Побил?

«Дурак! Он не дерется».

Сашка полистал блокнот, нашел нужное и дал мне прочитать. На листке было написано крупным угловатым почерком: «Ты со мной не говоришь, и я с тобой не буду».

— Он написал?

Сашка кивнул.

— И не, говорит? Тоже пишет?

Сашка пожал плечами: не знаю еще, как будет. Он выглядел немножко растерянным.

Мы посидели недолго под кустом, потом пошли смотреть, как Николай Сидорович часы чинит. Но все уже было готово — он нашел у себя в ящичке подходящее стеклышко. Чуть подточил край и вставил.

— Можно механизм посмотреть? — попросил он у дяди Володи. — Я еще такого не видел, с числами.

— Разумеется.

Николай Сидорович быстро отвинтил заднюю крышку.

— А вот — эти два колесика. Хорошая придумка! — Он снова закрыл крышку. — Все! Носите на здоровье... Нет, нет! Напрасно вы! — остановил он дядю Володю, видя, что тот полез за кошельком. — Я денег не беру.

— Спасибо, спасибо! — Дядя Володя смутился, даже слегка покраснел.

А Николай Сидорович тоже хорош! Денег не берет, а шоферу рублевку совал. Как всем нам тогда было неловко перед тем парнем с челочкой и щербатыми зубами!

Дядя Володя встал, прошелся по комнате, начал рассматривать снимки на стенах. Некоторые были даже цветные. Мне казалось, он делает это, чтобы справиться со смущением. А может, и правда заинтересовался.

— Сами делали?

— Сам. Давно только уже.

— Часы, фото, радиоприемники... Много у вас интересов.

— Еще гладиолусы, — напомнил я.

— Интерес у меня один: попробовать новое дело, пока не получится. — Николай Сидорович складывал инструмент в ящик. — День пробую, месяц, год, два. А как начинает прилично получаться — за другое берусь. Всю жизнь так.

Чем только не занимался... Даже гипнозом, — усмехнулся он. — Давно, еще на действительной службе. Книжку одну прочитал и сам стал пробовать.

— Получилось?

— Как вам сказать! — Николай Сидорович улыбался. — Вообще-то загипнотизировал. Дружков моих, вместе в армию пошли. И ногами они дрыгали, и головами качали, и танцевали — все, что я

прикажу. А стал будить — не могу! Никак их из транса не выведу. Перепугался до смерти, за врачом в санчасть побежал. С полпути вернули.

— Проснулись?

— А они и не думали спать. Просто сговорились ребята, подшутили надо мной. Я стараюсь, глаза таращу, приказываю, а они чуть не лопаются...

Мы с дядей Володей насмеялись вволю. А Сашка стоял рядом с застывшим серьезным лицом, в животе у него булькало. Он тоже, как те солдаты, давил в себе смех — ему ведь громко нельзя.

— А правда вас однажды оштрафовали?

Дядя Володя укоризненно покачал головой; я и сам знаю, об этом не полагается спрашивать. Но я не из любопытства, честное слово! Мне просто хотелось, чтобы Николай Сидорович фыркнул и сказал: враки!

Но он не фыркнул. Наоборот, подтвердил серьезно:

— Правда.

И стал рассказывать".

— Тоже случай забавный. Я после войны фотографией увлекался, все село переснимал — у нас тут фотографа и по сей день нет, а тогда и в Больших Катках приличного не было. Поедешь, снимешься на паспорт и гадай: то ли ты, то ли дед Матвей с соседней улицы. Ну, люди ко мне идут. Раз самому интересно, да время свободное есть — почему отказать?.. И вот заявляется однажды мужик из Лобихи — село соседнее. Просит: «Окажи милость, сделай портрет моего бати. Умер старик, ни одной карточки после него не осталось, а тут, как на грех, пишут братья и сестры — их у меня двенадцать штук — все покойника-батю на портрете себе требуют. Совестно мне им отвечать, что ни разу при жизни так батю и не снял». Я ему говорю: «Ну как я тебе портрет с него сделаю? Посуди сам, человека же нет!» А он: «С меня делай. Я на него больно похож. Вот только бороду прилепить». Привязался — не отвязаться. Да и самому мне, правду сказать, попробовать тоже охота. Съездил в район, достал в доме культуры грим, бороду — обращаться я умею, до войны самым главным артистом в деревне был. И сделал! Отдал мужику карточки для всех его братьев и сестер. Довольный такой. «Вылитый батя, — говорит. — Даже не — верится, что я тут под бородой». Словом, все довольны,

все рады. И вдруг — на тебе! Участковый! Кто-то ему доложил, что я фальшивыми фотографиями занимаюсь. Штраф наложил, «Зоркий» мой конфисковал.

— Фу, нелепость какая! — возмутился дядя Володя.

— Нелепость — да вот пока я обратно фотоаппарат высудил, много воды утекло. Другим увлекся, электротехникой. Ко мне уже не за фотокарточками шли — плитки стали тащить, утюги.

Дядя Володя спросил:

— А археологией никогда не интересовались?

— Разве только мальчишкой. Помню, все курганы излазили, даже рыть один собирались. Да так и не собрались.

— Какой курган? — спросил я.

— У кладбища который.

— Чертов курган!

— Так ведь там холерные могилы!

— Кто тебе оказал?

— Старуха рядом, живет.

— Полина? Значит, запомнявала она, времени немало прошло. Нет там никаких холерных могил.

Сашка ткнул меня незаметно. Глаза у него сузились, заблестели, и я сразу понял: рождается очередная великая идея. У меня мурашки забегали по коже. Потому что я понял и другое: Сашкина новая идея имеет прямое отношение к Чертову кургану.

— А вы точно помните? — спросил я торопливо, надеясь в глубине души, что он скажет «нет».

— Еще бы не точно! Такое событие не забудешь, хотя я был тогда совсем пацаненок. Только и разговору: холера да холера. Правда, у нас не много умерло, всего человека четыре, стороной нас холера обошла. И, чтобы от греха подальше, всех умерших свезли на отдельное кладбище, у Хорошиловского лога, километров за двадцать отсюда...

Дядя Володя стал собираться.

Сашка написал торопливо в блокноте: «Останься». И я покорно остался.

Сашка был весь переполнен мыслями, торопился их поскорее изложить, и поэтому писал быстро, неразборчиво. Я путался в его каракулях, не мог ничего понять. Сашка злился, перечеркивал все, начинал писать снова, также неразборчиво.

Слова «надо рыть» он написал печатными буквами и дважды подчеркнул.

— Когда? — спросил я с трепетом.

«Сегодня ночью».

Я содрогнулся.

— Почему обязательно ночью? Давай лучше днем.

«Увидят. Прогонят».

— Понимаешь, сегодня никак не могу. Нужно помочь Рите и Славе клеить разбитые горшки, — нашел я отговорку.

На это последовало решительное: «Тогда завтра».

Я был рад, что выгадал хотя бы сутки. В душе я надеялся, что завтра возникнут новые обстоятельства, которые помешают нам копать Чертов курган.

Мы поговорили о разных пустяках — где взять лопаты, лом? — и я пошел.

Если бы любой другой курган, я бы не задумывался ни на секунду. Разве мне не хочется открыть могилу гуннского вождя? Или обнаружить золотой клад? Или сделать какое-нибудь выдающееся научное открытие?

Но Чертов курган... Чертов курган...

Сердце холодело, и проваливалось куда-то в живот, когда я представлял себя ночью с лопатой на поросшей кустарником вершине. И в то же время я знал: все равно придется идти.

Сзади вдруг взревел мотор. Я испуганно отпрянул в сторону. Савелий Кузьмич, довольно улыбаясь, притормозил мотоцикл рядом со мной.

— Что, сынок, душа в пятки, так — нет?

— Ни в какие не в пятки!

— Рассказывай! Лицо пятнами пошло!

— Это от солнца. У меня загар такой... Савелий Кузьмич, — вспомнил я, — у вас наконечник стрелы с собой? Ну, которым вы багажник открываете. Покажите, а?

— Багажник? — он смотрел на меня недоумевая. — А, костяшка та зеленая. Разве она от стрелы?

Я выложил все, что знал про свистящие стрелы гуннов. Савелий Кузьмич выслушал внимательно, потом полез под сиденье мотоцикла.

— Скажи пожалуйста! — Он задумчиво подбрасывал на ладони костяной наконечник. — Дикари, а вот придумали такое. Как немцы с бочкой пустой из-под бензина. Кинут ее с самолета, а там дырка, и она орет по-страшному.

— Где вы нашли?

— А? Этот, что ли?.. Да там, где все остальное. На речке, на Стремянке. Все отдал, а эту вот штуку оставил. Надо же что-то иметь для памяти, так — нет? Потом утерял ключ от багажника — и ее приспособил. Верхушку отбил, как раз пришлось.

— Можно, я дяде Володе отнесу?

— А чем я багажник отпирать буду? Хотя ладно, напильник трехгранный приспособлю. На, держи, жертвую для пользы научных дел... погоди! — Он, почему-то передумав, отдернул руку, в которой держал наконечник стрелы. — Сначала ко мне дамой сходим, медком угощу.

Мы завели мотоцикл во двор. Из сада огромными прыжками примчался пес и зарычал на меня грозно. Я испуганно жался к колесу мотоцикла.

— Не трусь, — сказал Савелий Кузьмич. — Со мной не тронет. Вот если я скажу ему «фас» — тогда прыгнет. О, видишь, как насторожился! Понятливый, гад, — сказал он ласково и потрепал пса по шее.

Поставили мотоцикл в сарай.

— Знаешь, откуда я сейчас? — Савелий Кузьмич стряхивал веником пыль с сапог. — Не угадаешь, так — нет? В район, в милицию заезжал. Насчет той золотой штуки, что, пропала... На, обмети туфельки. В доме чисто, заругается тетка Анисья.

Я ударил веником по своим кедам; они так запылились, что даже цвет потеряли.

— Они что-нибудь узнали?

— Говорят: напали на след, — усмехнулся Савелий Кузьмич. — В милиции всегда так. Напали на след. Идут по следу. Обложили со всех сторон. Пусто — ушел!

— Нет, они ловят, — возразил я. — Вот у нас в доме квартиру одну ограбили. Их никого не было, приехала машина и все увезла. А через месяц хозяину вернули два костюма и телевизор. Я сам вносить

помогал. Ох, видели бы вы, как их бабушка обрадовалась! Говорит, я без телевизора, как без рук.

— Бывает, — не стал спорить Савелий Кузьмич. — Ну, хватит тебе пыль поднимать.

Он прошел в сени, громко топая сапогами.

— Мать! Где ты, мать? Выходи, принимай гостя.

Из комнаты на кухню бесшумно выплыла толстая женщина в сарафане до пят. Она приветливо улыбалась. Но только увидела меня — улыбка сразу сошла с лица.

— Ой, Савва, а я и вправду думала.

— Владимира Антоновича, главного ученого, племянничек, — Савелий Кузьмич подтолкнул меня к ней. — Иди, поздоровайся с теткой Анисьей.

— Здравствуйте.

Она снова расплылась в улыбке, и я сразу почувствовал себя важной птицей, потому что такие улыбки кому попало не даются. Конечно, если подходить строго, то никакой я не племянник дяди Володи, и об этом я уже сказал однажды Савелию Кузьмичу. Но раз он так упорно хочет считать меня его племянником — пусть считает. Зачем зря разочаровывать человека?

Меня усадили за стол, и моментально, словно постелили скатерть самобранку, на нем появилось множество вкусных вещей. Хозяйка принялись меня потчевать, как доброго молодца из сказки: Савелий Кузьмич с одной стороны, тетка Анисья — с другой. Сначала я робел, стеснялся, но они так радушно угощали, так им приятно было, когда я что-нибудь съедал, что мне ничего не оставалось, как взяться за дело серьезно и основательно. Я ел сладкие медовые коржики, грыз хрупкий хворост, уминал мои любимые конфеты с шоколадной начинкой. А в завершение этой неслыханной трапезы хозяйка поставила передо мной мед, светлый и прозрачный, как смола на свежем еловом срезе. Я слизывал его с ложки, запивал холодным, только что из погреба молоком, и думал, что не зря Савелий Кузьмич так настойчиво зазывал меня на мед, а я, глупый, крутил, вилял, отказывался всячески. И еще я думал, что неплохо было бы и студентов наших угостить хоть раз таким великолепным блюдом. А то все каша да суп — надоело уже.

Наконец я отвалился от миски с медом.

— Ешь еще, ешь! — подбодрил Савелий Кузьмич. — Вкусно, так — нет?

Я признался:

— Не лезет больше.

— А ты молочком его загоняй, молочком.

Тетка Анисья посочувствовала:

— И так уж сколько всего съел парнишка. Гляди, пузо как барабан. Еще лопнет.

Я рассмеялся:

— Что вы, не лопнет! Мне чуть передохнуть — и еще столько же войдет.

Она, чтобы не вводить меня в соблазн, убрала со стола мед.

— Дорого такой мед стоит, Савелий Кузьмич?

— Купить хочешь? — у него от глаз побежали веселые морщины.

— Не для себя. Для всех наших.

Тетка Анисья переглянулась с Савелием Кузьмичом:

— А ты пришли их ко мне, дорого не возьму.

— Вот уж жадничать, торговать! — недовольно нахмурился он. — Налей банку двухлитровую, пусть сынок с собой возьмет. Скажешь, от Савелия Кузьмича угощение, так — нет?

Тетке Анисье не понравилось. Улыбка пропала, глаза забегали.

— Так там ведь что осталось, Саввушка, — начала она тоненьким голоском.

— Налей, сказано!

И она, больше не говоря ни слова, поплыла во двор.

— Сирота она, нелегко жилось, понять ее надо. — Савелию Кузьмичу, видно, было неловко передо мной. — А так она не, жадная, гостям завсегда рада.

Я решил его успокоить.

— Ничего, Савелий Кузьмич, у нас дома тоже так. Папа купит для нас с Катькой конфеты, а мама прячет и выдает по одной, по две штуки. Но мы все равно потом находим. Мама жалуется папе, он нас ругает, а глаза веселые.

Он молчал, смотрел в окно и думал о чем-то другом. Я проследил за его взглядом. За забором, в своем саду, возился возле яблони Николай Сидорович.

— Его оштрафовали совсем за другое, — сказал я. — Помните, вы нам говорили?

И выложил, как было на самом деле с фальшивой фотокарточкой.

— Он же не из-за длинного рубля — просто помочь хотел человеку. А ему сразу штраф!

— Бог с ним! — Савелий Кузьмич протяжно зевнул; история соседа, видимо, его не очень интересовала. — Поднялся сегодня чуть свет, на сон меня тянет.

Я торопливо встал:

— Пойду!

— Обожди. Анисья меду принесет, тогда пойдешь. — Он ковырял спичкой в зубах. — Длинный рубль... И отчего только такое слово пошло? Не оттого ли, что длинно и трудно, ох и трудно его зарабатывать, так — нет?

— Что вы! Совсем наоборот! Длинный рубль — когда зарабатывают легко и быстро. Спекулянты например.

— А ты откуда знаешь, как они легко зарабатывают? Пробовал разве?

Я сразу начал потеть.

Савелий Кузьмич случайно попал в самую шляпку гвоздя. Был в моей биографии такой позорный эпизод. Однажды зимой в нашем магазине стали продавать дрожжи. Давали всего по две пачки, а до этого их долго не было. Сразу выстроилась большая очередь. Одна тетка, в валенках, в платке, заскочила во двор, собрала мальчишек и спросила:

— Кто хочет заработать на мороженое?

Никто не отказался. Тогда она велела нам бежать в магазин и занять очередь за дрожжами. Мы честно выстояли и получили от нее по пять копеек. Встали по второму разу, по третьему...

Я пробыл в магазине три часа, опоздал на обед, зато принес домой двадцать две копейки — три истратил на газ-воду: в магазине было жарко, очень пить захотелось. Я был горд и счастлив своим первым заработком. И страшно удивился, когда мама, узнав, как я его получил, вдруг рассердилась и потащила меня в магазин искать ту тетку. Конечно, мы ее не нашли. Мама наказала меня, оставила без сладкого и без телевизора. А поздно вечером вернулся о работы папа и разъяснил, что все мы стали пособниками спекулянтов.

Двадцать две копейки жгли мне руку, и я не знал, что с ними делать. Выбрасывать — жалко, такие большие деньги, а купить что-нибудь на них не позволяла совесть. Тогда я купил леденцов и подарил Катьке, а потом выпросил половину — ведь леденцы уже были ее.

Понятное дело, я не мог рассказать Савелию Кузьмичу эту историю — что бы он про меня подумал? Я молчал и потел.

Савелий Кузьмич ковырнул спичкой в последний раз, сунул обратно в коробок:

— Люди болтают, а ты повторяешь вслед, не подумав, так — нет? У всех трудная жизнь: и у волков и у зайцев. Никому ничего легко не дается, только если в денежную лотерею выиграть. Но такой выигрыш один на мильён, на него расчет плохой. Жалеть людей надо, жалеть, а не осуждать, если они за доброе дело деньги берут, В тайности или в явности — все равно.

Савелий Кузьмич опять смотрел через окно в соседский сад. Я вертелся на стуле юлой. Получалось так, что он выговаривает мне. Вроде я осуждаю Яскажука.

Вернулась тетка Анисья.

— Вот! — она поставила на скамью неполно налитую банку. — Все со дна соскребла. До самой до последней капельки.

— Будет! — оборвал ее Савелий Кузьмич. — Бери, сынок.

— А наконечник стрелы? — напомнил я.

— Ох, в сарае оставил. В другой раз придется, так — нет?

— Лучше сейчас. — Я топтался на пороге с липкой банкой в, руках.

— Так уж он тебе нужен — умрешь без него!

— Не мне — дяде Володе.

— Пойдем, что с тобой делать.

Он проводил меня от сарая к самой калитке и все держал наконечник в руке, не отдавал.

— Знаете что, я только покажу дяде Володе, и сразу принесу обратно, — великодушно предложил я.

— Ладно уж, можешь не приносить. — Савелий Кузьмич протянул мне наконечник.

— Спасибо! — Я припустил вдоль улицы.

— Не забудь сказать, что на Стремянке найден! — крикнул он мне вслед. — Четыре года тому.

— Скажу...

Щедрые дары Савелия Кузьмича произвели в лагере впечатление. Особенно мед.

— Живем, братва! — заплясал Слава, выхватив банку у меня из рук. — Позавчера огурцы, вчера молоко, сегодня — мед.

— Все на подачках, — мрачно сказал Боря. — А завхоз что закупил? Ведь теперь деньги есть.

Миша изрек важно:

— Ведутся переговоры.

— С кем? — недоверчиво спросил Боря.

— С постановщиками. И вообще, посторонних это не касается. Ешь мед да помалкивай!

А вот дядю Володю больше заинтересовал не мед, а наконечник стрелы. Он положил его рядом с найденными сегодня на раскопках и долго стоял в раздумье, сравнивая.

— Точно такой же! — ликовал я. — Смотрите, четыре отверстия и сделаны так же.

— На Стремянке, говоришь?

— Это не я, это он говорит.

— На Стремянке... Гм!

— Опять загадка истории? — спросил я.

— Пожалуй, из другой области, — отозвался он не совсем понятно.

От ужина я отказался — глаза мои не смотрели ни на картофельное пюре, ни даже на мед.

Только все поднялись из-за стола, и дежурные принялись за мытье посуды, прибежал Сашка.

— Эх! — воскликнул я с сожалением. — Если бы на пять минут раньше, я бы тебе свою порцию меда отдал. А так ее на всех разделили.

Он нетерпеливо шевельнул плечом: нужен мне твой мед, есть дела поважнее!

Я сказал дяде Володе, что пойду с Сашкой на речку.

— Ну и нырнешь с таким каменным пузом.

— Мы только посидим на бережку.

— Ой, боюсь! — Он смотрел на меня с сомнением.

— Дядя Володя, вы мне доверяете?

— Как себе самому.

— Тогда я пойду.

— Если поставлен ребром вопрос о доверии, то иди...

Мы отошли от лагеря, и тут Сашка меня удивил:

— На речку не пойдем, — объявил он нормальным человеческим голосом.

Я даже споткнулся от неожиданности.

— Ты... ты заговорил? А как же эксперимент?

— Отложим на день.

— Почему вдруг? — Я совсем забыл о предстоящем походе на Чертов курган.

— А как мы с тобой завтра ночью объясняться будем? Темно ведь, ничего не напишешь и не читаешь.

— А сейчас куда мы?

— На рекогносцировку.

Это слово я знал из книг о войне. Командиры, прежде чем начать бой, обследовали местность, посылали разведку. Вот и мы с Сашкой теперь как перед боем. Здорово!

Сашка сбегал домой, принес какой-то сверток.

— Что там?

— Угощение.

— Кому?

— Одному другу тут, — уклонился он от ответа и почему-то улыбнулся.

Я понял. Для меня припас что-то вкусное. Есть мне совершенно не хотелось, даже если бы в свертке была моя любимая подсолнечная халва. Но, чтобы не обидеть Сашку, я решил: если халва — съем. Соберусь с силами и съем.

Мне не пришлось собираться с силами. Угощение предназначалось вовсе не для меня.

— Внимание! — поднял руку Сашка. — На горизонте замок злой волшебницы Полины. Сейчас в бой против нас вступит семиглавый огнедышащий дракон.

Волк кидался на забор с таким остервенением, что вполне мог сойти за дракона, не хватало только еще шести голов. Сашка остановился напротив него и развернул сверток.

Там оказалось сырое мясо, нарезанное маленькими кусочками.

Первый кусок угодил прямо в раскрытую огнедышащую пасть. Волк поперхнулся, сплотнул и ошалело уставился на нас. Сашка бросил ему еще, еще...

Через минуту Волк, умильно улыбаясь и скуля, выпрашивал лакомые кусочки. Злая волшебница лишилась своего преданного слуги.

— Теперь кидай ты, — Сашка передал мне влажный сверток.

Волк и меня сразу признал за своего — ему лишь бы мясо было.

— Хватит! — сказал Сашка. — На обратном пути снова покидаем. Надо, чтобы он, как нас нюхом почует, сразу про угощение вспоминал.

Укрощенный Волк, преданно помахивая хвостом, проводил нас до конца забора и долго стоял там, смотрел в нашу сторону с печалью и надеждой.

Красное неяркое солнце, похожее на огромный воздушный шар, опускалось на неровный гребень ельника далеко на горизонте. Вот сейчас какая-нибудь из зубчатых вершин проткнет тонкую оболочку — и туго надутый шар лопнет с треском. Но он не лопался, а мягко садился все ниже и ниже.

На кургане было совсем не страшно. Весело трещали кузнечики. В кустах, забавляясь собственным хвостом, вертелся черный, в белых пятнах котенок. Даже кладбище неподалеку выглядело очень мирно. Между могильными холмиками носились босоногие малявки — в догонялки играли.

И чего, спрашивается, я боялся!

Я вдохнул воздух полной грудью, рассмеялся над своими страхами.

— Чего веселишься? — Сашка посмотрел на меня строго, ткнул землю каблуком. — Видишь, какая твердая? Самим нам ни за что не справиться. Надо еще кого-нибудь. Может, рыжего Митяя позвать?

— Ой, разболтает!

— Мажет, и разболтает. Начнет хвастаться перед пацанами. Ну, а из студентов ваших никого нельзя?

Я сразу подумал о Славе. Его бы можно, но он ведь обязательно Риту за собой потащит.

Козлику сказать? Ну ее! С девчонками связываться! Да и толку от нее — слабенькая.

— Если только Бориса.

Сашке моя кандидатура понравилась.

— Не откажется?

— Попытка не пытка.

— Главное, чтобы не разболтал. Скажет еще дяде Володе. Тогда все пропало.

— А пусть сначала даст честное слово.

— Ну, хорошо, — согласился Сашка. — Значит, на тебе две лопаты и дипломатические переговоры с Борей. На мне одна лопата, мясо для Волка, карманный фонарик и веревка. Да, еще лом.

— А веревка зачем?

— А как спускаться?

— Вниз? Гуда?

Тотчас же сработало мое воображение. Я увидел себя висящим на веревке в могильном мраке внутри кургана.

Уже смеркалось. Иначе Сашка обязательно бы заметил, как я содрогнулся.

И сколько я потом, на обратной дороге домой, лежа в палатке возле похрапывающего дяди Володи, ни старался отделаться от этой мысли — никак не удавалось.

Вишу на веревке в черной пустоте — и все!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Я висел на веревке, не решаясь спрыгнуть. Мне казалось, подо мной бездонная яма.

Веревка дернулась. Это Сашка. Торопит меня. Ему хорошо, он наверху.

Я зажмурил глаза и отпустил руки. Не висеть ведь так вечно. Будь что будет!

Приземление оказалось неожиданно мягким, словно земля подо мной спружинила. Сверху полился свет — Сашка включил свой фонарик. Удивительное дело: простой китайский фонарик, а сколько света. Как будто вверху горела электрическая лампа в пятьсот свечей.

И сразу я увидел горшки. Много горшков! Они были выстроены по росту, как выстраиваемся мы на уроке физкультуры. Впереди стоял огромный горшок, величиной с добрый бочонок. За ним шел горшок поменьше. А на самом конце ряда, у стены, притулился совсем игрушечный горшочек, не больше яйца. И все целенькие, аккуратные, с красивыми рисунками на пузатых боках. Вот дядя Володя обрадуется!

Сверху крикнули громко:

— Толька!

Сашка — кто еще! Что ему потребовалось?

— Толька!

И веревку дергает зачем-то.

— Толька! Толька!

Свет мощной электролампы ударил мне в глаза.

Я проснулся.

В палатку через откинутый полог прямой наводкой били солнечные лучи. Сашка, стоя на четвереньках, тербил мой спальный мешок.

— Ну, вставай же, Толька! Вставай!

Я сунул ноги в кеды и, не зашнуровав их, выскочил наружу как был: в трусах и майке. Сашка потащил меня в кусты, подальше от палаток. Кругом было еще тихо, лишь наверху, в тополях,

беспрерывно трещали, как моторчики авиамоделей, маленькие серые птички — это у них песни такие трескучие.

— Который час? — Я потянулся и зевнул.

— Седьмой... — Слушай, Толька, я видел золотую гривну.

— Правда? — обрадовался я. — А я горшки. Штук, наверное, двадцать или даже больше. Только хотел сосчитать, а ты разбудил...

— Сашка не слушал. Какой-то он странный сегодня. Вроде напуганный. По сторонам озирается, словно кто-то может к нам подкрасться.

— Ты что, серьезно, насчет гривны?

Он кивнул.

— Где?

— У дяди Коли.

Мои глаза вылупились сами собой.

— Вчера поздно вечером, — продолжал Сашка. — Полез в ящик стола за отверткой — смотрю: гривна! Я обрадовался и к дяде Коле: «Где ты нашел?» А он рассердился, закричал, что нечего по ящикам шириться, что в ящике не та гривна, а совсем другая. И вообще, чтобы я держал язык за зубами, а то он меня живо домой отправит.

— Мажет, в самом деле не та?

— Что я, нашу гривну не знаю? И блестит, и грифоны на концах... Слушай дальше! Утром, всего час назад, наверное, заявляется ваш Миша. Я притворился, что сплю. Дядя ему гривну отдал и говорит тихо: «Сашка мой видел. Как бы не разболтал». А Миша: «Ничего, не успеет». Понял?

Мне казалось, я еще сплю и вижу сон. Такая новость, такая новость! Ну, Миша — допустим. Хотя тоже не очень верится. Но Николай Сидорович? Он вор? Или сообщник?

Мы с Сашкой быстро договорились, как действовать. Пока никому ничего не говорить — раз. За Мишей устанавливаем непрерывное наблюдение — два. Как только выясним, где он прячет гривну, немедленно хватаем ее — и к дяде Володе.

Лагерь уже проснулся. Среди других голосов я различил громкий веселый голос Миши и успокоился: он еще здесь, никуда не смотался, ничего не подозревает. Уйдет на раскопки — я с ним, а Сашка тем временем обшарит его палатку.

Но все наши планы рухнули.

За завтраком Миша сказал дяде Володе:

— Поеду сегодня в Большие Катки, Владимир Антонович, десятичасовым автобусом.

— Зачем?

— Надо кое-что из продуктов купить. Здесь, в сельмаге, сухофруктов, например, нет хороших, какао.

— Давно пора!

Мы с Сашкой переглянулись. Все понятно! Миша хочет увезти золотую гривну в Большие Катки. А там куда?

Опять побежали в кусты, на совет. Сашка настаивал, чтобы и нам поехать. Попроситься на попутную и ждать в Больших Катках на автобусной остановке. Увидим Мишу — и за ним, за ним, пока все до конца не выясним.

Я колебался.

— Может, лучше все-таки сказать дяде Володе? Он вызовет милицию, и Мишу арестуют.

— Много ты понимаешь! Важно выяснить, кому он хочет ее передать. И поймать с поличным. С гривной в кармане.

Долго уговаривать меня не пришлось. Двинули с Сашкой напрямик через поле к совхозной столовой. Туда часто подъезжают машины с шоссе.

Разговор у нас не клеился. Сашка шел хмурый, кусал губы. Я знал, о чем он думает.

— Да брось ты расстраиваться! Ничего с ним не будет.

— Посадят, — вздохнул он.

— Все равно выпустят. Вон у Леньки Симонова из нашего, класса в прошлом году не то что дядю — отца арестовали. Подержали неделю и выпустили. Ленька всю неделю пролодырничал, даже в школу не ходил.

— Почему выпустили?

— Не виноват он ни в чем. Настоящие воры наговорили. Он им тащить мешал.

— Вот! Не виноват! А я гривну у дяди сам видел, собственными глазами, — сказал Сашка грустно. — Как ты считаешь, сколько ему дадут?

— Месяц. Два, самое большее. — Мне хотелось Сашку утешить.

— Не думай, мне его не жалко, — стал он меня уверять; но я же все равно видел, что это неправда, что ему жалко, и еще как. — Вот нистолечки не жалко! Раз он... — Сашка хотел сказать «вор», но не смог, запнулся, — раз он так, пусть его посадят. Мне только тетю Марусю жалко. Знаешь, как скучно одной? Особенно, когда зима. Пожалуй, я с ней останусь жить.

Я предложил сразу:

— Хочешь, я буду к тебе приезжать на каникулы? Накоплю денег на билет и приеду.

Сашка благодарно посмотрел на меня:

— Зимой здесь хорошо. Бегай себе по степи на лыжах... Вот только волки.

— Разве есть?

— Зимой иногда попадают.

Я подумал немного и сказал:

— Еще, может, быть, его и не посадят вовсе. Он не очень виноват. Его Миша запутал, ясно! Он кого угодно запутает... Или выпустят на поруки в крайнем случае...

Нам повезло. Возле столовой стояла грузовичка нашего знакомого шофера. Сам он, мурлыча свою вечную «И тебе, и мне — хорошо», накачивал спущенный скат. Нас он сразу узнал, обрадовался даже:

— Слетайте за водой, хлопцы. Пить охота — помираю! Мы принесли ему холодной воды из колодца, покачали немного скат, пока он пил. А когда, поставив колесо на место, шофер стал заводить мотор, попросили:

— Довезите, пожалуйста, до Больших Катков.

— Что вы, хлопцы, да мне совсем в другую сторону. Вот вечером обратно поеду — тогда с вашим удовольствием.

Но не могли же мы ждать до вечера!

Шофер подбросил нас до шоссе. Там стали голосовать. В Большие Катки шло совсем мало машин, все больше оттуда.

Одна машина, правда, остановилась, но полная, сесть некуда. Водитель другой машины притормозил, проезжая мимо, крикнул сердито:

— Что, балуете? Что балуете? — И дальше.

Вероятно, он и представить себе не мог, что у таких пацанов, как мы, тоже бывают важные дела.

Зато третьей оказалась машина директора совхоза и за рулем он сам. Мы и мечтать не мечтали ехать в Большие Катки на, «Волге», на мягком заднем сиденье, даже руки не подняли. А вот директор взял да и остановился. Потирая свою бритую голову, спросил:

— Куда собрались?

Я ответил, чтобы не очень врать:

— Большие, Катки посмотреть.

— А обратно как?

— Автобусом. — Я показал ему рубль.

И он без слов взял нас с собой.

Мы смотрели, как несутся мимо телеграфные столбы, как позади остаются грузовые машины, которые нас не посадили, и тихо радовались, боясь лишний раз напомнить о себе — вдруг директор почему-то передумает и высадит на дорогу?

Он первый начал с нами разговаривать. Спросил Сашку:

— Ты чей? Что-то я тебя не знаю.

— Яскажука племянник, — ответил Сашка негромко, почти шепотом.

— Николая Сидоровича? О, у тебя дядька человек!

Сашка низко-низко наклонил голову.

— Ударник коммунистического труда! Первый по совхозу. — Директор смотрел не на нас — вперед, на дорогу. — Двадцать шесть рационализаторских предложений за один только год — шутка сказать!

Он стал рассказывать о разных добрых делах Яскажука, хвалил его очень. А нам обоим было неловко, мы боялись взглянуть друг на друга...

Большие, Катки появились сразу, за лесистым пригорком. Съехали под гору и очутились на сельской улице. Директор довез нас до базара:

— Дальше не по пути.

Мы помахали вслед «Волге», пока она не завернула за угол, и стали искать автобусную остановку. Смотрели вывески, спрашивали людей, боясь опоздать к прибытию автобуса. А остановка оказалась совсем рядом, возле киоска, где продавали мороженое.

Разменяли мой рубль, выпили газ-воды, сколько хотелось, съели по две порции мороженого. Потом устроились за газетной витриной на

другой стороне улицы.

— Наблюдательный пункт что надо! — говорил Сашка. — Все отсюда увидим.

От нечего делать я стал рассматривать газету за стеклом. По ней, старой, пожелтевшей от солнца, рывками ползала взад и вперед большая зеленая муха. Вдруг откуда ни возьмись воробей. Подлетел, стукнул клювом в стекло — и на провода. Сидит, головой крутит, наверное, никак не поймет, что случилось: прицелился точно, а мухи в клюве нет. Посидел, подумал и, снова спикировал на муху. И опять остался с носом.

Так воробей слетал с проводов и долбил по стеклу много раз — упрямый! Муха знай себе ползает за стеклом, воробей обиженно чирикает и сердито крутит головой, а я веселюсь так, что прохожие оглядываются.

Представление кончилось тем, что Сашка вспугнул воробья. Вскочил с тумбы, на которую присел, крикнул:

— Толька, внимание!

Маленький пузатый автобус был набит пассажирами под завязку. Целая толпа с мешками и корзинками потекла от него в сторону базара. Миша вышел последним — я уже потерял всякую надежду, решил, что он вообще не поехал. В новом костюме, в соломенной шляпе — ух ты! Топают себе по деревянному тротуару, голову поднял, по сторонам не смотрит. Да если бы и посмотрел, все равно ему нас не увидеть. Мы прятались за прохожими. Прилепимся к кому-нибудь сзади — и словно в шапке-невидимке.

Довели Мишку до магазина культтоваров и остались у двери, не решаясь зайти во внутрь.

— Он, наверное, за пленкой, — сказал я разочарованно.

— Да? — тотчас же возразил Сашка. — А если у него здесь сообщники и он хочет передать им гривну? Жди!

А сам шмыг в магазин, надежно укрывшись за бабкой с двумя внучатами на руках.

Минуту спустя Миша вышел из магазина. И Сашка вслед за ним появляется:

— Точно! Пленку купил. Для отвода глаз. Ух, и маскировочка! Такая маскировочка!

Куда теперь Миша подается?

В сторону базара — вот куда он пошел. И мы за ним, как будто на невидимой веревочке. Только бы не заметил!

На базаре, в крытом ряду, я увидел знакомую. Толстая, в платке. Тетка Анисья! Распевает:

— А ну, кому медку! Сладкий медок — подставляй роток! Сытно естся, крепко спится. А ну, кому медку, сладкого, пахучего!

Вот бы к ней подобраться! Там внизу, под прилавками, между досками такие щели — все видать.

Сашка понял меня с полуслова, закивал быстро-быстро в знак одобрения, и мы разделились. Он остался у повозок, возле выпряженных коней с унылыми мордами, нехотя жевавших солому. А я бочком, бочком — и юркнул в крытый ряд.

— Здравсте!

— Ой! — тетка Анисья вздрогнула. — Разве можно так пужать? У меня ж сердце!

— Медком своим торгуете? — произнес я противным заискивающим голоском.

— Кабы своим! — завертелась тетка Анисья. — Чужой. Теткин мед. Попросила старуха — как откажешь?

Подошла покупательница:

— Мед хороший?

— Сладкий, пахучий! — снова завела тетка Анисья. — Поедите, еще захотите. Вот у хлопчика спросите, он вчера целую банку один съел.

Покупательница взяла полкилограмма, ушла, бранясь, что дорого, что если бы не для больного ребенка, она бы ни за что не купила.

— Сегодня он что-то пожиже, мед, — заметил я.

— От солнца, милый, от солнца. Надо же, жарница такая. Печет да печет без роздыху.

И опять стала петь, зазывая покупателей.

Миша неожиданно возник совсем рядом, я едва успел нырнуть под прилавок. Что он делает? Остановил одного прохожего, другого. Что-то шепчет им, хлопает себя по пиджаку.

Вот старик какой-то в потертом пиджачке заинтересовался. Отошли в сторону от людского потока, еще ближе сюда, ко мне.

Миша сует руку в карман. Гривна! Золотая гривна! Я сам видел, как она сверкнула на солнце.

Я забыл про осторожность, про все на свете, выскочил из-под прилавка, заметался. Что делать? Ведь он ее сейчас продаст.

Нет! Не продал... Старик не купил, ушел, качая головой. Наверное, не сошлись в цене.

А Миша уже другого остановил, опять гривну показывает.

Тетка Анисья тоже увидела. Пухлую руку приложила козырьком ко лбу.

— Чем там парень торгует? Глянь-ка, милый, у тебя глаза повострее.

— Кажется, золото. Подкова золотая или что.

Она прямо вся задрожала:

— Постой здесь минутку, милый, покарауль товар. Я пойду гляну.

И поплыла к выходу из ряда.

Миша почти не таился. Расхаживает с гривной в руке, предлагает в открытую.

Вот они сошлись, Миша и тетка Анисья, совсем от меня близко. Я присел, смотрю в щель, слушаю во все уши.

— Что продаешь?

Миша встревожился, сразу гривну — раз! — и в карман.

— Ничего.

— Где ту штуку взял? — наступает на него тетка Анисья. — Говори, где взял?

— Да отстаньте вы! Ничего я не продаю.

— Что у меня, глаз нет? Где взял?

— Вот, привязалась! Сказано — нет у меня ничего.

И от нее. Смешался с толпой, исчез.

Я испугался. Вот тетка Анисья, все напортила! Хорошо, если Сашка его не упустит. А вдруг упустит? Пропала тогда золотая гривна. Эх, надо было сразу дяде Володе сказать!

Я стал шарить глазами по толпе. Ну, куда Миша подевался? Вот соломенная шляпа мелькнула. Не он... Еще одна. Нет, опять не он.

И все-таки увидел. Только не Мишу — Сашку. Он влез на повозку, обеими руками мне машет отчаянно: иди сюда, скорее, скорее!

— Погоди, милый, куда! — тетка Анисья схватила меня за рукав. — Обожди!

— Не могу. Нельзя. Некогда мне.

Я вырвался и бегом к Сашке.

— Ну что? Где он?

— Вон, в столовой сидит, обедает.

— Гривну не продал?

— Нет, при нем еще... Толька, беги скорей в милицию, скажи там все, а я пока его здесь покараулю!

— Умник! Иди сам в милицию!

Сашка сжал губы:

— Хорошо, пойду. Но если ты его проморгаешь...

— Нет, тогда уж лучше я. Где милиция?

— Рядом с культтоварами. Там еще их газик синий стоял — видел?

— А, знаю.

— Скорее, скорее, не тяни!..

Когда я бежал мимо крытого ряда, увидел: тетка Анисья увязала свои жбаны с медом, тоже куда-то собралась.

Может, и она в милицию?

За всю свою жизнь я был в милиции один-единственный раз. Не сам — нас собралось там таких ничего не нарушавших нарушителей десять или даже еще больше.

Все получилось из-за Димки Спешнева из соседнего подъезда. Вернее, не самого Димки, а его братишки Витьки, который тогда еще и шести месяцев на белом свете не прожил. Их мама заболела и ее срочно положили в больницу. А папа у них военный, был в то время в далекой командировке. Даже телеграмму не знали куда дать. Димка остался с Витькой один. Кормить Витьку приходила несколько раз в день их знакомая. А все остальное делал Димка сам.

У нас во дворе Димка — главный заводила. Конечно, ему было скучно сидеть дома, караулить Витьку и смотреть в окно, как все ребята играют. Тогда он придумал новую игру, с участием Витьки; ему даже отводилась главная роль. Сверток с Витькой каждый по очереди прятал где-нибудь во дворе, а остальные искали: Кто находил первый, тот вадил, то есть снова упрятывал сверток похитрей.

Витьке тоже нравилось играть. Тащишь его на руках — орет благим матом. А как запрячешь в подвал, в пустую бочку, или за трубу отопления в подъезде засунешь — молчит. Хоть маленький, а понимает, что кричать нельзя. Иначе его сразу найдут — какой интерес!

Целых два дня шла развеселая игра. А на третий Витька пропал. Кто-то из ребят додумался спрятать его в такси. Шофер ушел

пообедать и забыл закрыть заднюю дверцу. Пока мы искали по двору, такси уехало и увезло Витьку.

Что делать? Кто предлагает в таксомоторный парк бежать, кто в милицию. Наконец решили написать объявление и попросить, чтобы передали по радио — моя идея! Сочинили коротко и ясно: «Пропал в такси грудной мальчик Спешнев Витя. Просьба срочно возвратить по адресу...» И двинули всей компанией через дорогу, в радиокомитет. А оттуда, уже в сопровождении работника радио, прямым ходом в отделение милиции.

И только мы стали по ступенькам подниматься — слышим, Витька уже здесь. У него голос почти как у Имы Сумак, ну, может, только чуточку погромче.

Димка все рассказал милиционеру, у которого Витька на руках, и попросил:

— Отдайте братика. Его уже пора кормить.

А милиционер:

— Как ты докажешь, что он твой? Какие признаки? Ну, какие у Витьки особые признаки: грудняшка и грудняшка. А Димка вот додумался:

— Сейчас я его спрячу и увидите, что будет.

Взял сверток с Витькой у милиционера и подложил под диван. Сразу стало тихо, словно Витьке в рот соску сунули. Он, наверное, подумал, что с ним опять в прятки играют.

Милиционер удивился, попробовал сам. Витька срабатывал безотказно.

— Условный рефлекс, — сказал милиционер и отдал нам Витьку.

Димка попросил:

— Пожалуйста, только бумажек про, меня домой не посылайте. У нас дама все равно никого нет.

— Ну, раз нет, так и быть, не пошлю.

— А играть с ним можно? — поинтересовались мы.

— Играйте, раз он такой у вас дрессированный. Только не кладите больше в машины.

Но играть все равно больше не пришлось. На другой день приехал из командировки их папа и запретил всякие игры с участием Витьки. Все были недовольны. И мы, и Димка. Я уже не говорю про Витьку. Он давал такие концерты, что звенели стекла во всем доме.

Это все произошло два года назад. И больше с тех пор я в милиции не был.

Как встретят меня во второй раз?

Я бежал по проезжей части улицы — чтобы прохожие не мешали — и все время подгонял сам себя. Скорей! Скорей! Третью скорость! Четвертую!.. Вот уже Мише принесли щи. Вот он поднес ко рту ложку. Вот следующую...

Лишь один раз я заскочил на тротуар, когда навстречу попалась машина с сеном, занявшая весь неширокий проезд. Заскочил — и сразу услышал тихое: «Сыночек, а сыночек!» Маленькая, сухонькая старушка растерянно топталась у стены дома и просительно смотрела на меня сквозь очки с толстенными круглыми стеклами.

Я машинально сбросил скорость, чуть не споткнулся, подняв кедами ржавое облако пыли.

— Вы мне, бабушка?

— Где райсобес, сыночек? Райсобес где?

— Не знаю, бабушка!

Я опять включил наивысшую скорость и вышел на финишную прямую: милиция была отсюда через три дома.

— Райсобес, сыночек... — прошелестело мне вслед. — Райсобес очень мне надо.

Если бы она крикнула, я бы ни за что не остановился. Сделал бы вид, что не слышал, — и все. Но она не кричала... И у меня ноги уже не бежали дальше. Райсобес... Там пенсии, кажется, выдают.

Я вернулся к старушке.

— Пойдемте, бабушка, тут милиция рядом, там скажут.

— Райсобес, сыночек, райсобес мне.

Она еще и глухая!

Старушка едва волочила ноги. Я тащил ее за собой на буксире, Пятьдесят метров до милиции, казались мне бесконечными. Вот Миша доедает свои щи. Вот поднимает за край тарелку, собирает в ложку остатки... Все! С первым покончено!

Дежурный милиционер сидел в середине длинного коридора, возле зарешеченного окошка. Перед ним лежала бумага, он надорванно хрипел в телефонную трубку:

— Слушаешь? Слушаешь?.. Фамилия — Заболоцкий. Повторяю по буквам: Зина, Анна, Борис, Ольга, Леонид, Ольга... Це... Буква це, понимаешь? Фу ты, имя никак не подберу! — Он поднял глаза от бумаги, посмотрел на нас, прося о помощи.

— Райсобес, — сказала старушка, — мне в райсобес, милый.

— Цицерон, — сказал я.

— А? — не понял милиционер.

— Цицерон. Был такой известный лектор... Или Цезарь. Римский царь. Нет, император, — вспомнил я, — но это все равно.

— О! — сказал, милиционер, подняв палец. — Цезарь — годится. — И снова захрипел в телефон: — Слушаешь? Це... Как Цезарь. Константин, Иван, Иван краткий... За-бо-лоц-кий...

— Товарищ старшина, — подступил я к самому столу. — Там, на базаре...

Старушка не дала мне договорить:

— Райсобес где, милый?

— Следующий дом, — просипел милиционер. — Покажи ей, пацан. — И снова в трубку: — Слушаешь? Слушаешь? Даю дальше.

Я выкрикнул:

— Он уйдет!

Но милиционеру было не до меня. Он давал дальше — целые обоймы каких-то цифр.

— Пойдемте скорее!

Я ухватил старушку за рукав и поволок к выходу. Миша уже ест второе. Хорошо, если ему попало жесткое мясо и его долго жевать. А если он взял котлету?

Дотащил старушку до крыльца, крикнул в самое ухо: «Вот ваш райсобес» и метнулся обратно в милицию.

Дежурный милиционер все еще разговаривал с трубкой. Но я уже знал, что делать. Прощмыгнул мимо него и ворвался в первую попавшуюся дверь.

Седой человек в обычном штатском костюме, совсем не похожий на милиционера, стоя у окна, брился электрической бритвой.

— На базаре вор! — выпалил я прямо от двери. — Он украл золото. Нужно арестовать!

Седой человек повернулся ко мне. Я думал, он сейчас бросит все и побежит за мной. Но он не очень удивился, даже не прекратил

бриться.

— Где украл? — спросил он, оттягивая кожу у подбородка, чтобы было удобнее бриться.

— В нашем лагере. Скорее, он уйдет!

— В пионерском лагере золото? — только теперь седой человек выключил бритву. — Откуда у вас там золото, хотел бы я знать?

— Не в пионерском — археологическом. — Я, наконец, понял, что потеряю больше времени, если сразу же не объясню все. — У нас два дня назад украли золотую гривну. А вор сейчас на базаре, в столовой.

— Заболоцкий! — почему-то крикнул седой человек. — Заболоцкий!

— Может быть, — сказал я. — Не знаю, как его фамилия. А звать Мишей.

Открылась дверь в соседнюю комнату, и вошел уже знакомый мне лейтенант с фуражкой, сдвинутой на затылок. Он взглянул на меня, в глазах мелькнуло беспокойство:

— Слушаю, товарищ начальник.

— Золотая гривна объявилась.

Лейтенанту не пришлось долго рассказывать; он ведь все знал про кражу гривны и сразу понял. Спросил:

— Где он сейчас?

— В столовой. Обедает.

— Бегом за мной!

Он бежал, придерживая одной рукой фуражку, другой болтающийся планшет. Я старался держаться рядом, хотя очень трудно было не отстать — вон у него ноги какие длиннющие!

— Откуда узнал? — бросался он вопросами на бегу.

— Мы выследили.

— Кто — мы?

— Я и Сашка.

— Тот, беленький?.. Намудрили, наверное, что-нибудь с ним вдвоем.

— Вот увидите сами...

Сашка стоял все на том же месте, где я его оставил, в скверике, за кустами, напротив столовой. Значит, успели! Значит, Миша еще свое мясо грызет. Или расправляется с косточками из компота. Он очень

любит косточки, собирает в кулак, а потом щелкает. Те, что не поддаются, раскалывает молотком.

Лейтенант перешел на шаг. Я опередил его, подлетел к Сашке.

— Не ушел?

— Еще только официантка заказ взяла.

У меня отлегло от сердца; губы сами расползлись в стороны. Молодцы официантки, что медленно работают, молодцы!

Лейтенант подоспел, зыркнул на Сашку хмуро:

— Где он?

— Вон, у окна, видите?

— Кудлатый? — Присмотрелся, лицо у него вытянулось. — Завхоз ваш? Он украл? — И смотрит на нас с таким сомнением. — Гривна у него где?

— В кармане, — сказали мы оба в один голос.

— В каком?

— В пиджаке. В левом, — сказал Сашка.

— В правом, — сказал я.

Лейтенант сдвинул фуражку еще дальше на макушку. Как она только у него не свалится?

— Ясно! В левом гривна. В правом тоже. Уже две гривны. Третьей нет?

Вот бестолковый!

— Да нет же, только одна, — терпеливо пояснил я. — В правом кармане. Сначала она лежала в левом. Потом он ею торговал, вытаскивал из кармана. А когда подошла тетка Анисья, он испугался и опустил в правый. Вот сюда, я сам видел.

— Ладно, проверим... Он вас не заметил?

— Нет, вроде.

— Вроде — как чучело в огороде: вроде человек, вроде нет... Давайте в отделение. Бегом! Оба! Садитесь в кабинете начальничка, откройте дверь в соседнюю комнату и слушайте в оба уха, как его допрашивать буду. И ни звука! Понадобится — кликну. Ну!

И зашагал через дорогу в столовую.

Мы не сразу ушли. Мы еще обождали немного, посмотрели, что будет. Лейтенант козырнул Мише, сказал что-то. Миша взглянул на него удивленно, полез в боковой карман — наверное, за паспортом. Но его не оказалось. Милиционер подозвал официантку...

Больше мы смотреть не стали и понеслись в милицию.

По длинному коридору мы протопали, как две молодые лошадки. Дежурный встал у нас на пути, разведя руки в стороны:

— Куда?

Услышав шум, вышел седоголовый начальник и велел нас пропустить к себе. Усадил в мягкие, кресла; мы совсем утонули в них.

— М-да! — Он сложил руки у подбородка, посмотрел на меня, потом на Сашку. — Придется представлять к почетной грамоте. Или наградить ценным подарком. Как вы сами считаете?

— Нам все равно, — сказал я скромненько. И добавил: — Наверное, лучше медаль.

Я представил себе, как первого сентября войду в класс с медалью «За отвагу» на кармане вельветовой куртки. Все столпятся вокруг меня, будут разглядывать медаль, не отрывая глаз. Пусть смотрят сколько угодно! Я даже разрешу потрогать. Потом Птичка выкрикнет с завистью: «А я знаю! Она не твоя!» Я улыбнусь спокойно, вытащу из кармана наградную книжечку в красном переплете, как у папы, и скажу Птичке: «Читать умеешь? На, прочитай. Только вслух!» Что тут будет! Мы даже звонка не услышим. Зайдет Нина Николаевна, спросит удивленно: «Что случилось, ребята? Почему вы не на местах?» Узнает, скажет восхищенно: «Молодец, Толя! Вот бы никогда не подумала — ты вроде у нас в храбрецах особых не числился. С уроков физкультуры сбегал, помнишь, в прошлом году?» А я бы ответил с достоинством: «Героями не рождаются, героями становятся».

Где-то я вычитал эту фразу, и она мне очень уж понравилась. Только до сих пор все не представлялось подходящего случая пустить ее в дело.

— М-да, — седой начальник милиции смотрел на меня весело. — Люблю таких скромных парней, без претензий. Другой на твоём месте взял бы да и потребовал золотую звездочку.

— Что вы! — заерзал я в кресле. — Разве за это Героя дадут? Он же не настоящий грабитель.

Сашка добавил:

— Даже без оружия.

— Откуда ты знаешь? — возразил я. — Может, есть оружие. Вот обыщут его, тогда будет ясно.

И посмотрел на начальника. Он все улыбался. Вероятно, от радости, что мы поймали вора, и процент раскрываемости преступлений в его районе увеличится.

В соседней комнате слышались шаги и громкие голоса. Привели! Наконец! Начальник широко распахнул дверь, сделал нам знак молчать и вышел.

Мы стали слушать. Сначала шла возня со стульями, все усаживались.

Потом раздался голос нашего знакомого лейтенанта:

— Значит, документов у вас нет?

— Я же сказал: не имею привычки носить с собой. — Миша говорил раздраженно. — И вообще, какое вы имеете право...

— Погодите о праве, — перебил лейтенант. — Вы из археологической экспедиции, так?

— О, уже установили? Вот это, я понимаю, оперативность!

— Советую вести себя скромнее.

— Отличный совет! Как-нибудь им воспользуюсь.

Мы с Сашей переглянулись. Миша не очень-то испугался. Но тут наш лейтенант ударил из тяжелого орудия:

— Кто украл золотую гривну?

Миша сказал:

— Я почему знаю? Вы милиция, вы и скажите.

— Хорошо. Прекрасно. — Лейтенант злился. — Я скажу. Есть основания подозревать вас.

— Вот так номер! — Мы услышали хохот, по-моему, очень неестественный.

— Значит, нет? Хорошо. Но тогда объясните, как гривна попала к вам в карман?

Стало тихо. Что ты теперь скажешь, Миша?.. Но он так ничего и не сказал. Попался, что говорить!

— А ну, все из карманов! — скомандовал лейтенант. — Так... Из пиджака тоже.

Что-то негромко звякнуло о стол. Гривна? Или пистолет? Вот было бы здорово, если пистолет!

— А это что, интересно? — раздался торжествующий голос лейтенанта. — Портсигар? Подкова? Или гривна?

— Но не та, которую вы ищете.

— Ах, другая! — съехидничал лейтенант. — Из соседней могилы.

Миша подтвердил:

— Представьте себе, совсем другая.

— Хорошо, допустим, — согласился лейтенант. — Остается только выяснить, как она к вам попала? Раз. И почему продавали на базаре? Два.

— Я не продавал! — Миша перешел на крик. — За кого вы меня принимаете! Вы еще ответите!

— Не продавал? — Лейтенант подошел к дверям нашей комнаты. — Свидетели, прошу!

Свидетели вошли гуськом. Сашка первый. Я за ним. И, сразу глаза на стол. Что там? Расческа, кошелек. Платок носовой. Золотая гривна... Нет, пистолета на столе нет. Жаль!

У Миши глаза округлились, когда он нас увидел, а щеки стали красными, словно их натерли наждачной бумагой. Вот уж не ждал!

— Рассказывайте, свидетели, что видели на базаре. Подробненько, не торопясь. Давай ты первый.

— Пусть сначала он, — застеснялся я.

И Сашка стал говорить. А потом, когда он кончил, я добавил, о чем он не знал: как Миша испугался тетки Анисьи.

— Ух, ты, малек! — Миша схватился за подлокотник кресла, на котором сидел. Я отшатнулся; показалось, он хочет кинуться на меня. — Все дело испортил!

— Значит, признаетесь? — лейтенант сел к столу и полез в свой планшет, наверное, за бумагой.

— В чем? — кричал Миша. — В чем? Что это не золотая гривна? Что она медная, медная? И что ни один черт ее не купит?

— Опять? — укоризненно покачал головой лейтенант. — Ведь все уже ясно, а он отпирается. Беда с этими начинающими!

— Погоди, товарищ Заболоцкий. — Начальник вышел из угла, где он все время молча стоял. — Пошли кого-нибудь в часовой магазин за ювелиром. Или лучше сам сбегай. И отправь заодно ребят домой на дежурной машине — они нам больше не нужны, а там их хватились, небось, будут искать повсюду.

— А я? — спросил Миша.

— Вас задержим до выяснения, молодой человек...

Лейтенант доехал до часового магазина вместе с нами. Соскочил с переднего сиденья, сказал шоферу:

— Добросишь их до Малых Катков и сейчас же обратно.

— Фамилии вы наши помните? — меня мучила тайная мысль.

Лейтенант не ответил, повернулся и пошел. Я оторопело уставился на фуражку — она просто чудом держалась на затылке.

— Зачем спрашивать? — упрекнул меня Сашка. — Зачем намекать? У него же все записано...

Уже было время обеда, и я попросил шофера, чтобы он подкатил к самому лагерю, — так хотелось показаться студентам в этой синей с красной полоской машине.

Но шофер сказал, что ему некогда, что надо спешить назад, и высадил нас у моста — отсюда еще сколько до лагеря топать!

Мы сняли кеды и пошли босиком берегом речки — вода приятно холодила разморенные ноги. Я говорил и говорил без умолку. Как здорово все получилось; жаль, что начальник просил нас никому в лагере не говорить о случившемся, даже дяде Володе; хорошо, успели бы к началу учебного года, вручить нам медали, а если не успеют, то мне придется одолжить у папы — у него как раз есть «За отвагу», а у милиции попросить бумажку с печатью, иначе мне в школе ни за что не поверят.

Сашка слушал и молчал. Даже, скорее всего, не слушал, а думал. Я знаю, о чем. О своем дяде.

В лагере ничего особенного не произошло. Без нас нашли еще три горшка. Реставратор пропорол себе ногу ржавым гвоздем и ходила, опираясь на палочку. Куда-то делся Бип: то ли мальчишки его сманили, то ли попал под машину на шоссе — он любил облаивать ревушие самосвалы.

Никто и не подозревал о настоящих, больших событиях нынешнего дня.

Я не удержался, намекнул дяде Володе мимоходом:

— Долго что-то Миши нет.

— Он только к вечеру вернется.

— Если вернется, — произнес я загадочно.

Дядя Володя насторожился, сдвинул брови:

— Ты что-нибудь знаешь?

— Нет, просто так...

И отошел поскорее. Потому что, если бы дядя Володя стал еще расспрашивать, я бы, возможно, не выдержал и проговорился.

Сашка остался у нас обедать. Это никого не удивило, его уже все считали своим. Но вид у него был очень грустный, и Вера заметила:

— Уж не заболел ли? — Она ведала походной аптечкой и прямо млела от счастья, когда удавалось обнаружить какой-нибудь заваливший насморк.

— Нет, — буркнул Сашка.

— Он у нас останется навсегда, — шепнул я ей. — Его дядю сегодня арестуют.

— Выдумывай больше! — не поверила Вера.

Мы возвращались с речки, когда я увидел милицейскую машину, подъезжавшую к лагерю. Увидел — и решил, что больше молчать нельзя.

— Мишу привезли! — заорал я. — Милиция Мишу привезла! Он вор! Он золотую гривну украл!

Все уставились на меня непонимающими глазами, словно я говорил не по-русски.

— Я его разоблачил! — орал я как ненормальный. — Я и Сашка! Я и Сашка! Мы выследили его!

Студенты, как по команде, перегоняя друг друга, устремились в лагерь.

Наш знакомый лейтенант вел себя очень неосторожно. Выпустил Мишу из машины и даже пистолет свой не вытащил из кобуры. А если бы преступник вздумал бежать?

Я похлопал ладонью по горячему, пыльному капоту машины, улыбнулся лейтенанту дружески:

— Признался?

Сашка тоже спросил:

— Он один воровал или еще кто?

Лейтенант пробормотал что-то сердитое и отвернулся. Мог бы и повежливее: ведь если бы не мы с Сашкой, никогда бы ему этого преступления не раскрыть.

Подошел запыхавшийся дядя Володя:

— Что случилось, товарищ лейтенант?

— Вот.

В руке лейтенанта блестела золотая гривна. Дядя Володя взял ее, бросил один только взгляд.

— Медная, — сказал он уверенно.

Лейтенант не удивился, спросил:

— Не ваша? Не та, что пропала?

— Нет. Та золотая.

— Может, ошиблись? Может, не золотая?

— Нет, не ошибся. Медь в земле окисляется, становится зеленой, а наша гривна блестела, как новенькая.

Дядя Володя снова осмотрел гривну, на этот раз очень тщательно.

— О! — воскликнул он. — Она же из нашего музея! Вот три зазубрины возле левого грифона, видите? Я их хорошо помню. Как она к вам попала?

— Пусть молодой человек расскажет. — Хмурый лейтенант головой показал на Мишу; тот стоял в стороне, глаза устремлены в степь, словно он и не слышит. — Как в таких условиях розыск проводить — не знаю! Работаю, ночи не сплю, а тут путаются под ногами, вспугивают преступников.

— Кто вспугивает? — спросил дядя Володя.

— Да весь ваш лагерь! И этот, — кивнул он на Мишу. — И этот комар тоже, — кивнул на меня.

А про Сашку он забыл? Сашка не вспугивает, да? Сашка ни в чем не виноват, да? Ведь если говорить по-справедливости, всю историю с Мишей затеял не я, а Сашка. Он прибежал ко мне сегодня утром...

Нет, пусть Сашка сам скажет!

Где он? Я осмотрелся. Сашки нигде не было. Сбежал! И когда он только успел?

Лейтенант сел в машину, захлопнул с треском дверь. Газик, сердито фыркнув и плюнув в меня клубом сизого дыма, покати́л в сторону дороги.

Я исподлобья взглянул на дядю Володю. Сейчас начнется! Сейчас он мне даст!

Но дяде Володе было не до меня. Разозленный и негодующий, он наступал на Мишу:

— Как вы добыли гривну из музея?

— Послал маме письмо с Яскажуком, — Миша отвечал нехотя. — Он как раз уезжал в город, и я попросил привезти.

— В письме вы просили гривну для себя? — У дяди Володи губы сжаты, на скулах ходят желваки — я впервые видел его таким. — Для себя? Отвечайте!

— Н-не совсем, — выдавил Миша. — Владимир Антонович, ну что вы...

— Не виляйте! Говорите прямо!

— Ну, написал, что вы просите, что вам нужно сравнить гривны... Но я ведь только хотел...

— Я же вам запретил! Запретил категорически! Почему вы все-таки написали?

Миша молчал.

— Вытурить его в шею из лагеря, и дело с концом! — предложил кто-то из студентов.

— Сам не работает и нам мешает, — поддержали другие.

— Владимир Антонович, — заговорил Миша, — я сейчас вам все объясню.

— Хорошо, — сказал дядя Володя. — Хорошо, но только не мне одному — всем! Слава, соберите вече.

Вече — так назывались в лагере общие собрания, на которых решались все важные вопросы нашей жизни: на что расходовать общие деньги, изменить ли распорядок дня, ходить ли по вечерам в деревню на танцы.

Слава пять раз стукнул молотком по рельсу, подвешенному на дереве в центре лагеря.

Студенты уселись в круг. Я тоже пристроился, только сзади, с самого края, подальше от дяди Володи. Мой опыт подсказывал, что не следует сейчас попадаться ему на глаза.

Дядя Володя встал.

— Уважаемое вече! — сказал он. — После пропажи гривны Миша обращался ко мне, предлагал своими силами начать розыск вора. Я не согласился. Более того, я запретил. Не наше это дело. Мы археологи, а не работники следственных органов. А теперь он пусть сам расскажет, что было дальше.

Встал Миша.

— На середину! На середину выходи! — закричали студенты.

Миша вышел в круг и поклонился всем в пояс:

— Ой вы гой еси, добры молодцы...

— Не паясничай, а то накостыляем! — раздались крики.

— Тогда пусть сначала малец смоеся отсюда. — Миша пальцем показал на меня. — Он во всем виноват, смотреть на него не могу.

Снова поднялся дядя Володя.

— Уважаемое вече, разрешите высказать мое мнение. Толя виноват во всем этом деле не больше, а гораздо меньше Миши. Я за то, чтобы оставить. Но решают пусть все.

Я трепеща ждал, что скажут студенты. И надо же! Первой слово попросила Козлик. Ну, все, думаю. Сейчас она начнет: «Было бы непедагогично...»

И она начала:

— Было бы непедагогично, с точки зрения воспитания Миши, удалять Толика. Что получается, товарищи? Получается, что Толика Миша стесняется. Толика стесняется, а нас нет?

Пошли смешки. Я воспрянул духом. И когда Слава, председатель вече, провел голосование, получилось, что почти все за меня.

Я сразу перебрался вперед и, назло Мише, уселся прямо перед его носом. Он пыхтел, грозно таращил глаза. Но очень я теперь его боялся!

— Рассказывай, Миша!

— Сначала один вопрос к вам, уважаемые товарищи вечисты... Или мне, как подсудимому, нужно называть вас граждане? Итак, граждане, кого вы подозреваете в краже золотой гривны? Отвечаю сам: судя по устной анкете, которую я провел, большинство считает причастным к краже бульдозериста... Фамилию не называю, здесь, среди нас, сидят могучие трепачи, — пустил Миша в меня отравленную стрелу. — Но... не пойман, не вор. Надо еще поймать. А кто поймает? Уж не тот ли пинкертон с фуражкой на макушке? И я предложил Владимиру Антоновичу свой план.

— Холмс контра Пинкертон, — пробасил Слава.

— Не мешай! — зашикали на него со всех сторон.

— Итак, мой план, — продолжал Миша. — Его основная идея: избличение преступников руками самих преступников. Помните, в «Двенадцати стульях»: спасение утопающих есть дело рук самих утопающих. Золотую гривну воры, разумеется, дома не держат — где-нибудь в тайнике. Но если они увидят эту свою спрятанную-

перепрятанную гривну в чужих руках? Не кинутся ли они к тайнику, проверить, на месте ли их сокровище?

— Ловко! — воскликнул кто-то.

— Вот! — Миша, ободренный поддержкой, гордо выпятил грудь. — Я раздобыл точно такую же гривну в музее. Признаюсь, вопреки воле Владимира Антоновича, за что приношу ему свои глубочайшие извинения; весь мой расчет был на победу, а победителей не судят... И вот я отправился на базар в Большие Катки торговать гривной перед глазами уважаемой супруги бульдозериста, которая, конечно же, не может не знать о тайных делах своего мужа. Прицел таков: она видит гривну, бросается к своему тайнику, где мы ее и настигаем... Но из-за вторжения чужеродных тел...

— Миша горестно развел руками, — вместо желаемого эффекта...

— Мишу тащат в милицию, — закончил за него Слава.

— Увы, это правда. И все из-за мальков, — Миша кинул на меня свирепый взгляд.

— Великий Шерлок Холмс попадает в сети, расставленные гением преступного мира доктором Мориэрти, — снова подал голос Слава. — Ирония судьбы!

— И все-таки мне непонятно, — сказала Вера.

Миша галантно улыбнулся:

— Это меня не удивляет.

— Перестань хамить... — отмахнулась от него Вера. — Предположим, жена бульдозериста действительно помчалась бы на машине в Малые Катки к своему тайнику. Как бы ты угнался за ней?

— Мне не надо было гнаться. У меня здесь был свой человек с четкой задачей.

— Верно! — подпрыгнул Слава. — У каждого Шерлока Холмса должен быть свой доктор Ватсон. — Где ты, доктор Ватсон, отзовись!

— Здесь я! — услышали мы писклявый голосок.

Встал маленький юркий студент. Гадалкин — так звали его в лагере, но это не фамилия, а прозвище. Он всегда ходил с колодой засаленных потрепанных карт и навязывался ко всем со своими предсказаниями прошлого, настоящего и будущего. Мне он тоже гадал, и я поразился, как он точно сказал все, про нашу семью, про мой класс и даже про мои схватки с Катькой. А потом я узнал, что он предварительно выспросил обо всем у дяди Володи. Так он делал и со

студентками: выведает стороной всякие подробности их жизни, а потом гадает под восторженный визг и общее удивление.

— Я доктор Ватсон, — повторил Гадалкин.

— И ты узнал, где тайник?.. — спросила Вера.

Ну, скорей, скорей!.. Я ерзал на месте, с нетерпением ожидая ответа. Ведь тетка Анисья в самом деле уехала с базара в Малые Катки. Я сам видел, как она спешно собирала свой сладкий товар.

— На почте, — услышал я неожиданный ответ.

Даже Миша поразился:

— Как на почте? Откуда ты взял?

— А я стоял, как мы с тобой договорились, у шоссе, возле столовой. Смотрю, прикатила наша мадам на попутной машине. Слезла — и потопала на почту, со всеми своими ведрами.

— А откуда? — спросил Миша.

— А откуда — домой.

— Странно...

— Товарищи, я знаю! — заорал Слава. — Сенсация века! Тайник на почте! Золотая гривна спрятана в телефонной трубке!

— А мне не смешно, — сказал дядя Володя. — Мне очень грустно. И не потому, что Миша занялся этим нелепым экспериментом. И даже не потому, что он, вопреки моему запрещению и используя мое имя, раздобыл музейную гривну... Помните, Миша, вы сами просили меня назначить вас завхозом? У вас-де есть хозяйственная жилка, вы знаете эту работу, в турпоходах всегда были завхозом и всякое такое? Я назначил. Все ворчали, но я думал поначалу — не его вина. Человек неопытный, денег мало, из продуктов одна крупа да картошка. А теперь что? Деньги давно уже получены, а питание разве улучшилось? Нет, Миша, правильно вас критикуют ребята. Вам просто не хочется ничего делать. И завхозом-то вы стали только потому, чтобы меньше копать. Вам скучно, вам неинтересно, вы не хотите работать, как все. Вот и выдумываете себе всякие приключения. В этом первопричина. И я не имею больше права заставлять коллектив терпеть лишения. Я снимаю вас, Миша, с должности завхоза. Будете работать на раскопках вместе со всеми.

Я думал, теперь Миша совсем стушует. Замолчит, голову повесит.

А Миша — нет. А Миша перешел в наступление.

— Ну и правильно! Ну и выдумываю! Ну и скучно! — замахал он руками. — А что у вас здесь хорошего? Я думал — археологи! А вы землекопы. Да, да, самые настоящие землекопы. Вот роетесь и роетесь, как кроты, дальше своего носа не видите. Найдете горшок — ах, ах, ах! Радость великая! И опять рыться. Землекопы — и все. Только получаете в два раза меньше.

Стало тихо-тихо. Дядя Володя заговорил негромко, вполголоса:

— Притча есть такая. Средневековая, но до сих пор своего смысла не утеряла. Даже наоборот... Строили в двенадцатом веке на севере Франции грандиозный собор — Шартрский Нотр-Дам. Рабочие копают землю под фундамент, отвозят ее на тачках, камни волокут на носилках. Спросил кто-то у трех строителей, что они делают. Первый говорит: «Да вот, тачку тяжеленную ташу, будь она трижды проклята!» Другой сказал: «Зарабатываю на хлеб себе, своим детям». А третий оперся на лопату, вытер пот с лица и ответил с гордостью: «Я строю Шартрский собор»...

И снова стало тихо. Только налетевший из степи драчливый ветер все задирался с тополями, и они возмущенно шумели листвой, вероятно, ругали его по-своему на все лады.

— Думаю, все понятно? — спросил, наконец, дядя Володя. — Думаю, пояснений не требуется?

— Если только ему, — Вера посмотрела на меня озабоченно.

И что она вечно обо мне беспокоится!

Я сказал сердито:

— Не знаю, как некоторым, а мне давно все ясно.

Я проснулся от резкого грохота. Над нашим лагерем проходила гроза. Дождь бил в крышу палатки, то ослабевая, то вновь усиливаясь. Яростные ломаные молнии, дрожа от злости, жалили степь, и все кругом освещалось зеленоватым светом. Громы рушились с неба, как тяжелые скалы.

— Дядя Володя! — позвал я в испуге. И еще раз, громче: — Дядя Володя!

Его не было.

Молния впилась в землю неподалеку от нас. Я слышал, — как завизжали рядом в палатке студентки. И сразу же, заглушая визг,

взорвался гром.

— Что, напугался? — Дядя Володя, скинув у входа блестящий непромокаемый плащ и резиновые сапоги, вполз в палатку. — Уже кончается. Тучи уходят в сторону.

— Куда вы ходили в такой дождь?

Он не ответил на мой вопрос:

— Только не прикасайся к стенкам и крыше — сразу потечет.

Гром сердито бухал уже где-то за деревней, вспышки молний тоже стали не такими яркими. Дождь перестал, только тяжелые капли, срываясь с тополей, били звучно, как в барабан, по туго натянутой палатке.

— Спи, — сказал дядя Володя. — Что не спишь?

— Сейчас.

Я открыл полог и, придерживаясь руками за пол, наполовину высунулся наружу. Было прохладно и сыро. Темное небо отблескивало в многочисленных лужах.

И вдруг я увидел человека. Тоже в прорезиненном плаще, как дядя Володя. В руке чемодан.

Так это же...

— Дядя Володя! — крикнул я. — Смотрите!

Он не отозвался. Спит!

— Дядя Володя! — я стал трясти его изо всех сил. — Миша! Миша!

— Не кричи, — он повернулся на спину, положил под голову руки. — Я знаю.

— Но он же уйдет!

— Пусть уходит. Так надо.

Я снова высунулся из палатки. Миша уже изрядно отдалился от лагеря. Горизонт на востоке посветлел, и на его фоне сгорбленная фигурка с чемоданом выглядела одиноко и жалко.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Ох, и худо пришлось нам с Сашкой! Вот уж никогда бы не подумал, что будущие учителя — такой ехидный народ. Насмешки и шутки со всех сторон посыпались на наши бедные головы. А на чьи еще? Миша улизнул потихоньку, какой был студентам смысл потешаться над ним заочно? Правда, оставался еще доктор Ватсон — Гадалкин, но тот хитер мужик! Стоило только кому-нибудь пальнуть по нему острым словцом, как он тотчас же принимался хохотать громче всех и этим сразу отбивал всякую охоту шутить над собой.

Мы с Сашкой так не могли. Я начинал горячиться, что-то опровергать, что-то доказывать. У Сашки было больше выдержки, но и его не хватало надолго. Под градом насмешек он сначала пыхтел молча, а потом его прорывало, и мы начинали отбиваться на пару. Мы злились, а они смеялись. И чем больше мы злились, тем громче звучал смех, тем острее становились шутки. Даже песню про нас студенты сочинили и распевали ее на раскопках:

Но мы упрямы,
Ах, как мы упрямы!
За Мишей ходим
Тенью с двух сторон...

В конце концов допекли нас. Мы сбежали с раскопок на речку. Сидели спина к спине на горячем, нагретом солнцем камне — песок был еще влажный после ночной грозы — и перемалывали горькую обиду.

— Мы для них же, а они... Вот найдем золотую гривну, тогда узнают...

— Ладно! — остановил Сашка мое жалобное пение.

— Что — ладно? — не понял я.

— Довольно уже о золотой гривне. Надоело!

— Вот правильно! — подхватил я. — Что у нас, дел других нет? А золотая гривна...

— Давай так, — снова перебил меня Сашка. — Кто скажет «золотая гривна» — платит десять копеек.

— Давай!

— И на них купим леденцов...

Конечно, первым вляпался я. Потом Сашка. Потом снова я, два раза подряд.

— Айда в сельмаг за леденцами, — предложил я и побежал первый.

Я чувствовал, что если останусь здесь, на берегу, то продую Сашке все свои капиталы.

Добраться до сельмага было не так-то просто. Все дороги в деревне за ночь превратились в непроходимую трясиину. Ноги с противным чавканьем увязали в жирной грязи.

Мы пошли берегом речки — здесь хоть был песок, не глина. Выскочили на мост, а оттуда до сельмага уже рукой подать.

Накупили леденцов целую кучу и присели сосать на ступеньках клуба.

Во всех концах деревни, как шмели, гудели автомашины. Некоторые с трудом, метр за метром, двигались по разжиженной глине. Другие, натужно воя, пытались выбраться со скользких обочин, куда их стянуло, на середину дороги. Были и безнадежно застрявшие. Шоферы бросили их, наверное, еще ночью, и они, как старые усталые лошади, понуро дремали посреди луж.

Откуда-то с криком выскочил отряд пацанов. Впереди Митяй, весь обляпанный грязью, от босых пят до рыжих косм.

— Есть! Еще одна! Еще одна! — радостно заплясал он.

Чему он так обрадовался?.. Машина, груженная лесом, тщетно пыталась вылезть из ямы, куда она попала задним колесом.

— Дяденька! Сядь! — упрашивал рыжий Митяй шофера. — Сядь, ну что тебе стоит?

Сядешь в грязь,
будешь князь!
Сядешь в грязь,
будешь князь! —

завопил, заплясал весь пацанский отряд.

Машина будто только этого и ждала. Она скользнула по глине, развернулась передом и медленно съехала в яму теперь уже напрочно, обоими задними колесами.

— Ура! — закричал рыжий Митяй. — Ура! Восемь — шесть.

Шофер сплюнул, ругнулся, погрозил ему кулаком. Но Митяй со своими пацанами уже несся дальше, в нашу сторону.

— Митяй! — окликнул его Сашка. — Леденцов хочешь?

— А есть?

Митяй подбежал к нам, широко раскрыл рот:

— Бросай!

Сашка кинул несколько леденцов. Они захрустели в крепких зубах Митяя.

— Еще! — потребовал Митяй и снова раскрыл рот.

— Умник! Ты так быстро все сгрызешь.

— Не бойся, сосать буду.

Митяй присел рядом с нами, измарав глиной клубные ступеньки.

— Запашистые. — Он чмокал губами, разворачивая во рту леденец. — По рубль двадцать брали?

Я кивнул.

— Эх, лопухи! Надо было по восемьдесят. Их знаешь сколько на гривенник!

Вдруг лоб у Митяя сморщился, он перестал чмокать.

— Уж не вы ли, гады, милиции наябедничали? — спросил он. — А теперь леденцами откупаетесь?

Я посмотрел на Сашку, Сашка на меня. «Молчи!» — прочитал я предостережение в его глазах.

— Милиции? — Сашка сделал удивленное лицо.

— Ну, лейтенанту тому, из Больших Катков.

Мы снова переглянулись.

— Нет...

— А чего он тогда ко мне с ягодами пристал? — И видя, что мы никак не пойдем, о чем он, пояснил: — Как начал на меня жать! «За ягодами ходишь? А вчера ходил? А позавчера? Куда ходил? В круглом колке был? Кто с тобой ходил? Кого еще в колке встретил?» И глядит на меня так, будто я все вру.

— Зачем ему? — спросил я.

— Так он и скажет!

— Может, там ягоды собирать нельзя?

— Вот еще! Сто лет собирал — и вдруг нельзя.

— Нет, не то. Он бы тогда предупредил: не собирай больше, оштрафую, — сказал Сашка. — Тут совсем другое.

— А не с золотой ли... — начал я, но спохватился в последний миг и захлопнул рот. Следующее слово опять обошлось бы мне в десять копеек.

— Митька! Митька! — загалдели пацаны на другой стороне улицы.

— Сейчас!.. Дай для них, а?

Я оторвал кусочек бумажки от пакетика, отсыпал немного леденцов.

— Айда с нами! — предложил Митяй, бережно принимая дар в измаранные руки. — Мы замостье, самое малое, на пять машин обставим. Вон одна барахтается за пекарней — ни за что не вылезет! И еще у въезда в деревню ловушка — высший сорт. Пойдет «Волга» или там «Москвич» — вбухается, будь здоров!

Мы тоже включились в игру. Интересно, я даже не думал! Носимся по лужам, брызги в стороны, орем, во все горло: «Сядешь в грязь, будешь князь...».

Шоферы злятся, ругаются — и все. Они же в тяжелых сапогах. Сделают шаг в нашу сторону, а мы за это время десять. Только мне пришлось кеды снять и запрятать под крыльцо клуба. Ноги в них скользят, того гляди растянешься на мокрой глине. А босиком носись сколько влезет!

Рыжий Митяй точно предвидел — у него большой опыт. Машина за пекарней гудела, гудела, наверное, целых полчаса, а все равно сдалась — бензин кончился.

Теперь мы уже вели со счетом девять — шесть. Но недолго. Со стороны моста прибежал наш разведчик, встревоженный такой, и доложил, что у них там еще две машины застряли. Одна даже с прицепом, ее могут за две посчитать; во всяком случае, придется с ними поспорить. Так что если мы хотим победить наверняка, то еще одна застрявшая машина нужна нам как воздух.

А солнышко все теплее, земля обсыхает понемногу, шансов на машину становится все меньше и меньше. Надежда только на ту ловушку, у въезда в деревню, о которой говорил Митяй.

Мы все туда. Да, ничего, ямочка подходящая. И вся покрыта водой, так что сразу ее и не разглядишь.

Залезли в яму, покопали руками немного, сделали края пообрывистей, чтобы уж если влезет, то наверняка.

И только кончили — какое счастье! — со стороны Больших Катков мчит светлая легковушка.

— С дороги! — скомандовал рыжий Митяй.

Мы врассыпную, залегли в траве за канавой, как будто партизанская засада.

Легковушка все ближе, ближе. Ну, миленькая, ну, хорошенькая, к середине, к середине держись поближе!

Бац! Есть!

Мы сразу выскочили, заорали, запрыгали от радости. Шофер вылез, женщина в белом халате, толкают свою «Волгу». Где там! Только измарались. И белый халат уже совсем не белый — ха-ха!

И вдруг шофер как крикнет... Нет, он не крикнул, он просто покачал головой и сказал не очень громко. Но нам всем показалось, что крикнул:

— Эх, дурачье! Человек помирает, а им хиханьки-хаханьки!

И только сейчас мы увидели, что это не просто «Волга», а машина скорой помощи. И женщина в белом халате, который уже больше не белый, не просто женщина, а врач...

Первым опомнился Сашка, бросился к машине. За ним я. А рыжий Митяй стал орать на своих:

— Колька! Чего палец в нос вставил? Дуй домой за лопатой тебе всех ближе. Витька! Сенька! Айда на поле за соломой...

Минут двадцать ковырялись — вот какую мы добрую яму нарыли! Потом все-таки «Скорая помощь» выскочила, пошла. Мы бежали за ней через всю деревню — вдруг еще где сядет? И за мост побежали, туда, где уже территория противника.

Но больше она нигде не села и, выбравшись из деревни, быстро покатила по гравийной дороге на Лобиху — там ждал больной.

А мы собрались все вместе — наш отряд и замостинские ребята, и стали спорить, кто победил; они нам «Скорую помощь» засчитывать не хотели, а мы им прицеп. Так мы, наверное, проспорили бы до вечера и разошлись ни с чем, потому что дорога основательно подсохла и на новые машины рассчитывать было нечего. Но Сашка сказал:

— Знаете что, давайте теперь считать наоборот.

Мы все пораскрывали рты:

— Как это — наоборот?

— А вот так. Кто больше машин из грязи вытащит, тот и победит.

И опять мы понеслись по грязной дороге.

— Дяденька! Дайте подсобим!.. Дяденька, мы сейчас доски принесем... Может, подтолкнуть надо?

Шоферы пожимали плечами, шоферы удивлялись, шоферы ничего не понимали.

Шоферы не знали, что раньше здесь играли в одну игру, а теперь совсем в другую.

Здорово Сашка придумал!

И все-таки победили не мы — замостинцы. Не потому, что мы меньше старались. Просто, на их стороне оказалось на одну застрявшую машину больше, если считать с прицепом. А у нас для победы просто не хватило машин. Хоть возьми и еще раз устрой ловушку в той яме, у въезда!

Но это уже было бы нечестно.

После обеда Сашка ходил на почту, отправлял своей маме очередное бустрофедонское письмо. А я ждал его у Чертова кургана. Волк теперь уже на меня не лаял, только вилял хвостом, как заводной, и облизывался, ожидая подачи.

— Обожди, мясо у Сашки, — сказал я ему, и он понял, стал ждать, не переставая облизываться, никуда не отходил.

Сашка вернулся, и мы стали поочередно бросать Волку кусочки.

— Он уже совсем наш, — сказал Сашка. — Завтра хлеб принесу, жаль на него такое хорошее мясо тратить.

— А ты попроси у тети Маруси похуже.

Он покосился на меня:

— Ага, попроси! Думаешь, она даст?..

Идти на раскопки не хотелось — опять студенты начнут донимать нас за вчерашнее. Мы присели у телеграфного столба, недалеко от Чертова кургана. По степи гулял резвый ветерок, и провода непрерывно гудели. Приложишь ухо к столбу — и слушай их длинющую песню, без конца, без начала.

— Азбуку Морзе знаешь? — спросил вдруг Сашка.

— Нет. А что?

— Вот если бы знал, мог бы послушать, что сейчас передают по проводам.

Я рассмеялся:

— Выдумывай! Их без всякой азбуки Морзе передают, прямо буквами.

— В Большие Катки — да. А сюда морзянкой. И потом перепечатывают, на обыкновенной пишущей машинке.

— И ты слышишь — ха-ха!

— Не веришь? — Сашка приложил ухо к столбу и стал говорить, отрывисто, с паузами, словно он и в самом деле к чему-то прислушивался: — Папе... сделана... операция... Постели... дежурный... врач... Целую... Лена. Не веришь? Вот еще. Малые... Катки... Директору... совхоза... Срочно... шлите... отчет... форме... восемь... Катюков.

Сашка все это проделывал так здорово, что если бы я не знал его, то, честное слово, обязательно поверил бы.

— О, смотри-ка! — воскликнул он, не отнимая уха от столба. — Тебе телеграмма!

— Ну-ка! — я смеялся.

— Задержано... доставкой... Малые... Катки... Археологическая... экспедиция... Кубареву... Толи... Так и передали по телеграфу: Толи. Буква и. Точка, точка. А е — только одна точка.

— Давай, давай!

— Сыночек... наш... поздравляем... днем... рождения... Расти... большой... сильный... умный... добрый... Целуем... обнимаем... Мама... папа... Катюша...

Улыбка сползла у меня с лица:

— К-какое сегодня число?

— Семнадцатое.

Я облизал пересохшие губы.

— Ой, у меня же шестнадцатого день рождения! Вчера!

— Вот! — торжествовал Сашка. — А ты не верил.

Но меня заботила не его выдуманная телеграмма. У нас в лагере празднуют все дни рождения, покупают коллективные подарки именинникам. Ничего особенного, духи девушкам, перочинный нож ребятам, еще плитка шоколада, но все-таки. А я сам забыл, никому не сказал. И теперь уж, конечно, никакого подарка не будет.

— Золотая гривна, — сказал вдруг Сашка.

Я встрепенулся:

— Ага! Плати десять копеек!

— Золотая гривна. — Он улыбался. — Золотая гривна.

— Двадцать! — закричал я. — Тридцать!

— Все. Больше у меня нет. — Сашка встал. — Пойдем, купим тебе на тридцать копеек конфет.

Так я получил от Сашки подарок к своим вчерашним именинам.

А вечером, когда я вернулся в лагерь, меня там ждал сюрприз.

— Опять тебе! — Дядя Володя подал телеграмму. — Придется штатную секретаршу заводить и сейф для секретных бумаг.

Я распечатал и прочитал:

«Задержано доставкой. Малые Катки. Археологическая экспедиция. Кубареву Толи. Сыночек наш! Поздравляем днем рождения. Расти большой, сильный, умный, добрый. Целуем, обнимаем. Папа, мама, Катюша».

Я чуть не упал.

— Значит, Сашка в самом деле слышал в столбе, — произнес я растерянно вслух. — Даже «Толи».

— Что за столб, в котором все слышно? — спросил дядя Володя. — Какое-нибудь новое Сашкино изобретение?

— Нет, нет! Я знаю! Он прочитал на почте. Конечно, он же ходил на почту и там видел телеграмму. Ну, Сашка! Ну, Сашка!

Я хохотал, а дядя Володя, ничего не понимая, смотрел на меня с изумлением. И от этого хохоталось еще сильнее.

А подарок ко дню рождения я все-таки получил — как они только успели? Мне торжественно вручили за ужином. Даже не один, а целых три: электрический фонарик-жучок — с гарантией на сто пятьдесят часов, красивую расческу с оленьей головой на одном конце и большую плитку шоколада из наших аварийных запасов. Четверть плитки я съел сам, четверть оставил на завтра для Сашки, а половину разделил на маленькие кусочки и раздал всем студентам. Они ели и нахваливали.

Потом я устроился в спальном мешке, причесался новой расческой и стал светить своим жучком. Светил долго-долго, даже надоело. А посмотрел на дяди-Володины часы, — они висели на гвоздике, вбитом

в палку, — всего пятнадцать минут прошло. Значит, еще сто сорок девять часов и сорок пять минут гарантии осталось.

Хороший подарок!

Я проснулся на рассвете оттого, что неудобно было лежать. Повернулся на бок, на другой — все равно неудобно. Как будто подо мной камень.

Пошарил рукой в спальном мешке и вытащил свой фонарик-жучок. Я испугался: целую ночь на нем проспал, не раздавил ли?

Рядом негромко посапывал дядя Володя. Чтобы не будить его, я вылез из палатки и, слегка постукивая зубами от утренней прохлады, несколько раз нажал ручку фонарика.

Он весело завизжал, нить в плазке-лампочке сразу стала ярко-красной.

Зря волновался, в порядке!

Солнце еще только встало. Косые лучи, розоватые и неяркие, лежали на траве попеременно с длинными тенями от тополиных стволов, и поляна, где стоял наш лагерь, выглядела полосатой и разноцветной, похожей на огромный матрац. Было тихо-тихо, как на футбольном стадионе, когда бьют одиннадцатиметровку. Даже птицы потрескивали вполсилы, словно понимали, что еще не настало время запускать свои трещотки на полную мощь.

Я зевнул, сделал руками несколько резких движений, чтобы стряхнуть подобрившийся вплотную холод. И вздрогнул от неожиданности, случайно зацепив взглядом две человеческие фигуры.

Это были Слава и Рита. Они сидели на неудобной скамье из круглых жердей, тоже полосатой от чередовавшихся полос теней и света, держались за руки и смотрели друг другу в глаза. Меня они не видели.

Я нарочно потоптался у палатки, чтобы они обратили на меня внимание, наступил на сухой сучок. Ничего!

— Доброе утро, — сказал я громко.

Слава повернулся ко мне. Он улыбался, но не ехидно, как обычно, а блаженно и бессмысленно. Точно так же улыбалась Катька несколько лет назад, когда лежала в коляске, дрыгая голыми ножками, а я показывал ей на потолке разные смешные диафильмы.

— Доброе утро, — повторил я.

— Чудное! — отозвался он. — Правда, Рита?

— Чудесное утро! — Рита так и не взглянула в мою сторону.

— Иди сюда, Толя! — поманил Слава пальцем.

Я подошел.

— Ну?

— Ты хороший парень! — он взял меня за плечо свободной рукой — другую держала Рита. — И Сашок твой тоже. Правда, Рита, они ребята что надо?

— Прелесть!

— Я знаю, вы совсем не спали! — догадался я.

— У нас большое событие, Толик.

Они опять уставились друг на друга, словно играли в гляделки.

А если гипноз? Если их кто-нибудь загипнотизировал?.. Я попятился назад и юркнул в палатку.

— Дядя Володя!

— А? Что? — Он моментально сел.

— Там Слава и Рита. Они всю ночь не спали. По-моему, их загипнотизировали.

— Чепуха какая! Из-за этого будить...

— У них что-то случилось, честное пионерское! Слава мне сам сказал.

— Да?

Дядя Володя задрал к потолку свои длинные волосатые ноги, ловко, одним махом, сунул их в брюки и выбрался по-пластунски из палатки. Я следил сквозь щель, как он подошел к Славе и Рите, как заговорил с ними. Они отвечали, улыбаясь все так же бессмысленно, как грудняшки. Потом дядя Володя почему-то пожал им руки, а Риту еще и поцеловал в лоб.

Тут я уже сообразил в чем дело, и когда дядя Володя вернулся в палатку, сказал хитренько:

— А я знаю, что у них случилось.

— Ну, что? — дядя Володя улыбался тоже чуточку по-детски, словно от них заразился.

— Они вышли замуж.

— Еще нет, но решили пожениться.

— У-у-у, — протянул я разочарованно. — Чепуха какая! Из-за этого целую ночь не спать.

— Не передразнивай старших! — Дядя Володя дал мне легкого пинка, в шутку, конечно. — Вот будешь сам жениться, тогда узнаешь, какая чепуха.

— А я, может, никогда не женюсь, — сказал я. — Я, может, целиком и без остатка посвящу себя какой-нибудь науке... Не верите? Хотите — поспорим?

Дядя Володя смеялся:

— Опять «американку»? Смотри, снова продуешь...

Во время завтрака дядя Володя вдруг встал, откашлялся:

— Внимание! Важное сообщение...

И объявил о предстоящей женитьбе Славы и Риты.

Какой тут поднялся шум! Все бросились их поздравлять, обнимать, чуть не опрокинули наш шаткий стол. Кто-то, кажется Гадалкин, крикнул: «Горько!», и сразу все принялись колотить ложками по своим алюминиевым мискам и скандировать:

— Горь-ко! Горь-ко!

Дядя Володя жестом потребовал тишины:

— Как старший, разъясняю: «горько» кричат только на свадьбе. Так что Слава и Рита вовсе не обязаны целоваться. Дело совершенно добровольное.

Но они все-таки поцеловались. И все им аплодировали, словно они целовались не взаправду, а на сцене.

Потом вспомнили, что оба — жених и невеста — сегодня дежурные по кухне. Гадалкин закричал:

— Товарищи, как хотите, а их и близко нельзя подпускать к пище. Товарищи, это опасный шаг! Товарищи, подумайте! Лично я заявляю решительный протест на самом высшем уровне.

И студенты пошли изощряться:

— Правильно! Насыплют горчицы в компот.

— Или сахара в перловую кашу.

— Или перца в чай.

— А уж что пересолят — точно!

Дядя Володя сказал:

— Ладно, дадим им внеочередной однодневный отпуск для устройства семейных дел. А дежурит пусть следующая пара. — Искомандовал: — Шагом марш, пока мы не передумали!

И Слава с Ритой пошли из лагеря куда глаза глядят, счастливые, взявшись за ручки, как добропорядочные детки старшего ясельного возраста.

— Так кто же все-таки сегодня дежурные? — спросил дядя Володя, проводив их взглядом.

— Я, — поднялась Вера.

— И я, — буркнул недовольно Боря.

Я его очень хорошо понимал. Не слишком приятно возиться с печкой, таскать воду. Да еще в такое время, когда на раскопках добывают один горшок за другим: последние дни студенты открыли богатое месторождение горшков; весь наш объемистый сундук уже набит ими доверху, да еще не меньше десятка самых пузатых сгрудились рядом, защищенные от дождя и солнца листами фанеры.

А вот какое значение для задуманного нами великого дела имело это Борино дежурство, я тогда еще не понимал. Но примчался Сашка, мгновенно все сообразил и мне тоже раскрыл глаза:

— Сегодня ночью роем Чертов курган.

— А как же Боря? — спросил я озадаченно. — Я же еще с ним не говорил.

— Вот сейчас и поговорим. Самый удобный случай, понимаешь?

Все ушли на раскопки, кроме дежурных. Остались в лагере и мы с Сашкой. Для начала, чтобы создать подходящие условия, притащили несколько ведер воды, помогли дежурным мыть посуду. Сашка рассказывал о каких-то мальчиках из какого-то соседнего села, которые самостоятельно разрыли курган и обнаружили там бог знает какие археологические ценности. Он сочинял вдохновенно, на ходу, и я только диву давался, как складно у него все получается.

Козлик шумно восторгалась, переспрашивала, интересовалась подробностями, их Сашка тут же выдумывал в нужном количестве. Но Борю Сашкины сказки, казалось, совершенно не трогали. Он молча водил тряпкой по кружкам и загадочно помаргивал своими белесыми ресницами.

Потом Козлик ушла в магазин за солью, а Боря сел чистить картошку. Делал он это ну просто как настоящий мастер. Длинные

тонкие ленты самотеком струились из-под его ножа и не прерывались до тех пор, пока беленькие чистенькие картофелины, булькая, не ныряли в кастрюлю с водой.

Боря сидел на камне, широко расставив ноги, а мы, подперев головы руками, живописно лежали у его ног. Сашка увлеченно излагал свою новейшую теорию землетрясений. У него получалось, что Земля чувствует. Когда люди зарываются слишком глубоко в ее поверхность, она вздрагивает от боли. Так происходят землетрясения.

Я деланно, смеялся:

— Ха-ха-ха!.. Слышишь, Боря, что он говорит! Значит, Земля — не планета, а живое существо.

Сашка так же деланно горячился:

— А роман Станислава Лема «Солярис»? Помнишь, Боря? Там космонавты открыли планету, окруженную океаном, а потом оказалось, что это не океан, а живой мозг.

— Что он говорит, что он говорит, слышишь, Боря?

— Сразу видно: Только не читал «Солярис», правда, Боря?

Боря не отвечал ни мне, ни Сашке, продолжал невозмутимо чистить картошку. И если бы не внимательные взгляды, которые он иногда бросал на нас из-под опущенных век, можно было подумать, что он совсем не слушает и думает о чем-то своем.

Наконец, отчаявшись, мы решили отказаться от всяких обходных маневров и повести разговор впрямую.

— Слушай, Боря, — начал я вкрадчиво, — есть одно тайное дело. Дай слово, что никому не скажешь.

Серая лента картофельной шкурки на мгновение застыла над ножом.

— Опять золотая гривна? — спросил Боря.

— Нет! — дружно замахали мы руками. — Нет, нет! Совсем другое.

Шкурка снова поползла с картофелины.

— Ну? — Боря поднял голову, и в его маленьких глазах я прочитал любопытство. Ага! Наконец-то!

— А, умник! Сначала дай слово.

— Ну, берите.

Я вопросительно посмотрел на Сашку. Можно ли странное, будничное «берите» считать честным словом? Решили: ладно,

считаем, будь что будет!

Сашка изложил Боре весь наш план, ничего не утаил. Даже наоборот, немножко прибавил. Будто его дядя, когда был еще пацаном, рыл Чертов курган и нашел там уйму золота.

И чуть все не испортил.

— Зачем тогда рыть, если он уже нашел? — спросил Боря.

Сашка выкрутился мгновенно:

— А я еще не сказал, что потом было. Потом он испугался и снова зарыл.

Боря кончил чистить картошку. Поднял кастрюлю, отнес ее к очагу.

— Очистки — туда! — он ткнул пальцем в сторону ямы.

Мы аккуратно собрали картофельные шкурки, все до единой, бросили в яму. Боря раздувал огонь в печке. Мы опустились рядом с ним на колени и тоже принялись дуть. Наконец пламя охватило сучья и стало их пожирать.

— Фу!

Боря встал. Мы тоже.

— Ну? — сказал Сашка, пытаясь заглянуть ему в глаза.

— Ну? — сказал я.

Боря почесал нос.

— Как студент четвертого курса педагогического института я должен немедленно сообщить о вашей авантюрной затее Владимиру Антоновичу.

Я испугался:

— Ты же дал слово!

Сашка сказал хмуро:

— Это нечестно.

— И совсем непедagogично! — добавил я в отчаянии.

Боря уставился на меня своими свинцовыми глазками. Впрочем, свинец в них начинал плавиться; я ясно различал золотистые точки.

— Почему непедagogично?

— Педагог не должен обманывать маленьких.

— А как педагогично?

— Уж лучше попытаться нас отговорить.

— А получится?

— Нет. — Меня подбадривали веселые золотистые точки в его глазах; их становилось все больше.

— Вот видишь!

— Но отговаривать стал бы кто? — теперь уже атаку повел Сашка. — Какой-нибудь сухарь, а не настоящий педагог. Настоящий педагог обязан пойти вместе с нами.

— Вот как! Даже обязан?

— А как же! Вдруг мы провалимся в яму.

— Или нас укусит змея, — поддержал я Сашку.

— Или бешеная собака. Знаешь какая там бегает!

— Хм... — Боря снова почесал кончик носа. — Значит, вы оба считаете, что я, как педагог, обязан идти вместе с вами. Хорошо, предположим. Я пошел. А дальше?

Сашка не упустил инициативы:

— Дальше? Копать. И если мы что-нибудь найдем, сказать: «Вот видите, дорогие дети, как хорошо, что вы обратились за помощью к старшему товарищу. Без старшего товарища вы бы, понятное дело, ничего не нашли».

— А если не найдем? — Боря был уже наш, наш, хотя и делал вид, что колеблется.

— Если не найдем, тогда нам худо. — Сашка вздохнул печально. — Тогда ты нам скажешь: «Видите, дорогие дети, вам старший товарищ говорил, а вы не слушались. Теперь вы сами убедились, что старшие всегда правы. Слушайте старших, дорогие дети!»

— «Ешьте манную кашу, дети», — добавил я.

— «И мойте руки перед едой», — закончил Сашка.

Боря смеялся. Не громко, конечно. Громко он никогда не смеялся. Глаза смеялись.

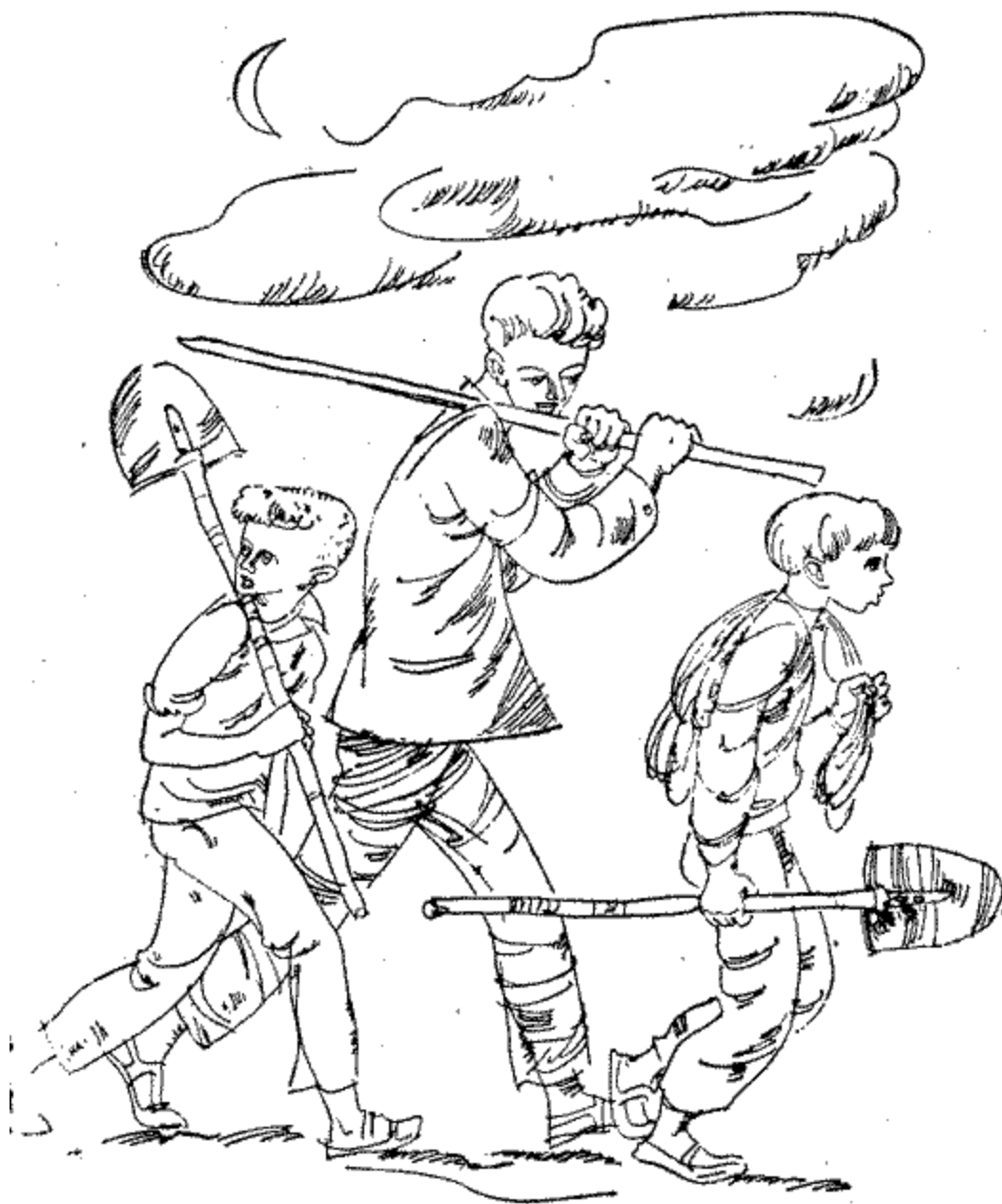
— Значит, вы считаете, идти будет педагогично?

— Еще как педагогично! — закричал я радостно. — Препедагогично-распрепедагогично!

— Все! Решено! Иду! Во имя педагогической науки. Но только во всем слушаться меня. Скажу: копать — рук не жалейте. Скажу: перестать — баста!

Какое там — во имя науки! Мы же понимали: просто ему тоже хочется копать Чертов курган.

Не меньше, чем нам.

Штурм Чертова кургана начался в двадцать три часа по местному времени. Мы с Сашкой хотели дождаться двенадцати, чтобы ровно в полночь, — времени в нашем распоряжении было сколько угодно, хоть

до утра: дядя Володя отпустил меня ночевать к Сашке. Но Боря не согласился ждать, обозвал нас какими-то «беспочвенными романтиками», решительно очертил лопатой прямоугольник и подал команду:

— Поехали!

Первой, как и полагается в настоящем бою, вступила в действие тяжелая артиллерия. Боря с силой всаживал в землю лом, разрыхляя твердый верхний слой. Затем пошла в атаку царица полей — пехота. Я орудовал лопатой на конце прямоугольника, подходившем к самым кустам, Сашка, чтобы не мешать мне, — у противоположного ската. Землю мы не разбрасывали как попало, а аккуратно ссыпали в кучу.

Луна, раздутая с одного боку, как будто у нее вспухла щека, светила довольно исправно. Лишь на считанные минуты она уходила за жиденькие облака, и тогда по земле проползали сумрачные тени, от которых мне становилось чуточку не по себе, хотя в общем-то с Борей я ничего не боялся.

Снизу, с огорода тети Поли, доносился жалобный негромкий скулеж. Волк, усевшись напротив нас, на погребке, вымаливал подачку. Хлеб, который притащил для него Сашка, не пришелся по вкусу этому попрошайке. Мясо, видите ли, ему подавай!

Тяжелая артиллерия работала безотказно. Боря, как автомат, через ровные промежутки времени, поднимал лом и опускал его с силой. Зато пехота выдохлась быстро. Первым сдал я. Земля стала что-то уж очень тяжелой. Я набирал ее на лопату все меньше и меньше, пока, наконец, не почувствовал, что лучше сесть и честно отдохнуть, чем бросать землю такими воробьиными порциями.

Я так и сделал. Боря ничего не сказал. Сашка спросил ехидно:

— Уже?

Но не прошло и минуты, как и он присоединился ко мне. Теперь спросил я:

— Уже?

— Лопата попалась какая-то... — Сашка трудно дышал. — Не такая...

— Тяжелая? — подсказал я мстительно.

— Ага.

— Вот и моя тоже.

Посидели, потом начали снова копать. И выдохлись еще быстрее. Боря положил лом, взял у меня лопату и принялся швырять разрыхленный песок полновесными дозами. Как он может? На вид щуплый, а работает — позавидуешь! Хорошо, что мы его взяли, а то самим бы ни за что не докопаться.

Когда мы углубились в землю почти на метр, подоспела неожиданная помощь. Кто-то взбежал на курган и спросил удивленно:

— Вы что тут делаете?

Рыжий Митяй! Он живет где-то близко. Шел из кино, увидел какое-то шевеление на кургане. Сначала испугался, думал, привидения. А потом услышал Сашкин голос и, набравшись храбрости, подошел ближе.

— Давайте я покопаю, — предложил Митяй.

Я с готовностью протянул ему свою лопату, Сашка свою. Но он не взял ни у меня, ни у него.

— Я лучше домой слетаю, батькину, садовую, принесу. Как нож!

И скатился с кургана.

— Только никому! — крикнул вдогонку Сашка.

— А я не знаю, да?

Теперь пехоты прибавилось, и штурм кургана возобновился с новой силой. А спустя еще немного времени Сашка схватил меня за руку и прошептал:

— Смотри!

Я обернулся. Со стороны кладбища на нас двигались две фигуры.

— Ха-ха-ха! Опять белье!

Рядом шуровал ломом неутомимый Боря, чуть подалее совсем по-будничному деловито шмыгал носом рыжий Митяй, и появившись сейчас передо мной хоть какой угодно призрак, я бы рассмеялся ему прямо в прозрачное лицо.

Фигуры приближались — на этот раз явно не белье. Вот уже Боря заметил их.

— Замри! — тихо приказал он нам. Всмотрелся и крикнул: — Слава! Рита! Сюда! Сюда, к нам!

Это было очень неосторожно с его стороны. Сразу залился лаем Волк, встревоженный незнакомым голосом. Сашка ринулся вниз его успокаивать. А Боря пошел навстречу Славе и Рите, чтобы они в темноте не напоролась на колючую проволоку у подножья кургана.

Оказывается, жених с невестой ездили в Большие Катки звонить родителям и вернулись оттуда автобусом — минут десять назад я видел на шоссе его светлые лучики-пики. Утреннее блаженное состояние с них сошло, они стали нормальными людьми. Рита была молчалива, как всегда, а Слава весел.

— Золотчишки захотелось? — говорил он. — Гробницу Чингисхана копаете? Смотри, Рита, стоило только нам на день оставить их без присмотра... Нет, Борька, ты прямо как мальчишка...

Но тем не менее и он, и Рита тоже включились в дело. Отобрали у нас с Сашкой лопаты и ударили по кургану, словно хотели наверстать все то, что потеряли за день на раскопках. Мы с Сашкой сидели на краю совсем уже приличной ямы и весело канючили вполголоса:

— Маленьких обижать! Отдайте лопату!

Прошло, наверное, еще полчаса, не больше, когда рыжий Митяй вскрикнул в яме:

— Ой!

— Что там еще? — сурово спросил Боря.

— Лопата стукнула во что-то твердое.

— Пусти!

Боря посветил фонариком, ничего не увидел и ударил ломом. Послышался глухой звук. Сердце у меня радостно екнуло, я схватил Сашку за руку.

— Кажется, деревянная камера, — произнес Боря сдавленно.

Он сильно ударил ломом еще раз, еще, и вдруг лом провалился в пустоту — Боря выпустил его из рук. Мы все отчетливо слышали, как там, внизу, лом звякнул, стукнувшись, вероятно, о камень.

В лихорадочной спешке очистили дно ямы. Мы с Сашкой сгребали землю прямо руками. В круглом пятне света карманного фонарика появилось полусгнившее дерево.

— Балка! — сказал Боря.

— Горбыль, — сказал рыжий Митяй.

Да, Митяй угадал, это был горбыль. К счастью. Потому что если бы балка, пришлось бы бежать в лагерь за подмогой; без лома нам самим балку ни за что бы не поднять.

С горбылем тоже управлялись долго, хотя он и основательно прогнил. Пришлась подкапывать яму с одного конца. Наконец

подняли. Светили вниз фонариком, но ничего не видели, кроме ровного земляного пола.

— Взрослому не пролезть. — Слава измерил растопыренными пальцами ширину отверстия. — Ну, пацаны, требуется доброволец. На жизнь иль на смерть идущий.

— Я! — выдохнули разом Сашка и рыжий Митяй.

Я отстал от них на полсекунды. Ровно столько мне потребовалось, чтобы справиться со страхом, который лез на меня из черной дыры в земле

— И я тоже.

Боря посветил фонариком нам в лица. Я зажмурился.

— Сашка! — сказал Боря.

— Но почему... — начал я.

— Цыц! Мы же договорились!

Сашку обмотали веревкой, другой ее конец держали Боря и Слава.

Сашка присел на край отверстия, сунул туда ноги, потом осторожно протиснул туловище.

— Теперь подымай вверх руки. Смелее, смелее, мы же держим! — командовал Боря. — Глаза закрой, наберешь в них земли.

И вот уже Сашка там, внизу. Боря подал ему фонарик. Мы все прильнули к отверстию.

— Ни с места без команды! — Боря отсюда, сверху, управлял Сашкой, как роботом. — Зажги фонарь. Так. Теперь осмотришь. Только ничего не трогай, слышишь? И не пугайся, если увидишь скелеты.

— Никаких здесь скелетов нет, — донесся из-под земли глухой Сашкин голос.

— А что есть?

— Ничего нет, пусто... Хотя нет, вот стол.

— Стол?! — поразился Боря.

— Ну, не настоящий стол, а пень и на нем плаха деревянная.

— А на плахе что?

— Свеча.

— Не может быть!

— Влезай сам, увидишь.

— Поддай ее сюда. Только осторожно. Она может рассыпаться.

Боря опустил руку в отверстие. Когда вытащил, я включил свой фонарик-жучок.

Боря держал огарок свечки. Самой обыкновенной белой свечки, которую мама зажигает на кухне, когда неожиданно гаснет электрический свет.

— Ты что-нибудь понимаешь? — растерянно спросил Боря у Славы.

Тот тронул свечу пальцами:

— Кажется, стеариновая.

— В том-то и дело. Девяносто копеек пачка.

Лица у них вытянулись. Я спросил:

— А вдруг какое-нибудь великое открытие?

— Прямо переворот в науке, — сказал Слава. — Гунны лопали свечи вместо конфет.

— Коробка! — услышали мы снизу голос Сашки.

— Какая там еще коробка? — Боря нагнулся над отверстием.

— Картонная. Из-под обуви. Сейчас... «Цебо. Чехословацкое изделие. Размер: сорок один с половиной. Цвет черный», — прочитал вслух Сашка. — Открыть?

— Открой! — Боря переpleнулся, со Славой.

— Разве тогда была Чехословакия? — спросил я. — Разве тогда люди носили ботинки?

Ответил рыжий Митяй:

— А то нет! Что они, по-твоему, босиком бегали? Летом еще можно, летом даже здорово, а зимой как, в снег?

— Что молчишь? — крикнул Боря. — Что там в коробке? Говори же!

— Бляшки какие-то. Медные, что ли. И пластинки, тоже медные... Ого! — неожиданно услышали мы.

— Что случилось? — встревожился Боря.

Сашка молчал.

— Эй! Сашок!

Молчание.

И вдруг веревка задергалась.

— Тяните! — закричал Сашка. — Тяните меня! Золотая гривна! Та самая! Вот она, вот, я держу ее!

— Толик! — Боря дышал быстро и прерывисто. — Сейчас же за Владимиром Антоновичем. Бегом, слышишь!

Он и Слава взялись за веревку...

Наш физкультурник упрекает меня, что я медленно и тяжело бегаю. Посмотрел бы он, как я несся по сонной деревне! Ветер свистел в ушах, темные дома бежали навстречу и исчезали один за другим за моей спиной. Кажется, я даже не касался ногами земли, а проносился над ней, как самолет на бреющем полете.

Я летел с такой скоростью, что не успел посторониться, когда на моем пути неожиданно вырос человек. Врезался в него, мы оба свалились на землю.

— Извините, извините, — пробормотал я, вскакивая на ноги и потирая ушибленное плечо.

Мужчина тоже поднялся.

— Несется, как паровоз, — ворчал он. — Ослеп, так — нет?

Савелий Кузьмич!

— Я... Я не хотел... Я случайно.

— Ты, сынок? — только теперь он узнал меня и страшно удивился. — Откуда так поздно?

Я не удержался, выпалил:

— С Чертова кургана! Мы его разрыли. Никаких там нет привидений.

Зачем скрывать? И так завтра вся деревня узнает.

— Постой, сынок, постой...

— Некогда мне! — крикнул я уже на бегу. — За дядей Володицей надо.

Возле самого входа в палатку я зацепился за веревку и рухнул на брезентовую крышу, чуть не сорвав с кольев наше жилище. Дядя Володя еще не спал, только расстилал свой мешок.

— Золотая гривна! Золотая гривка! В Чертовом кургане! Скорее! Скорее!

Он мгновенно все сообразил:

— Веди!

По дороге я, задыхаясь от бега, стал довольно бессвязно рассказывать, как Сашка нашел в кургане сначала огарок, потом коробку из-под чехословацких ботинок, а потом и гривну.

Дядя Володя схватил меня за руку, посмотрел как-то странно:

— Слушай, а тебе не приснилось? В детстве иногда такие сны бывают — еще реальнее, чем наяву.

— Что вы, дядя Володя! — возмутился я.

Но когда мы прибежали на Чертов курган, я и сам подумал: может, мне, правда, приснилось? Потому что никого на кургане не было. Ни Бори, ни жениха с невестой, ни Сашки, ни рыжего Митяя. Никого, ни единой души. И только черная яма под ногами немножко меня успокоила. Не мог же я ее вырыть во сне!

— Толька! — послышался вдруг Сашкин голос снизу, от забора.

Я обрадовался:

— Где ты?

— Иди сюда, к калитке. Там открыто.

— А Волк?

— В сарай заперли...

Сашка ждал нас возле калитки, мигая фонариком, чтобы мы не блуждали в темноте.

— Почему ты здесь? — спросил дядя Володя.

— Все здесь... Ой! — спохватился Сашка. — Вы же еще ничего не знаете! Из погреба тети Поли вел ход в курган. Он был весь заставлен досками, но милиция все равно нашла.

— Милиция? Какая милиция? — Дядя Володя смотрел на меня строго. — Почему ты мне ничего не сказал про милицию?

За меня ответил Сашка:

— А он сам не знал. Только убежал за вами, приехала их машина.

Мы опустились в погреб по шатким скрипучим ступенькам, Сашка светил фонариком нам под ноги. Пахло кислой капустой и еще чем-то прелым, противным. У стены, против входа, грудились доски, старые, серые, с обломанными концами. А рядом с ними в стене зияло отверстие. Довольно большое, я бы мог пройти почти не сгибаясь.

— Вот ход.

Сашкин голос звенел от гордости, и хотя он сам сказал, что ход нашел не он, а милиция, мне было чуточку завидно.

— Возьмите, — Сашка протянул дяде Володе фонарик.

— Зачем?

— А как туда лезть без фонаря?

— погоди лезть. Где все остальные?

— В доме, — ответил Сашка. — Там милиция тетю Полю допрашивает. Она говорит: ничего не знаю про ход, его, наверное,

прежний хозяин дома вырыл, еще до войны. А милиционер: как же тогда чехословацкая коробка из-под обуви туда попала?

— Ну-ка, пошли в дом...

Студенты на кухне разговаривали вполголоса. Дядя Володя кивнул им — и прямо в комнату, где шел допрос. Я за ним.

Милиционер сидел спиной к двери, но я его сразу узнал — достаточно было взглянуть на фуражку.

— Здравствуйте, — поздоровался дядя Володя. — Как вы узнали так быстро?

— Интуиция, товарищ ученый. — У лейтенанта был озабоченный вид. — Вы нюхом чувствуете, где копать. Я — куда ехать... Вот, гражданка Усольцева, — снова повернулся он к тете Поле, — тот самый руководитель экспедиции, у которого вы золотую гривну украли.

Тетя Поля?! Она украла?!

— А ведь я ее знаю, — сказал дядя Володя. — В первый день раскопок она что-то говорила людям о заразных болезнях.

— Не крада я! — Старуха, сидевшая против лейтенанта, плотно сжимала губы. — Не крада!

— Не одна, конечно, — сказал лейтенант. — Но гривну из полевой сумки взяла именно она.

— Не я! — твердила старуха. — Не крада я.

— Каким образом? — спросил дядя Володя.

— Она пряталась в доме, когда вы пришли. За печкой или в подвале. А потом хозяин повел всех вас в сад...

— Не пряталась я. И не была там. На почте убиралась.

«Она на почте уборщицей, — сразу подумал я. — А тетка Анисья приехала из Больших Катков и прямым ходом, на почту, — сказал Гадалкин. Не для того ли, чтобы спросить о золотой гривне, цела ли она? Но тогда, получается, и тетка Анисья причастна. А Савелий Кузьмич?».

— Правильно! — сказал лейтенант почти радостно. — Вы убирались на почте до шестнадцати ноль-ноль. Это явствует из показаний гражданина Сергеева А. К., начальника почты. А потом? — спросил лейтенант и сам же ответил: — Потом вас позвал один знакомый вам гражданин. И вы ушли. Куда ушли, спрашивается?

— По ягоды ходила.

— Куда? Уточните.

- Я говорила: в круглый колок.
— А не в другое какое-нибудь место?
— Нет, туда, туда!

Милиционер с сожалением покачал головой:

— Вот что значит не везет! Вам не повезло, вам, гражданка Усольцева. В круглом колке в то время мальчишки бродили, до самой темноты. Ни один вас не видел. Хотите, могу для убедительности их свидетельские показания зачитать? — Он взялся за свой планшет.

— Не крала я! — Старуха смотрела в сторону. — Не крала!

Дядя Володя спросил:

— Где гривна?

— Там, на буфете, — кивнул лейтенант. — В коробке. Посмотрите. Там еще кое-что интересное есть.

Я очутился у буфета раньше дяди Володи. Коробка была наполовину наполнена желтыми бляшками, пластинками, прутиками. Дрожащими руками дядя Володя стал раскладывать их на подоконнике.

— Бог мой! Целое богатство! Вот эта золотая обкладка например. — Он поднял к свету одну из желтых пластинок. — Поединок богатырей. Какая работа! Какая великолепная, какая тонкая работа!

— И все из Чертова кургана? — спросил лейтенант, разглядывая пластинку.

— Нет, — покачал головой дядя Володя. — Все не может быть из одного кургана. Наворовано из разных погребений, их разделяют многие сотни лет, даже тысячелетия. И я, кажется, знаю, кто вор.

— Я тоже! — не выдержал я. — Савелий Кузьмич, вот кто! Эх, он, наверное, убежал! Я ведь ему сказал...

И прикусил язык. Но было уже поздно.

— Что сказал? Когда сказал? — вцепился милиционер. — Про гривну сказал? Про курган?

— Я же не знал... Я бежал за дядей Володей, а он... Если бы я знал...

— Тогда понятно! — Милиционер забарабанил пальцами по столу. — Значит, это он выскочил от вас, когда мы приехали, гражданка Усольцева? Это он прибежал вас предупредить?

Старуха молчала. Губ совсем не было видно, одна лишь прямая тонкая щель между носом и подбородком.

Распахнулась дверь. На пороге стоял знакомый мне водитель милицейской машины.

— Привез, товарищ лейтенант.

— Давай сюда!

И вот в комнате уже стоит Савелий Кузьмич. Его, видно, подняли прямо с кровати — неужели он спал? Волосы спутаны. Пиджак накинут прямо на майку.

— Что за порядки такие, товарищ начальник, рабочих людей по ночам сна лишать? — подступил он к лейтенанту. — Теперь не те времена, можно и управу на самовольников сыскать.

— Прошу извинить, — очень мирно, по-моему, даже заискивающе, произнес лейтенант. — Вы нам срочно понадобились по делу гражданки Усольцевой. Кажется, родная тетка вашей супруги?

— Ну, тетка. Что с того? Дочка за матку не ответчица, не то что за тетку там какую-то, так — нет?

— Нет, ничего. Просто несколько к вам вопросов.

— Разрешите сначала мне, — шагнул к столу дядя Володя. — Савелий Кузьмич, видите? — У него на ладони лежало несколько бляшек. — Эти золотые бляшки парные — к тем, что вы мне еще тогда, четыре года назад передали, из одного комплекта. Не объясните ли, как они в Чертов курган попали?

— Вы ученый, вы и объясните, — ухмыльнулся Савелий Кузьмич. — Я тут при чем?

Я бы ему сказал, при чем он. Я бы сказал! А вот дядя Володя смолчал. Полез в карман, вытащил что-то, уложенное в носовой платок, развернул.

А, наконечник стрелы! Тот, которым Савелий Кузьмич багажник мотоцикла открывал.

— И вот это еще, — дядя Володя высоко поднял в пальцах наконечник. — Откуда он у вас?

— Все оттуда же, со Стремянки, с речки. Ты что, сынок, разве ему не говорил? — повернулся он ко мне.

— Не сынок я вам никакой! — выкрикнул я.

— Тихо! — оборвал меня дядя Володя. — Но, позвольте, Савелий Кузьмич, это же просто нелепо, любой эксперт подтвердит.

Наконечник стрелы совсем из другого времени. Он просто не мог быть там, на Стремянке. Так же, например, как не мог быть при царе Горохе телевизор или, скажем, автомашина.

— Вот и поломайте свою ученую головку! Не зазря же вам такие деньги платят, так — нет?

Я сжал кулаки. Неужели и теперь дядя Володя смолчит?!

— А я уже нашел решение. — И опять спокойно, и опять вежливо. Как он может!

Савелий Кузьмич улыбнулся нахально: — Интересно полюбопытствовать.

— Вы могильный вор. Разрываете тайком древние захоронения, ищете золото. Могильный вор!

Вот! Давно бы так!

— Товарищ начальник! — Савелий Кузьмич обращался к лейтенанту. — Скажите этому гробокопателю — пусть не оскорбляет. Я ведь не посмотрю на его научные чины — в суд за оскорбление личности, — так — нет? А вас в свидетели.

И лейтенант... Нет, не оборвал его, не прикрикнул.

— Нельзя так говорить, товарищ ученый. — Он смотрел куда-то вниз, на ноги Савелия Кузьмича. — Не пойман, знаете, не вор. Не доказано. Не имеете права так говорить.

— Давайте скорее ваши вопросы, товарищ начальник. Спать охота. — Савелий Кузьмич поставил ногу на стул. — Надо же, в какой спешке из кровати вытащили, даже зашнуроваться не успел. — Он аккуратно завязал шнурок у левого ботинка. — Что смотрите?

Лейтенант все не отводил глаз от его ног.

— Чехословацкие? — вдруг спросил он. — В Больших Катках покупали?

— В прошлом месяце, — ответил с готовностью Савелий Кузьмич. — А что, хорошие ботиночки, так — нет? — Он, любуясь, погладил блестящий носок. — И, главное, недорого.

— Сорок первый размер?

— С половинкой. У них там еще половинки какие-то есть. А что?

— Коробочка, — ласково пропел милиционер. — Коробочка, понимаете?

Савелий Кузьмич сразу переменялся в лице. Взгляд метнулся к буфету, на котором стояла коробочка из-под обуви. Исчезла улыбка, зубы

лязгнули как-то по-волчьи.

— Что, начальничек, думаешь, уже все, уже меня слопал?

— Падалью не питаюсь.

Лейтенант положил перед собой чистый лист бумаги, улыбнулся, в первый раз с тех пор, как я его узнал, вздохнул, словно с него свалилась гора или, по крайней мере, курган:

— Фу-у... Ну что, начнем оформлять?

Наше вече собралось необычно рано, до завтрака. Еще не успел затихнуть в воздухе звон рельса, а мы все уже сидели на сырой росистой траве. Я рядом с Сашкой, плечом к плечу.

Встал дядя Володя. В руке бумажка.

— Уважаемое вече! Сначала оглашу приказ. Пункт первый. За допущенное самоуправство, за вскрытие тайком, без ведома руководителя экспедиции, кургана, объявить выговор студенту Борису Лаптеву и ученику Анатолию Кубареву... Тебе, — обратился он к Сашке, — я выговора объявить не могу, ты не мой подчиненный. Но я попрошу Николая Сидоровича, чтобы он отлупил тебя хорошенько ремнем.

Это было несправедливо. Ужасно несправедливо! Ведь мы нашли золотую гривну. Если бы не мы, ее, может быть, еще сто лет искали. И вот, пожалуйста! Вместо благодарности — выговор. А Сашке и того хуже. Выговор — хоть не больно...

— Пункт второй, — продолжал читать дядя Володя. — За проявленную инициативу и находчивость объявить благодарность студенту Борису Лаптеву и ученику Анатолию Кубареву... Тебе я благодарности объявить не могу, — снова обратился к Сашке дядя Володя, — ты не мой подчиненный. Но я попрошу Николая Сидоровича не лупить тебя ремнем...

Я посмотрел на Сашку. Довольный. Рот до ушей...

— Пункт третий. Образовать специальную команду для вскрытия курганных погребений в составе: студента Бориса Лаптева — старший, Риты Дербеневой, Славы Самоварова, учеников Анатолия Кубарева и Александра Яскажука.

— Рыжего Митяя тоже надо, — сказал Сашка.

— Он здорово роет, — сказал я.

— Узнайте фамилию, — нахмурился дядя Володя. — Не могу же я писать в приказе: рыжий Митяй, конопатый Сенька, лопоухий Сережка.

Все развеселились сразу...

Дядя Володя стал рассказывать о задачах нашей специальной команды. Я слушал и одновременно следил за солнечным лучом, который, пробиваясь сквозь листву тополя, подползал ко мне все ближе и ближе. Вот он уже у моего колена, вот взобрался на колени...

Стало так славно, так хорошо... С одной стороны грело солнышко, с другой я чувствовал теплое Сашкино плечо.

Глаза у меня закрылись сами собой. Только на секунду, не больше. Я их сразу же открыл — и так обрадовался! Мама, папа и Катька шли к нашему лагерю.

Я вскочил.

— Смотрите, смотрите! Это мои мама и папа. А сзади Катька, моя младшая сестра. Она всегда тащится сзади. Здорово, Катька!

— Сыночек наш, — мама подошла ко мне, — расти сильный, здоровый, умный добрый.

— Задержано доставкой, — папа улыбался. — Можешь купаться где хочешь, без всякого присмотра.

И хлопнул меня по плечу.

— Не трогайте его, пусть спит, — услышал я голос дяди Володи.

Я хотел рассмеяться и сказать: «Что вы, дядя Володя, я же не сплю! Я стою и разговариваю с папой и мамой, неужели вы не видите?»

Но я не рассмеялся и не сказал ничего. Помешала Катька. Она запрыгала на одной ножке и затараторила необычную для нее хвалебную нескладуху в мою честь:

Мой братик самый чудесный,
Мой братик умный-преумный.
Он отрыл для науки
Самый большой горшок...

Это уже было слишком.

Я понял, что все-таки сплю.

Ничего удивительного: любой человек может заснуть на солнышке, если целую ночь не спать. А я ведь тоже человек. Такой как все.

Ну, может, только чуть поменьше ростом.

Примечания

1

Так в оригинале книги. Сейчас правильным считается просторечный вариант — тополя — V_E.

2

Дикси — я сказал (*Лат*)